

12+

УВЕЛИЧЕНИЕ
SONSCALE

SunScale

Увеличение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66790358

SelfPub; 2021

Аннотация

История о необычном мире и его обитателях, известных, но не знакомых нам. Что скрывает в себе розовый цвет? Какие таланты имеют те, которых мы вынуждены не замечать? И самый главный вопрос: кто действительно проиграет?

Содержание

Глава 1. Знакомство.	4
Глава 2. Открытия.	24
Глава 3. Война.	42
Глава 4. Дружба.	69
Глава 5. Свобода.	101
Глава 6. Осознание.	120
Глава 7. Вторжение.	133
Глава 8. Любовь.	145
Глава 9. Смерть.	158
Глава 10. Катастрофа.	175
Глава 11. Ответственность.	193
Глава 12. Сражение.	213
Глава 13. Отдых.	225
Глава 14. Изменения.	235
Глава 15. Победа.	241
Глава 16. Будущее.	253
Эпилог.	259

SunScale

Увеличение

Глава 1. Знакомство.

Привет. Меня зовут Али. Али – это сокращенно от Али-бастер. Это не самое помпезное имя, которое могло бы мне достаться, но я и им не доволен. Как, впрочем, и тем, что я оказался тут.

До меня здесь был Фердинанд. Разумеется, я не знал его лично, но мне о нем успели рассказать.

Когда меня нашел некто, имя которого я еще не выяснил, он прокричал на всю территорию:

– Тетушка Розанна, у вас пополнение! Надеюсь, он будет такой же достойный, как почивший Фердинанд.

Так я понял, что мой предок был классным. Они надеялись, что я буду таким же. Не хотелось их разочаровывать сразу, но они заранее мне не понравились.

Когда я появился, рядом со мной никого не было. Никого живого, я имею в виду. Грузная, неправильной формы тушка лежала недалеко, но раз на нее не обратили никакого внимания, а заметили лишь меня, то я не без оснований мог думать, что это нечто было неживым. Я оказался здесь один. Это было странно. Поскольку у всех были братья или сестры.

Или почти у всех. У меня вот не оказалось.

И да – я это мог пережить.

Они не нравились мне не по тому, что сочувствовали моему одиночеству.

– Следуй за мной, Алибастер, – велел обнаруживший меня.

Я и последовал. Мы выбрались из кратера – по другому я не знаю, как назвать те углубления, что, видимо, считались домом, раз в них жили и из них нужно было выбираться. Мы двигались вверх. Вверху было светлее, но не настолько, чтобы я сразу смог бы сориентироваться. Я мог позволить себе спотыкаться – мне едва ли стукнуло пару минут.

Новый мир казался огромен, а я в нем чрезвычайно мал. Все вокруг прорезывали углубления – я не мог даже предположить их глубину. Когда мы пробирались рядом, на нас выходили посмотреть, будто мы оказались доселе неведанной диковиной. Вот уж даровал Фердинанд мне славу – теперь я вынужден лицезреть их излишнее внимание к себе.

Если не смотреть вокруг и не видеть взирающие на меня лица, то можно было представить, что все вокруг не соткано из тошнотворно-розового цвета, а кислород, поступающий в тело, не наполнен сладковато-приторным запахом чего-то грязного.

Я двигался медленно. Обретенное тело еще плохо слушалось, но я пытался не отставать. Сопровождающий то и дело салютовал прохожим и зевакам, приветствуя их по именам.

– Кларэсса! Рад видеть твою тонкую фигуру!

– Ромониа! Как продвигается твой ремонт?

– Лиммонтимонас! Прекрасно, что ты в добром здравии!

На слове «Лиммонтимонас» я понял, что мне с именем еще повезло. Но лучше его сократить. Али. Вполне неплохо, и главное – произносится быстро. Я бы не хотел, чтобы, когда придется выглядывать из дома мне (да, эти кратеры я называл домами, потому что они ими и были), кому-то пришлось прикладывать столько сил, чтобы поздороваться со мной.

В общем, странно, что они не сокращают свои имена. Ферди – сказал бы я почившему родственнику. Кла – крикнул бы я тонкой Кларэссе. Ро – назвал бы я Ромонию. Лимми – назвался бы я...эээ... Как там его? Вот зачем нужны сокращения! – думал я, пока мы двигались вперед.

Тетушка Розанна уже ждала нас. Место нашей встречи больше походило на площадку. Нет, скорее, на поле. Было светло. Тетушка Розанна не была тетушкой в прямом смысле слова. Я видел ее как женщину строгую, носящую прямой пробор на голове и, разумеется, пользующуюся очками. Я решил, что она учительница – именно так я ее себе представлял еще до того, как моя догадка подтвердилась.

– Найсеер! – величественно произнесла тетушка, – Неужели наш дорогой Фердинанд отправился к предкам? Так-так, – ее глаза, спрятанные за очками, уставились на меня, – кто это тут у нас?

– Алибастер, – произнес я немного дрогнувшим голосом.

Нет, я никого не боюсь. Я просто еще не привык.

– Алибастер, – протянула она, будто пробуя имя на вкус, – а где?..

Последний вопрос она не произнесла до конца, но на меня уже взирали сочувственно. Найсеер, как я уже узнал, или Най, как я решил его звать, наградил меня жалостью. Смо-чил от всей души, будто поливая из ведра.

Если они имеют в виду ту мертвую тушку рядом со мной – так вот – я его даже не знал. Да, скверно, что не меня одного будет тошнить от действительности, но сейчас меня тошнит от вашего сочувствия на ровном месте.

Я представил, что тетя Розанна не приглаживает идеаль-но выглаженные белые манжеты своей рабочей блузки и не смотрит на меня снисходительно. А Най не говорит то, что он говорит:

– Мы ждали, что их будет двое... Но... Лучше так, чем и вовсе никого. Надеемся, что этот малец будет держать купол не хуже, чем мой дорогой Фердинанд. Мир его жизни.

Прекрасно, что эти слова не имели скорбного оттенка. Ужасно, что я был с ними всего лишь пару мгновений, а они уже нашли мне применение.

Я не знал мир вокруг. В смысле, пока не знал.

Но я уже знал себя. На интуитивном уровне я точно знал свои вкусы и увлечения. Я знал, что свет меня притягива-ет, а розовая поверхность отталкивает. Я знал, как двигаться вперед и назад. Я знал, что происходит вокруг. Я знал, каков

воздух на вкус. Я знал, что воздух мне нужен, чтобы жить. Я знал, что я немного голоден – сахарку бы сейчас не помешало. Я знал, что вокруг меня не враги, а такие же, как я. Ну, или почти такие же. Те, кого мы сегодня встретили, чувствовались чуть иначе, они были словно... Другой семьей. Оно и понятно – мне уже по этому поводу посочувствовали. Ах да, и о братьях и сестрах я знал тоже интуитивно. По памяти. По инстинктам. По предназначению. По природе. Знал. И все тут.

– Это мы еще посмотрим, – вздохнув, произнесла тетушка, – спасибо, Найссер, что привел его так скоро – Алибастер как раз успеет к первому уроку. Сегодня какой-то сумасшедший для пополнения день. Чересчур много новеньких.

– До встречи, Розанна! – отсалютовал ей Най. Видимо, прощался он в точности, как и здоровался. Стабильность, одним словом.

Розанна – ладно, ее имя я трогать не буду, не так уж и длинно – повела меня за собой в центр поля. Там на фоне контрастных чертежей-рисунков стояли парты, за которыми в полной учебной готовности сидели они – такие же, как я – молодые, зеленые, недавно появившиеся. Задрав головы, они разглядывали все вокруг: изучающе, с неподдельным интересом. Я проследил за их взглядом – над нами было ярко-красное небо, уходящее за горизонт, конца-края которому не было видно. На стенах, абсолютно такого же, как и земля, цвета – розового, если кто забыл – были начертаны

плакаты, как и на полу. Крупные рисунки с подписями гла-
сили об опасности, и гением быть было не нужно, чтобы по-
нять, что нарисованные существа отнюдь не друзья. Парты
были маленькие, будто складные, и находиться за ними было
неудобно, но так полагалось. Я занял свое место.

Сосед по парте улыбнулся. То есть я представил, что он
улыбнулся.

– Привет, я Ленни, – произнес он.

– Али, – кивнул ему я. Быть дружелюбным в самом начале
было правильным, – то есть Алибастер.

– То есть Идиоленний пятый, – скривившись, признался
тот.

Я засмеялся. Видимо, я, не смотря ни на что, один тут не
оказался: не одному мне успели надоесть безвкусные имена.

– Добро пожаловать в наш мир! Я рада видеть каждого из
вас! И счастлива сообщить, что, прежде чем вы станете пол-
ноправными членами нашего общества, вам следует пройти
обучение. В нашем мире много опасностей, и я постараюсь
рассказать вам, как от них уберечься, – тетушка Розанна об-
вела долгим взглядом всех присутствующих, а затем, увидев,
что ее слушают, указала на нарисованных монстров. Все сра-
зу поняли, какую опасность она имела в виду.

– И поэтому... Вы должны стараться, – слово стараться
было, видимо, ее любимым, потому что таким примерным
женщинам оно шло. Стараться.

Я тоже старался.

Не сбежать.

Мне не нравилось, когда меня заставляют чувствовать себя некомфортно. Я заранее не хотел подчиняться, а мне уже приходится это делать.

Я начал разглядывать Ленни. В моем воображении он представлялся адекватным. Я думаю, у него были серебристые волосы, может быть, даже длинные, и он то и дело драгивался до своего лица. Пожалуй, он подпирал рукой подбородок. Да, он определенно делал это.

– После наших занятий решение о вашей готовности приступить к своей работе будет решать наш глубокоуважаемый Дед и его помощники, а пока... Я желаю вам удачи, – продолжала тетушка.

Ее кто-то вообще слушал? Я – нет. И зачем я услышал ее тихий шепот, обращенной самой к себе:

– А мне терпения.

– Мы будем сдавать экзамен? – с первой парты пискнула девчонка. Я знал, что это была девчонка. Будет отличницей, определённно. Я сидел от нее на достаточном расстоянии, но все же смог почувствовать сладкий запах, исходящий от нее. Так пахнут только девчонки. Пусть я в этом не слишком-то еще разбираюсь.

– О, разумеется, нет, – пояснила учительница. Теперь она официально была ей. – Без экзаменов будет прекрасно видно, кто как справляется и к чему у него есть...определённые таланты. Это решит то, сколько времени ему понадобится

для обучения и какую работу он будет выполнять. Но пока об этом рано говорить. Пора приступать!

– Быстро всему научимся и свалим отсюда, – пояснил Ленни, откидываясь на стуле.

Я был солидарен с ним.

Спустя некоторое время, показавшееся мне вечностью, я запомнил несколько деталей. Первое, рисунок на полу- это большой Босс. Враг номер один. Они периодически навещают нас, не шибко отличаясь друг от друга. К тому же, эти враги неразговорчивы, и мы даже не удостоиваем их отдельными именами. Большой Босс. И все тут. Они приходят стаями и съедают нас. Видимо, мерзкое зрелище. Тетушка Розанна поведала, что спастись от них можно лишь одним способом – бегством. Второе, авторитет Деда был непоколебим. Его еще никто не видел, но его имя звучало с благоговением и почитанием. Наверное, его тут боялись. Или уважали. Что в принципе одно и то же. Третье, мы будем заниматься после первой группы. Так как рождалось нас много, нас делили на группы под номерами, и тетушка Розанна принимала всех по очереди. Как долго это будет продолжаться, не знала даже она. Пока мы не научимся. Или пока не соберется так много народа, что свободных номеров и мест для занятий не останется. Если умрет сама тетушка, ее место займут ее потомки, учить которых будет Дед.

В общем-то, другой работы, кроме обучения, у меня пока

что не было.

На вечер было назначено первое рандеву с Дедом. Обещали устроить пикник, если не будет Войны. Нам не объяснили, что такое Война, но звучало жутко. Не знаю, как остальным, но мне вполне хватило большого Босса. Только я осознавал, что рисунков осталось достаточно много, и о том, кто эти другие, изображенные там, нам предстояло узнать завтра.

Время здесь тоже считалось по-своему. Некоторые из нас умели спать и просыпаться, становясь сильнее. Причиной тому была Война. Но Война не могла стать разделением дня и ночи, сегодня и завтра. К тому же, спали не все. И не всегда. Я сам до конца не разобрался. Тетушка Розанна сказала, что разговор о сне – это тема пятого занятия. Или беседы на одной из встреч с Дедом.

Не шибко-то они любят планировать, верно?

Я боялся? Нет, определенно нет. Ну немножко, самую малость, мне было интересно. Но я понимал, что стоит мне изучить всех врагов и монстров, все правила и порядки этой жизни, как мне станет скучно. Что ж, такова моя натура.

Нас обещали покормить. Я ждал этого момента, поскольку изрядно проголодался. Мне дали сахарок – пару кусочков, которые на вкус были как самое прекрасное из всего, что я ел в жизни. Это было правдой, поскольку ел я только его.

Ленни, маячивший недалеко от меня, уже съел свою порцию и голодными глазами глядел на мою. Мы были с ним похожи – одинаково голодны. Я, поняв это, приговорил свою

еду. Вкусно. Да, так вкусно, что другого и не надо.

Тетушка Розанна велела нам собраться около большого рифа тогда, когда трижды протечет река и ее воды омоют наши земли. Из ее слов я уловил только то, что она даже не произнесла – что мы свободны пока что. Но то, что она сказала, я не понял. Большой Риф? Это где? Если он большой, то есть и маленькие. Так где они? Я вижу кратеры. Риф? Что за слово-то такое – риф? Река... Это я даже представить себе не мог.

– Только будьте осторожны – ее воды смертельны для нас, – услышал я последнее наставление тетушки и совсем поник.

– Что она сказала? – переспросил Ленни.

Я пожал плечами. То есть я хотел бы пожать плечами. Вместо этого я еще раз убедился, что мы с Ленни на одной волне, и решил отчалить, пока учительница не сказала что-то еще, более непонятное. А она могла бы – я знаю.

– Погнали отсюда.

Теперь Ленни был солидарен со мной.

Мы с Ленни были похожи. По крайней мере в своих мыслях и действиях. Но то, как он двигался... Ладно, я смирился с тем, что он слишком худой и длинный. Кто я такой, чтобы судить по внешности? Но то, как он перемещался, заставило меня спросить его:

– Тебе... удобно? – разумеется, я имел в виду эти его дви-

жения всем телом, чтобы сдвинуться с места.

Ведь есть же более комфортные способы, те, которыми пользуюсь я и некоторые наши одноклассники. Я замечал, что существуют и другие. Та девочка, например, которую я награбил в своем воображении задатками отличницы, а так же забавными кудряшками и большим бантом на голове, ходила так медленно, что с ней бы в путешествие я не отправился. Зато ее движения были плавными. Но Ленни выглядел так, будто у него судороги.

– Абсолютно, – заверил Ленни и, дернувшись, обогнал меня.

Я не мог допустить этого и ускорился.

Признаю, этот Ленни, пусть и двигается странно, но быстро. И лучше уж так, чем быть неподвижным. Неподвижным, представляете? Я видел их. Первый раз в классе. Мне тогда показалось, что сидящий за нами чувак просто толстый, круглый. Я быстро дорисовал ему красные щеки, пушистые волосы и свисающий живот. Мне стало спокойнее.

Но теперь, когда мы проплывали мимо таких, как он, точнее, похожих больше на него, чем на нас, я догадался – они не могут перемещаться. Именно поэтому они строят свои дома максимально близко к месту учебы и в дальнейшем работы. Им, может быть, помогают другие, но я этого пока не видел – думаю, им всем приходилось тяжело.

– Привет, Алибастер! Мое почтение, Идиоллений пятый! – прокричал нам один из них, открывая ставни своего

дома и выглядывая из окна. Он сверкал своими голубыми, как я решил, глазами, и выглядел донельзя счастливым.

Мы угрюмо промолчали. В моей голове все еще не укладывался тот факт, что он крайне неповоротлив. Да еще и радостен. Разве это не взаимоисключающие понятия?

Ленни говорил со мной о том, что с ним случилось до того, как мы встретились в классе. Его, как и меня, нашли почти сразу. Его сопровождающим был Норберт (Норбертагий), и он успел рассказать ему, что его сестра (разумеется, для меня, у Ленни была сестра) очнулась раньше него и была отправлена на занятия с первой группой. Ленни только предстояло узнать ее. Как, впрочем, и мне.

Об окружающем нас мире он знал не больше, чем я. Мы проплывали мимо кратеров, которые были чьими-то домами. Домами тех, кто перемещался. Те, кто был статичен, селились и на поверхности. Где было удобнее, одним словом. Ленни замирал над углублениями и заглядывал внутрь. Все приветствовали всех и, когда мы достигли первой возвышенности, мы начали отзываться:

– Прекрасный день для прогулок, верно?

И все отвечали дружелюбно и радостно. Даже чересчур, как по мне. Ленни считал так же и воротил носом, но здоровался.

Мы двигались по улице. Если все пространство разделить согласно рельефу, то да, идущие дороги можно назвать улицами. Они были разной ширины и формы, одни прерывались

прямо у нашего носа, другие терялись вдаль. Были даже такие узкие, которые едва ли вмещали нас двоих. Тогда мне или Ленни приходилось плестись сзади.

Из кратеров то и дело выходили новые лица. Я видел женщин, я их считал женщинами, в длинных юбках, я дорисовывал им юбки своим воображением, я видел детей, особенно маленьких проказников, перебегающих дорогу и спешащих куда-то. Было так много народа, что, когда мы дошли до центра того места, где улицы сужались, мне стало душно от толпы, в которой мы оказались. Ленни тяжело сглотнул. Мне казалось, я это услышал.

– Пошли отсюда, – буркнул он.

Кто-то на периферии от нас, пробасил:

– За сахаром – направо! Ежедневное лакомство – налево! Сэр Коррингтен и его команда славно поработали, и не стоит толкаться – никто не уйдет голодным!

Мы с Ленни подумали об одном и том же.

Представив удивительный вкус сахара, я увязался за особенно длинной юбкой направо, обещая себе всенепременно наведаться и в левую сторону. Женщина не торопилась, она пропускала вперед себя уже пятого особенно голодного собрата и даже не собиралась никого просить ускориться. Стоящие сбоку так же не были против, переговариваясь между собой. Сквозь смех и шутки, болтовню о ходе дня, я разобрал:

– Они чистили.

И это было достаточным объяснением, чтобы все пропустили их вне очереди как самых больших трудяг. Нам тоже ничего не оставалось, кроме как смиренно ждать и гадать, что это была за чистка, о которой нам еще не поведали, но которую считали достаточным основанием для ожидания.

Я и Ленни голодны не были. Есть некая грань между голодом и просто желанием поесть. Так вот, есть мы хотели, но голодны не были. Употребленная совсем недавно еда еще давала энергию, и мы были полны сил, в отличие от тех, что стояли в очереди за нами – они были бледнее обычного, и их туловище сотрясала мелкая дрожь.

Никто не толкался.

С каждым шагом еда становилась все ближе к нам, и рот все сильнее наполнялся слюной. Как только мы оказались на расстоянии вытянутой руки от тех рабочих, что отмеряли порцию на одного и вручали ее каждому подошедшему, кто-то узнал нас.

– Алибастер и Идиоллений пятый... – задумчиво протянул он, – Вас же кормили после занятий.

Все ахнули. Казалось, даже толпа сгрудилась – все хотели посмотреть на нас, как на величайших преступников в мире. Причем, несмотря на укоряющие взгляды, никто не произнес ни слова. Кормильцы продолжали свою работу как заведенные и, отвесив нужное количество, протянули сахар женщине в длинной юбке, стоящей впереди нас. Мы были следующими.

– Они еще дети, Найсеер, – вздохнув, оправдал их сгорбленный господин, помахивая вымышленной шляпой, – наконец, они пока не знают наших правил.

Най пожал плечами – он был либо настолько добр, либо так хорошо притворился.

– Так мы им им поясним, – послышался скрипучий голос с самого конца очереди, – мы кормим каждого. От голода не умирает никто. Но и позволять съесть лишнего мы не можем. Сэр Коррингтен и его команда работают на износ, чтобы хватало всем. Раз вас уже кормили, то теперь вы либо сами добываете пропитание, либо не объедаете других. Делайте свою работу и ждите, когда вам действительно будет нужна еда!

– Замолкни, Уоррингтон! – наконец подал голос раздающий и протянул сахар мне. – Они не правы, но и ты не имеешь право обвинять кого бы то ни было.

Очередь молчала, ожидая, как я. Задумавшись я глядел на протянутый мне сахар и понимал, что его вкус перестал для меня быть притягательным. А окружающие меня разочевались мне еще больше. Справедливые и стабильные, как оскомина на языке. Меня затошнило.

– Пошли отсюда, – буркнул я Ленни и, пробираясь назад, больше не смотрел на замерших рабочих, тех, кто явно действительно нуждался в этой пище, как сказал честный старик сзади. Но почему-то теперь все обвиняющие глядели на него. И так же молчали.

Я чувствовал, покидая их, как мое нутро наполняет нечто разъедающее и обидное, как яд. Наверное, это было чувство стыда.

Ленни чувствовал тоже самое.

Мне жутко не нравилось это место.

Охнув от неожиданности, я повернулся. Мы не отошли далеко. Точнее, мы отчалили достаточно от обедающей толпы. Мы их больше не видели – их тела растворились вдаль. Но мы знали – они там, совсем недалеко, только и ждут повода, чтобы снова обвинить нас.

Ленни успокоился раньше, махнув рукой. Он, быть может, признал их правоту. Да и я не спорил. Но... Мне было неприятно. Они опять нарушили мою зону комфорта, а я ненавижу это.

Чем больше я тут находился, тем больше понимал, что жизнь в обществе не для меня. Из упрямства мне хотелось добывать пищу самому и жить тоже самому, не подчиняясь и не изучая их дурацкие правила. И не быть в толпе – заурядным, простым. Нет, это не для меня. Тогда в первый раз я почувствовал, что не смирюсь с моим нахождением тут, но я даже не успел обдумать эту мысль до конца, как почувствовал – что-то происходит.

Звуки долетающей до нас болтовни стихли. На мгновение опустилась зловещая тишина. А потом раздался звук, и появилось движение, будто жерло вулкана ожило. Мне каза-

лось, так выглядит землетрясение. В панике Ленни посмотрел на меня, точно так же, как и я, не понимая, что в таких случаях у них принято делать. Я сделал то, что было написано в моем генетическом коде:

– Держись! – заорал я, хватаясь за ближайший ко мне розовый холм.

Ленни сделал тоже самое, и мир, подпрыгнув, снова замер. Будто прошла волна сокращения где-то внутри окружающего нас пространства, но нас не задело. К этому, видимо, быстро привыкаешь, потому что держались за холм мы напрасно, достаточно было просто расслабиться и переждать.

А дальше я увидел ее. Воду. Она ручьем текла внизу нас, быстрая, огромная. Я знал, что такое вода. Это те знания, что дарованы от рождения и не нуждались в изучении. Видимо, наши предки жили там, как и в воздухе, и увековечили эту информацию в хромосоме. Я не собирался проверять слова тетушки Розанны и изучать ее смертоносность – ручьи текли внизу и, чтобы попасть туда, нужно было спрыгнуть с нашего розового острова, а делать я это, разумеется, не собирался. Быть может, когда воды станет больше, тогда опасность быть смытым увеличится, но сейчас она была внизу и почти безопасна. Если бы не... Восторженный крик:

– Привет, Элли!!! – достиг нас прежде, чем мы увидели особу, его издававшую.

Это была летящая по волнам реки наездница. Вода – это лошадь, а она ее главная укротительница. Девчонка, а я уве-

рен, что это была она, ныряла в воде и здоровалась со всеми в ответ. Она завораживала. Я смотрел на нее, и она заставляла верить, что это вода и не опасная вовсе, а наоборот, очень даже интересная...

Она была не одна. Следом за ней двигались еще десятки таких же величественных, грациозных и прекрасных существ.

Ленни замер от удивления прежде чем я, и до того, как третья волна с последними наездницами сошла на нет, сообразил прокричать:

– Элли! Ты знаешь, где Большой Риф???

Их было много, но они все отзывались на Элли. Значит, были неместными. Это общество не растрчивает разнообразие имен на тех, кто не живет с ними. Ленни понял это раньше меня, как и то, что мы уже должны были быть на встрече у Деда. Ленни оказался немного сообразительнее меня, раз догадался выяснить куда идти как раз вовремя, пока мы не опоздали, и нас не... кто его знает, что там принято у этих блюстителей порядка.

Судьба оказалась к нам милостива, и девчонка, замыкающая процессию, крикнула:

– Прямо вдоль берега и направо!

Ленни махнул ей рукой в знак благодарности. Я заметил, что он начал приспосабливаться. А я – нет.

Все шло правильно и недолго.

Мы никого не встретили по пути, видимо, мы опаздывали, или все шли другой дорогой – к счастью, тут их навалом – выбирай любую.

Ленни был молчалив и задумчив, я на расстоянии слышал, как его голова кипит от мыслей и впечатлений. А может, причина была в том, что мы уже все обсудили. Проблемно, знаете ли, говорить с человеком, который каким-то образом похож на тебя. С ним не о чем спорить и нечем его удивлять. Я знал его всего-ничего, а уже заскучал.

Я надеялся, что вечер и новые дни принесут больше разнообразия, потому что мне, хоть и не нравилось тут, но все еще было интересно. Я еще многое не знал, но мне хотелось изучить мир. Мне хотелось быть живым и стремиться куда-то, не ограничиваясь рамками чужих правил.

Нужное место было заметно издалека. Когда звучало слово пикник, я не думал, что это будет выглядеть настолько уютными посиделками.

Я издалека узнал свой класс, а еще, видимо, класс сестры Ленни – немного большего роста и немного более важные, они сидели вперемешку с уже мне знакомыми и тихо переговаривались. Они расселись кругом, сгрудились, словно рождественский венок, поджав под себя ноги или то, что у некоторых заменяло их. В центре было пустое место, предназначавшееся, видимо, для Деда.

Тетушка Розанна заметила нас и радостно провозгласила:
– Все, все на месте.

Мы подошли ближе. Свободных мест почти не было, и я остался там, где заканчивался второй ряд сидящих и начиналось место отшельников. Ленни отправился на поиски своей сестры, намереваясь остаться с ней.

Встреча произвела ажиотаж. Вечер стал заманчивым. Я, устроившись поудобнее, принялся ждать.

Глава 2. Открытия.

Было шумно. Все разговаривали одновременно, и иногда даже казалось, что они болтают в моей голове. Ровно до того момента, как возник он – гораздо большего размера, чем все, кого я видел раньше, видимо, виновник этой встречи. Дед занял место в первом ряду, разделяя круг почти пополам.

Я понял, почему его называли Дедом, хотя, ручаюсь, никакой родственной связи у него ни с кем из нас не было. Он просто был стар. Я даже на таком значительном расстоянии мог увидеть, как его руки трясутся и как искрятся его седые волосы.

Я знаю, что старость никогда не являлась синонимом мудрости, но движения Деда, его пронзительный взгляд, его черты... Даже то, как он медленно опустился в подготовленное для него кресло и то, как стихли голоса общительных трещоток вокруг, говорили громче его возраста – у Деда было влияние. И оно не знало границ.

Дед обвел всех взглядом и не спешил начинать речь. Властвовала гнетущая тишина.

Я посмотрел вокруг. Все, абсолютно все, повторяли мое движение – осматривались, ища причину столь длительного молчания.

Дед закашлялся. Если эти клопочущие звуки, вылетающие из его рта, можно было назвать кашлем. На его мутных

глазах выступили слезы и он, поспешно сморгнув их, вновь посмотрел на всех, будто только что понял, что разговор следует начинать ему.

– Я так рад видеть вас всех тут. Вас так много, что я, право слово... Не ожидал. И вы все так молоды, так амбициозны. Смотреть на вас – наше продолжение – отрада для меня!

Я насторожился. Слишком сентиментально. Дед, правда, перебарщивает в своем дружелюбии.

– Я видел много поколений... Возможно, я знал ваших предков. Возможно, я застану ваших детей, но вы – те, кто появились сейчас – это лучшее, что я видел... Столько новых лиц, столько великолепных форм... Я верю, что наше общество впредь в надежных руках. В ваших надежных руках.

Я едва сдержал порыв закатить глаза. Я не верил ни одному его слову.

Потому что я знал себя. И знал их. Они такие же, как я, и я такой же, как они. Мы никогда не были дружелюбны. Наши черты – это хитрость и эгоизм, и чернота живет в каждом из нас. Я не верю, что Дед, тетушка Розанна и еще кто-нибудь смог обуздать свои врожденные качества и превратить их в нечто настолько честное и порядочное. Я не верил им. Я знал, что под них оболочкой скрывается то, что не запрягать, то, что дано нам природой – характер. Верил ли я кому-то? Да. Уоррингтону. Он один бросил нам в лицо то, что другие молча переварили. Хотя я не хотел вспоминать этот инцидент с неполагающимся нам куском сахара, но здоровым

умом я понимал: он поступил честно. Другие – лгут. Даже Ленни, который, я мог видеть, нашел сестру и устроился с ней максимально близко к Деду и теперь впитывал каждое его слово как губка. Он слишком быстро акклиматизировался. Я – был настороже.

Тем временем Дед продолжал:

– Сегодня мы собрались здесь не только затем, чтобы вы порадовали своим количеством старика, но и для того, чтобы я поведал вам то, что знаю лучше всех, потому что я многое видел своими глазами. Я расскажу то, о чем вы должны знать раньше, чем это случится.

Все притихли еще больше, хотя никто и так не произнес ни слова с начала монолога Деда. Теперь все перестали даже шевелиться.

– Война. Должно быть, вы уже слышали это слово?

Все согласно замычали. Тетушка Розанна кивнула, видимо, подтверждая, что о Войне она упоминала, не вдаваясь в подробности.

– Так вот... Война – это то, что случается с нами с завидной регулярностью. Я помню, как все начиналось, – тут от Деда повеяло такой меланхолией, будто он окунулся в свои воспоминания, как в воду. А потом, вынырнув из нее, он вновь стал молодым. От старика, пришедшего к нам, не осталось и следа. Его дальнейшие слова лились мягким потоком, чистым. Так, что даже я на секунду растерял свою бдительность и купился. – Я не знаю, сколько мне сейчас лет. Да

и никто не знает. Но я помню время... Вернее, мое ядро клетки помнит время, когда Войны случались впервые. Тогда был жар – все горело у нас под ногами и над головой. Я, в те времена, не жил тут. Мы с моей общиной много путешествовали и много где были, и везде, в каждом месте Война была смертью для большинства из нас. Выживали единицы. Я был этой единицей. Оружие, что по нам било, было не остановить. Оно знало наши слабые места и стреляло по ним. Каждая Война становилась последней. Однажды я остался один, и я... Оказался тут. И это мне казалось лучшим местом на земле – я вновь не был одинок. Нас становилось все больше, а Войны – меньше. Я много думал над этим, но я... так и не нашел ответ, когда именно все изменилось...

Тут Дед вновь постарел, словно выпустив из рук машину времени, он снова стал невыносимо древним.

– Война стала другой. Я хочу сказать вам, – его голос стал суше и оттого строже. – Война – это не смерть. Уже нет. Поэтому я призываю вас ее не бояться. Я заклинаю вас не бояться ее!

Дед, приложив усилия, смог встать на ноги и продолжать свою речь уже стоя. Так он казался гораздо выше. Его тело, омываемое светом и воздухом, возвышалось горой посреди равнины. Я знал, что каждый звук его голоса ловится и откладывается на долгое хранение не только в моей голове.

– Война делает нас сильнее. Чтобы понять это, мне следовало не только прожить так много времени, но и быть вни-

мательным. Я видел, как Войны делают нас сильнее. Я знаю, что наши слабые места затягиваются с каждой новой атакой, и однажды мы добьемся того, чтобы наше общество стало совершенным и бесстрашным. Но для этого мы должны держаться вместе. Слабые места у всех разные.

Дед снова просканировал нас взглядом.

– Но есть особые личности, чей род сходен с моим, и мы становимся закалёнными чуть быстрее.

Его взгляд остановился на мне.

Я тяжело сглотнул, а Дед все смотрел.

– Мы должны помогать друг другу! Только в условиях взаимопомощи и ответственности мы можем не бояться Войны. Более того, мы должны молиться, чтобы она случалась как можно чаще, чтобы мы стали сильнее как можно быстрее!

Дед замолчал и присел, выдыхаясь.

Его взгляд перестал сковывать меня, и я заерзал на месте. Неуютно! Ненавижу, когда меня вытаскивают из зоны комфорта!

Я рад был бы сказать, что ничего не понял из его речи. Я был бы счастлив не понять ее, как не понял тогда местоположение нашего пикника, и я бы даже мог соврать самому себе, если бы не осознание, смывшее мою ложь, как пролетевшая внизу река.

Наша память – сложноустроенная штука. Некоторые знания мы обретаем сами. Некоторые доступны нам от рождения. Будто инстинкты. Возможно, для того, чтобы оказав-

шись в одиночестве, мы смогли выжить. Так вот, рассказ Дедда соответствовал в точности моим врожденным знаниям. Я понял каждое его слово и, видимо, с этого момента я перестал различать информацию, добытую мной от той, что уже была у меня, и мне было нужно лишь вовремя ей воспользоваться.

Те враги, большие Боссы, что показывала нам тетушка Розанна, уже были известны чему-то внутри меня, и я понял бы, что их нужно остерегаться даже без красочного описания того, как их гигантский рот окружает, а затем переваривает нас. Я уже знал это. Мои предки знали это. И те, кто придут после, будут знать. Пока я понятия не имел, как зовутся другие, нарисованные там враги, но я был уверен – стоит мне встретиться с ними, как ни секунды не думая, драпал бы от них так что только пятки сверкали.

Как это называется? Генетическая память? Встроенные настройки? Это делало меня тем, кем я являюсь в этом мире. Я был соткан из этих знаний.

И Война. Я никогда не видел ее. Дед не дал ни одного описания, но я представлял это. Отравленная земля. Отравленные дома. Отравленная еда. Жар. Огонь. Тучи обнаруживших нас врагов и борьба – за жизнь, за себя.

Одно не увязывалось – Дед предлагал воевать за всех, а этого не было в моих знаниях. Неужели это плод больной фантазии старика?

Погодите-ка... Старика?

Я не знал, как тут считают время, но я знал, что наша жизнь не предполагала старение. Наше время всегда было ограничено, и состариться мы не умели. Нормальные мы – не умели. Потому что мы умирали в самом расцвете сил, а наша популяция тем самым становилась больше. Это не было грустно или тревожно. Это было правильно. А старение Деда было ошибкой – я, наконец, понял это. Дед был болен?

Я, ища подтверждение своих слов, отыскал его взглядом. Дед, улыбаясь, начал передавать лакомство вправо от себя. Ленни с сестрой – влево. Порция передавалась из рук в руки, пока сидящий максимально далеко от Деда и Ленни, не получал свою. Только тогда они передавали вторую порцию, но та так же не задерживалась в руках надолго, отправляясь к сидящим позади.

Эх, знал бы я их порядки – сел бы дальше, так, чтобы моя часть еды уже оказалась в руках. Пока до нас, до отшельников, создающих третий ряд, дошло первое по счету лакомство, я заходился в нетерпении. Оно приковывало к себе мой взгляд. И мне так хотелось, так хотелось оставить его себе сразу же. Передавать дальше? Сидящим за мной? Пощадите! Их же там целая компания! Мне что, еще несколько раз отпускать от себя, так и не попробовав, это великолепие?

Я сглотнул накопившуюся слюну. Они издеваются надо мной!

Когда лакомство оказалось в моих руках, я лишь успел увидеть красновато-коричневый цвет и уловить тонкий ис-

точаемый аромат, как пришла пора передать его. Мне казалось, что все замерли, ожидая мое решение. Я физически чувствовал на себе голодный взгляд тех, кто сидел дальше меня. Они ждали.

Я боролся с искушением.

Оставить его себе и вновь опозориться? Я не хотел снова ощущать стыд, поэтому, не без сожаления, положил лакомство в протянутые ко мне руки. Но я не кривил душой – мне не хотелось его отдавать.

Вокруг было тихо и томно. Все размышляли над словами Деда и, я уверен, все принялись выуживать из себя врожденные знания. Не знаю, почему это произошло только сейчас: быть может, раньше мы были слишком молоды или глупы, а может, виной всему была царившая атмосфера единства. Как бы мне не нравилось это слово, но оно лучше всего описывало происходящее.

Я понял, почему первая группа выглядела мудрее. Сейчас они не были настолько удивлены, как мои ровесники, и это значило, что они уже знали. Или догадывались. Или и то, и другое.

Я предпочитал думать, что я не глупее их, как мои одноклассники, а эти знания стали доступны сейчас, потому что это я им разрешил стать доступнее. Я в них впервые начал нуждаться.

Наконец-то в моих руках вновь оказалась вкусность красно-коричневого цвета. Я съел ее, и на секунду, пока чувство-

вал великолепный вкус, забыл думать о памяти, Войне и о странном внимании Деда, обращенном на меня.

Порядки и правила у них не очень, но кухня что надо.

Вскоре мне надоело сидеть, и я решил пройтись. Меня не тянуло к новым знакомствам, я не хотел общения. К тому же за сидящими впереди меня мне со своего последнего ряда было плохо видно происходящее в круге, где Дед, усевшись на землю, поедал свою порцию (к слову, одну единственную, льгот ему, видимо, не полагалось) и почти по-дружески болтал с сестрой Ленни.

Я быстро решил, что Дед странный, и поглядывает он на меня необычно, так что мне подумалось, что лучше уйти с насиженного места и пройтись.

Мир же огромен, и он не ограничивается одной лишь поляной, где ели и говорили, лебезили друг перед другом и где каждый играл свою роль. Мы – роль детей. Дед – роль старейшины. Тетушка Розанна – учительницы. Сэр Коррингтен и его команда – добытчиков еды. Война и боссы – опасностей. А уважительное и доброжелательное общение – фикцией.

Я знал, что моя память поможет мне выжить не только на этой поляне, но и в любом другом месте, где не будет надобности искать смысл и разгадывать загадки в их словах, подзревать и ждать подвоха, будет достаточно лишь выживать, чтобы чувствовать себя счастливым.

Такова моя природа. И их. И я не понимаю, что мы все

тут забыли? В сердцах я пнул белый камень, находившийся чуть поодаль.

Я отошел достаточно далеко, чтобы увидеть открывающееся передо мной пространство. В вечернем сумраке из розового оно стало отдавать синим, наверное, виной тому опустившаяся на мир ночь. Кратеры были на месте, но из-за сумрака стали почти неразличимыми, а редкие и относительно невысокие холмы были далекими и, если представить, несуществующими. Рек больше не было, от чего воздух был натянутой тишиной. И эта тишина была правильной, не той, что та, которая возникла от благоговения перед Дедом.

Мне нравилось одиночество до тех пор, пока я не увидел ее. Я заметил ее издалека, но случайно, повернув голову. Наверное, если бы это была не она, я бы ушел. Растворился, сбежал бы со всех ног, лишь бы никто не испортил мое одиночество, но от нее не хотелось бежать. К ней хотелось идти.

Она была еще далеко, но мысленно я уже дорисовал ей короткие ярко-рыжие волосы, длинные стройные ноги и руки. Тонкие, с хрупкими запястьями и просвечивающими венами.

На нашем небе никогда не было звезд. Но на моем одна из них появилась.

– Привет, – произнесла она, как приблизилась.

Я, не смея моргнуть, ответил:

– Здравствуй.

Ей не хотелось грубить. Быть может, виной тому свет, ко-

торый она источала собой. Нет, она была этим светом.

Ее огненно-рыжие волосы замечательно контрастировали с темнотой, она была такой яркой, что я удивился, почему не встречал ее раньше.

– Как твое имя, незнакомец? – спросила она, подходя ближе. Так непозволительно близко, что я мог рассмотреть каждую ее веснушку, если бы они у нее были.

– Али, – ответил я. Полную версию своего дурацкого имени ей говорить не хотелось, при ней оно звучало еще ужаснее, чем изначально.

Она как-то загадочно улыбнулась.

– Друэлла, очень приятно познакомиться.

Я, не кривя душой, признался, что мне тоже. И сразу же предложил ей сокращенный вариант ее имени.

– Дру? – удивленно переспросила она. – Что ж, мне нравится. Так и запишем.

– Куда запишем? – не понял я. Рисунки были доступны моему пониманию, но зачем их было делать из ее имени, я не знал.

– В книгу учета, конечно же, – ответила она. – Когда меня не станет, они смогут использовать его повторно.

Не знаю, что меня к ней потянуло. Я видел ее красивой – это было бесспорно, но красота в моем воображении и в нашем мире мало что значила. Скорее всего то, что она была загадкой. А я любил их.

Я, быстро порывшись в памяти, не нашел там ни едино-

го упоминания о подобных книгах, свободе имен или чем-то подобном, это значило то, что эта информация либо новая, поэтому мои предки не успели сохранить ее для потомков, либо она неважная. Оба варианта подталкивали меня продолжить общение с ней.

– Что такое книга учета? – спросил я.

– Моя работа, – пожала плечами она и задала ответный вопрос: – А что тут делаешь ты?

Я не знал, как описать то, почему я ушел с пикника, кроме этого:

– Я не выдерживаю.

Она расхохоталась и заинтересовала меня еще больше. Знаете, смех привлекает. Особенно тот, который звучит как колокольчик и ощущается, как лучшее лакомство.

– Впервые вижу такого как ты, кто не любит рассказ про Войну. Новенькие обычно от него в восторге.

Я замялся. Я понимал, почему другим обычно нравилось – Дед умел приободрять. Новый мир открывал двери и обещал новеньким принять их. Мне же это было не надо.

– Тогда почему ты не там? – спросил я.

– Я не сегодня родилась, у меня уже есть работа, и я... – она вздохнула, – ненавижу рассказы про Войну. Во время своего пикника я сделала, в точности, как и ты – я сбежала оттуда.

Я хмыкнул. Подобное притягивается к подобному? Она не была похожа на меня. В ней не было агрессии. Я не верил

словам Деда, не верил приветствиям окружающих. Но ей я поверил сразу же. Наверное, потому что она мне понравилась.

Мы сидели на ярко-розовом выступе, прямо перед обрывом. Внизу была река. Дру смеялась. Мне казалось, что она смеется даже больше, чем говорит. А потом вмиг становится серьезной. Она мало рассказывала мне про их, теперь нашу, жизнь, больше она говорила о том, что ей снилось бы, если бы она спала. Она говорила, что любит лакомство, но редко берет его, потому что не считает свою работу действительно заслуживающей поощрения. Дру нравится Дед, она считает его обаятельным. Да и все остальные Дру тоже нравятся. Такие как Дру, видимо, не умеют не любить. В отличие от меня.

Еще больше темнело.

Свет до нас доходил все реже, а местность, окружающая нас, начинала алеть.

Дру вздрогнула и произнесла:

– Скоро Война...

Это не звучало как предупреждение. Это не было предсказанием. Это было констатацией факта. Ей даже не было страшно, а вот мне – как-то резко стало.

– С чего ты взяла? – спросил я, оглядываясь, будто ожидая увидеть предзнаменование смерти.

– Больше красного, не находишь?

До того, как я успел ответить ей, налетел ветер, и земля

вновь затряслась.

– Еще и сотрясение, – выдохнула она, проводя по своим волосам и приглаживая их. Я почти видел, как она это сделала.

– Расскажи мне про Войну, – попытался я. Неизвестность меня пугала. Я не знал, права ли Дру в своих предсказаниях. Первый опыт может быть неприятен. Особенно опыт Войны. Дру снова засмеялась.

– Дед рассказывал вам то, что необходимо, – сказала она, – а остальное поймешь сам.

Успокоила ли она меня? Нет.

Я не планировал оставить попыток выяснить.

– Друэлла! – закричал кто-то сбоку, и к нам приблизился Найссер, – наконец-то я тебя нашел! Фух, – пытался отдышаться он.

Дру встала со своего места и расправила несуществующие складки на платье.

– Что случилось, Найссер? – деловито спросила она, будто не была той девчонкой, что пару мгновений назад ухаживалась над глупостью моих вопросов. – Твоя смена разве еще не закончилась? Отбираешь работу у Норбертария?

– У Апполинария пополнение! – радостно воскликнул Найссер, будто пополнение не у них, а точно у него в доме. – Я живу по-соседству, вот, решил сам... Долго не мог тебя найти, подкинь мне имечко, пока малыши там не разбежались.

Дру отрететированным движением руки щелкнула в воздухе пальцами, будто вспоминая:

– Джорджетта и Глазэнгз.

– Благодарю! Мое почтение, Друэлла, мое почтение, Алибастер! – махнул нам Найсеер и засеменял прочь.

– Так вот значит, кто ты – Алибастер! – расплылась в улыбке она. – А я-то думаю, откуда Али? Али я точно никого не называла.

Это звучало настолько определённо, что я даже не успел обдумать эту мысль как следует, а она произнесла дальше:

– Ночью они редко рождаются, – заключила Дру, вновь устраиваясь на свое место, – чаще днем... Но я на всякий случай запомнила пару давно освободившихся имен, пока шла сюда. Как чувствовала.

А потом, пока я соображал, какой из вопросов бросить в нее следующим, она задумалась и с грустью выдохнула:

– Апполинарий... Я не ожидала, что он покинет нас так... скоро. Следует скорее внести его в список, потому что начинается Война.

И она, спрыгнув с насиженного нами места, поторопилась прочь, в темноту. Она двигалась не так быстро как я, но столь же четко и размеренно, она не сказала мне оставить ее одну, поэтому я решил составить ей компанию. Дру выглядела по-грустневшей, и мне пришлось вздохнуть в такт с ней и ради приличия взгрустнуть.

К счастью, длилось это недолго, спустя два кратера она

приободрилась, будто задвинула ящик с плохими ассоциациями куда подальше, и почти радостно произнесла:

– Зато плюс два – это нам пригодится.

Я нахмурился. Пазл в моей голове постепенно складывался.

Друэлла давала эти дурацкие имена, и я был рад, что познакомился с ней: быть может, у меня получится подкинуть ей парочку более интересных вариантов?

– Почему ты называешь их так? – спросил я. – Тебе велит Дед или...

Дру покачала головой.

– Дед ничего здесь не велит, он лишь несет ответственность за то, чтобы мы все выжили и делает для этого то, что нужно, а я... Просто записываю тех, кто родился, и тех, кто умер, чтобы мы знали, какие имена могут быть использованы повторно.

Мы приблизились к одному из самых больших кратеров, что я видел до этого: он находился поодаль, недалеко от одного из многочисленных обрывов, но был утоплен в глубину настолько, чтобы не бояться, что его стенки рухнут.

– Добро пожаловать на место моей работы, – произнесла она и поспешила вглубь.

Светлее не становилось, но я начинал привыкать к полумраку. Вокруг нас ничего не было, голые стены, но зато впереди, подсвеченная тусклым светом была она – огромная стена, черная, с написанными на ней именами. Их было так

много, что начинало рябить от множества букв и от их зачеркиваний.

Дру подплыла к стене медленно, будто уважительно, и, трепетно проведя пальцем по столбцам, нашла накарябанное имя: «Апполинарий» и, подхватив с земли оставленный для этого камень, зачеркнула его один раз. После этого она, задерживая взгляд на правой колонке чуть дольше, отыскала озвученные ей имена «Джорджетта» и «Глазэнгз», тоже когда-то зачеркнутые, и перечеркнула их снова. А ниже, в самом низу столбца, написала их вновь друг за другом, давая снова жизнь, позволяя им существовать и воскресая их в памяти после того, как след предка окончательно был вычеркнут двойным перечеркиванием.

И я наконец-то понял.

– И тебе это... нравится? – спросил я, когда Дру подняла на меня свои изучающе-огромные глаза.

Мне было странно, что нечто настолько однообразное и скучное, она выполняет с такой ответственностью и таким трепетом. Она даже не сама придумывала эти имена, просто следила за их повторением, вела учет.

На мой вопрос она пожала плечами и вновь повернулась к стене, вспоминая. Она нашла свое имя – «Друэлла», чистое и, написанное, видимо, не ей самой – почерк значительно отличался. Она смело подписала в скобках рядом с ним сокращенный вариант «Дру» и, видимо, оставшись довольной проделанной работой, без тени грусти произнесла:

– Это легкая работа. Когда меня не станет, ее сможет делать кто угодно.

И я снова ничего не понял.

Глава 3. Война.

Я открыл глаза. Надолго я их не закрывал, спать я не собирался, потому что даже во время опасности я не сплю. Дру ушла сразу же, сославшись на занятость перед грозящей атакой. Хотя с чего она взяла, что та вообще будет? Было спокойно.

Первая группа вереницей уходила от тетушки Розанны, и я, понимая, что второе занятие уже тянет ко мне свои когтистые лапы, воображал, о чем она расскажет нам сегодня. Мне вот был интересен монстр крайний справа. Тот, что был нарисован разными цветами и представлял собой компанию частиц разной формы. Они, как пауки, захватили одного из нас, похожего на толстого мальчика за последней партой. Пожалуй, это был собирательный образ слабых и невинных, на которых нападали злые чудовища. Эти разноцветные создания прочно прицепились к телу бедняжки, и его лицо искажилось в предсмертном крике. Что они ему делали? Жрали его, как Боссы? Или пытали?

Быть может, сегодня тетушка Розанна удовлетворит мое любопытство.

Конечно, потом эти занятия станут для меня пыткой, но пока...

Главное для меня – испытывать интерес.

Подплыл Ленни.

– Как дела? – плюхнулся он рядом.

Я промолчал, не зная, стоит ли ему рассказывать о Дру – очень уж она мне понравилась. Не хотелось даже мысленно делить ее с кем-либо.

Ленни, почти верно истолковав мое молчание, перешел к известной теме:

– Странный он... Этот Дед, – произнес он.

– Ты веришь ему? – уточнил я, помня, как Ленни и его сестра – высокая брюнетка в моей фантазии— лебезили, почти пресмыкались перед старым главой нашего общества.

Ленни, не задумываясь, произнес:

– Немного, – безопасно начал он, – в чем-то он прав – да, но это его отношение.

Слово «отношение» он протянул с ненавистью.

Я кивнул. Ленни в точности описал мои собственные чувства, даже эмоция была передана бесспорно – ненависть и подозрительность.

– Вкусно вчера было, да? – перевел тему мой сосед.

Я кивнул.

Вкусы у нас с ним сходились, я это уже понял.

– Как думаешь, что сегодня будет на занятии? Я только что болтал с сестрой – Агна сказала, что они разбирали картинки.

Вот, скажите-ка мне, чем отличался мой разговор с Ленни от разговора меня самим с собой? Правильно – ничем. Я узнал, что имя его сестры Агни (Агнесса? Или что еще там

придумали?), но зачем мне эта информация? Я знал все его слова наперед.

– Я бы хотел узнать, что за зверь нарисован справа? Эта его многосоставность... – говорил Ленни. – А слева? Ты видел их? С шестью ногами-палками и квадратной головой посередине? Не знаю, как у тебя, а у меня от них мурашки!

Узнать о монстрах слева было следующим в планах, поэтому и этим он меня не удивил. Я тяжело вздохнул.

– Пойдем? – спросил я, имея ввиду, разумеется, урок.

Но судьба распорядилась иначе.

В нашем направлении бежали разгорячённые Найсеер, Норберт, кто-то еще не менее взрослый и... Дед.

Они кричали что-то и махали руками, приближаясь. Мне стало не по себе. Предчувствие паники подчас хуже ее самой.

– Война! Война! – кричали они.

Ну что ж, хорошие новости: Дру была права. Плохие: лучше бы она ошиблась.

От баритона Деда многие, как по команде, занимали свои позиции: кухня сэра Коррингтена сворачивалась – это было видно по толпе, которая всегда окружала ее, но сейчас рассасывалась. Мой угол обзора позволял видеть все происходящее: я не зря остановил выбор на этом месте – возвращаться в кратер, где я родился, я пока что не хотел. Возможно, потом... Если, разумеется, выживу.

Началась паника. Дети, как обезумевшие, вопили что-то больше от неизвестности, чем от страха, но некоторые взрос-

лые, точно напуганные, не знали куда деваться: они гнездились в кратеры, даже в чужие, но тотчас вылезали оттуда. Однако некоторые точно знали, что делали. Они, как солдаты, выполняли поручения: разносили еду тем, кто без нее не выжил бы. Вокруг домов недвижимых они создавали укрытия, обнося их рвами. Хотя я сомневался, что в этом был смысл: наша Война была изнутри. Но, видимо, об обороне они знали больше меня.

Многие, прекратив попытки сбежать и не то отчаявшись, не то придумав план, впали в спячку. Я впервые видел, как кто-то спал. Один из всех, кого я считал мужчиной, стоял неподалеку от меня. Он озирался, будто ища другой способ спастись, а не найдя, устроился прямо там, где стоял, сложившись к комок, укрепившись и покрывшись почти каменным панцирем. Ему не хватало только храпа для полноты картины, но он и без этого выглядел умиротворенно.

Дед тем временем подбежал ко мне и заявил:

– К сожалению, у меня нет времени посвящать тебя во все подробности, но тебе пора за дело! Времени нет! Грядет буря! И – о-о-о – она будет большой! Я чувствую! – сказал Дед, и меня, почти за руку, потащили за ним.

Тетушка Розанна кудachtала рядом, приговаривая:

– У нас есть пара мгновений, позвольте, я объясню ему.

Дед, казалось, не слышал ее, он, обводя взглядом всех вокруг, бурчал:

– Так, Лиммонтимонас спит, хорошо. О, Августина нако-

нец-то решила поставить забор: похвально, я давно ей говорил.. Так-так, кто тут у нас? Силенсия – о! Она сделала достаточно разрушителя.

Глядя на каждого, он радостно кивал, будто гордясь каждым винтиком своей машины. Машины, которая будет бороться. В какой-то мере это завораживало.

– На позиции! – скомандовал он, когда мы добрались до того места, на котором вчера был пикник. Это команда точно предназначалась нам – я знал это по тому, как он выразительно глядел на меня.

– Октавиус на месте! – сообщил солдат, который, видимо, следовал за нами всю дорогу.

Тетушка Розанна, слушать которую так никто и не стал, лишь махнула рукой, указав мое место, то место, которое должен был занять я: на краю поляны для пикника, в правом углу. Дед был в левом. Как дирижер, он руководил нами.

Тетушка Розанна осталась стоять со мной, видимо, для того, чтобы в случае чего подсказывать мне то, что надо делать.

– Приготовься, – велела она.

Я собрался, но выглядело это так, как будто я не понимал, что от меня хотят. Прикол был в том, что я и в самом деле не понимал.

– Понимаешь, твое дело будет особенным. Ты должен... – начала она, но громкий возглас Деда перебил ее:

– Поднимай!

Я точно не знаю, что это значило, но я видел, как из трех точек, в том числе и от Деда, что стоял в одном из углов вымышленного квадрата, появился зеленый купол, что, надуваясь, окутывал всю нашу местность: дома статичных, нашу школу, кратеры, место работы Дру... И все остальное. Он становился выше, мощнее, и только с моего места не вышло ни всполоха. Я видел Деда, который следил за моими движениями. Противоположную сторону образованного нами квадрата я не видел, но думал, что они тоже смотрят на меня осуждающе.

– Алибастер! – велела тетушка, успокаивающе погладив меня по руке, – подумай о том, что без твоего участия купол не будет прочным, он не защитит наших друзей... Он не...

Но я уже понял, что надо делать. Нужно собрать свою энергию в охапку и, сосредоточившись, дать ей волю – позволить ей обхватить уже существующий купол и закрыть ей проплешину надо мной.

Я это сделал. Зеленое облако поднялось надо мной и идеально слилось с остальным куполом.

И это было славно, если бы не одно «но» – мир не ограничивался площадкой безопасности, что мы создали. Наша защита была большой, но не всеобъемлющей.

Вокруг нас под чистым небом шло сражение – там действительно сражались. Несколько десятков самых сильных и самых стойких защищали нас от приближающихся Больших Боссов. Быть может, эти часовые были там и раньше – поче-

му же тогда нас не обнаружили противники до того, как началась Война? Но теперь часовые вышли из тени – они были в действии. Они отвлекали Боссов – этих громадин круглой формы, катящихся на нас, разевающих рты и тянущих к нам руки, которые возникали будто из самого тела и окружали жертв. Несколько защитников бесконечно перемещались, мельтеша перед глазами, и Боссы, как заведенные, перли на них, будто не замечая нас с нашим зеленым одеялом – защитой.

Кроме Боссов там были еще кто-то. С оружием, высокие, ленивые. Я представлял, что они носят черные очки и играют в шпионов – до того точно они поражали свои цели.

На них шла другая группа наших воинов. Некоторых из них уже схватили и впрыснули им что-то в тело из этих своих пушек.

Были еще одни, пребывающие с горизонта. Они чем-то походили на Боссов, но были меньше. Молодые были статные, высокие, прямые. Они видели противника и атаковали. Старые – скрюченные, сморщенные. Их было меньше, но тем не менее они тоже участвовали в нападении, помогая молодым превращать розовую землю под их ногами в отвратительно пахнущие лужицы желто-зеленоватого цвета.

Шестилапых, которые интересовали Ленни, не было, и мне даже было не любопытно их посмотреть.

Зато, к несчастью, были те, что интересовали меня. Тетушке Розанне придется рассказать на уроке что-то еще, по-

сколькx их действия я видел собственными глазами. На горизонте, там, где земля становилась небом и наоборот, была ярко-красная зона, как река, обнесенная стеной. Но стена светилась – это оттуда на нас шли некоторые из убийц. Как будто через стекло – я видел их, маленьких, разноцветных, разных, – они поймали кого-то из наших. Путешественника? Или что еще он делал там, в отдалении от нас? Хотя никакого его уже не было. Его окружили и, как показано на картинках в классе, впились в него, окружая обручем и делая дырки в его коже. Ужас. Жидкость хлынула в него и подобного мне разорвало, как шарик с водой.

Хорошо, что я не успел придумать ему внешний вид, пол и имя. Иначе мне было бы еще неприятнее видеть то, как его опавшая оболочка кусками потянулась течением куда-то вдаль.

– Внимание! – пропел голос, и тетушка Розанна, семеня, отправилась вдаль, справедливо рассудив, что я справлюсь сам, – тяни выше!

И я потянул. Купол стал захватывать больше, но этого все еще хватало, чтобы спрятать ее. Дру. Я видел ее совсем недавно, но сейчас почти не узнал – она, затесавшись между солдат, незаметно даже для самой себя, вышла из купола и оказалась прямо на линии Битвы. Она собирала свои камни, словно цветы, и даже, возможно, не обращала внимание на то, что Смерть следует за ней по пятам. Тетушка Розанна догнала ее и, дернув на себя, затащила под купол, укрывая от

летающего в ее сторону врага.

– Деточка! – заверещала тетушка Розанна, – что ты делаешь?

Я не слышал ее ответ, поскольку чуть не сошёл с ума, когда увидел ее одну, припрыгивающую в сторону поля Битвы, будто так это и надо. Она выглядела как видение, явившееся поддержать бойцов, и в то же время проклятие – мое собственное проклятие, потому что я почувствовал, что на месте любого погибшего может быть она. В Эту самую минуту. На моих глазах. И вместо того, чтобы помочь ей, я был вынужден держать этот злосчастный купол. Наверное, она ответила, поскольку Розанна, качая головой, продолжила:

– Все отравлено! Мы не знаем, как они действуют в этот раз, и поэтому трогать ничего нельзя.

Дру усмехнулась.

– Я знаю, – сказала она, – У меня закончился мел, а скоро будут считать погибших, и вдруг мне нечем будет записать их.

Она сказала это так, будто это могло объяснить ее поведение, и тетушка сочувственно покивала. Обычно так разговаривают с тяжелобольными, быть может, с Дедом. Он же болен? Ведь так? Но сейчас он выглядел здоровее всех живых – держал свою часть крепко и стоял, как натянутая струна, не забывая при этом сканировать пространство и произносить, почти кричать, чтобы его слышали те, кто был на противоположной стороне нашего квадрата-убежища:

– Октавиус, правее! Да-да, вот так. Еще немного – и... это закончится! Всегда заканчивалось. Их основная ошибка в том, что они никогда не доводят дело до конца. Мы же тоже не машины – мы не можем стоять так вечно, но их запал кончается ровно до того, что бы уничтожить нас. Наши силы почти на исходе, и, значит, конец атаки близок. А мальчишка не промах!

В его словах определенно был смысл, поскольку полчища, прибывающие к нам, становились меньше, а воздух, пропитанный химией, становился легче. Розовой земли становилось меньше, многие кратеры забивали желто-зеленые пробки. Я держался из последних сил – ноги слабели. Дышать было трудно и, честно, я даже боялся сделать вдох – вдруг смерть притаилась в самом воздухе?

Тетушка Розанна отправилась, видимо, отводить Дру в безопасное место, а я пообещал себе поговорить с ней о ее странном поведении, нарушающем все возможные инстинкты самосохранения.

Когда я уже собирался упасть и умереть, все прекратилось. Стало тихо. Дед велел убрать купол, и я так был рад этому, что даже забыл поинтересоваться а зачем, собственно, он был нужен? И почему его держал я?

Я, сладко потянувшись, поплелся в сторону – точнее, в центр – туда, где были те, кто не воевал.

Я мечтал увидеть Ленни, чтобы обсудить с ним произо-

шедшее, или, возможно, тетушку Розанну, что, видимо, нашла себе занятие получше, чем следить за мной, раз все еще не вернулась. Но не обнаружил ни того, ни другого. Среди обломков паники был лишь один пригодный к диалогу. Он выглядел внушающим силу. Он отдавал поручения кому-то, кто шел с лопатами на границу, – наверное, убирать те желтые пятна.

– Чистильщики идут первыми! – распорядился он. – После них – уборщики! И я прошу вас приложить все усилия, чтобы ни одна часть защищавших нас не попала в лапы ищущих! А, ты новенький? – сказал он, заметив меня.

Не знаю, что в моей внешности натолкнуло его на эту мысль. Я же в нем видел выправку генерала и задатки командира – до того властным была его поза и голос. Для пушного эффекта ему не хватало лишь камзола и орденов, но я их ему тотчас дорисовал. Мне казалось, ему так же подошли бы короткая стрижка и темные волосы.

– Ага, – согласился я. – Али.

– Очень приятно, Октавиус, – произнес он, пожимая мне руку.

Так вот кого упоминал Дед – передний фланг – Октавиус. Так, видимо, мы с ним теперь в одной лодке.

– Отто, – сократил я, – ты не против такого имени, а то твое... слишком длинное – прояснил я. И невкусное – но говорить это я, разумеется, ему не стал.

Он, видимо, нехотя согласился. Это было видно по его

вздернутому подбородку и в удивлении поднятой брови.

– Отто? – переспросил он. – Ладно.

Видимо, я ему не сильно понравился, но спорить он не любил, поэтому и согласился.

– Что это было? – уточнил я, имея ввиду, разумеется, ту зеленую штуку. – Купол. Зачем он?

Отто посмотрел на меня, как на глупого. Честное слово, я читал в его глазах, что тупее меня он в жизни никого не видел. Он мог бы покрутить пальцем у виска – и то это было бы менее обидно, чем этот его взгляд.

– Ты что, только вчера родился? – вопросом ответил он на мой вопрос.

Я не видел смысла врать и все еще не понимал, как они отсчитывали время, но...

– Да, вчера, – кивнул я.

– Славно, – заключил он, поджав губы, и вновь переключил внимание на подчиненных. – Персивальс, ты не дочищаешь, видишь? – крикнул он.

Персивальс, тщедушный молодой человек с щеткой, и правда, не дочищал, но почему-то не видел это. После слов Отто тереть он начал лучше, и пленка наконец-то поддалась.

– А зачем вы это делаете? – вновь попытался наладить диалог я. Чем-то притягивал меня этот Октавиус. Быть может, тем, что говорить со мной он не хотел?

– Если ты родился только вчера, то, думаю, тетушка Розанна будет недовольна, если знания о мире буду давать тебе

я, – ответил он. Он даже говорил в какой-то особенной манере со мной. Я бы назвал ее саркастической.

– Ага, как же – расскажет, сегодня мне много что рассказали, – заявил я. Заявил – как отрезал.

Что он скажет мне в ответ – этот мистер гордость?

– Ты что, правда не знал, что ты делаешь? – усомнился Отто.

– Правда.

Он будто бы выдохнул. Ну, конечно, успокоился, что его напарник не тупой как валенок. Ну что ж, я был польщен и даже немного рад.

– Мы спасали тех, кто в этом нуждался. Точнее, – он почесал голову, продолжая, – всех, кто не хотел или не мог сражаться. Многие из них могли бы постоять за себя сами, но, ты знаешь, лучше перестраховаться.

– Почему это пришлось делать мне? – спросил я. – Ты, видимо, сам выбрал себе работу, а у меня даже никто не спросил – меня просто заставили это делать.

– Держать купол? – уточнил он. Я кивнул. – Как там тебя? Али? Нас, таких, как я, как Дед, как ты, немного. Точнее, нас всего четверо, еще Нимели, и поэтому, как ты понимаешь, выбора особо нет. Раньше вместо тебя был Фердинанд, и он выполнял эту работу. Мы ожидали, что вас будет двое, – напомнил он мне о моем сиротстве, – но раз уж так вышло, то едва ли тебе предоставили варианты.

Я поник. Его речь звучала как принуждение меня выпол-

нять то, что я для себя не выбирал, и это было больше, чем просто неприятно.

– Я могу отказаться? – спросил я.

– Да, конечно, можешь, – кивнул он, но прежде чем я обрадовался, пояснил: – если ты не против того, чтобы твоих товарищей настигла жестокая смерть.

И тут я вспомнил Дру. Ее рыжие волосы, ее свет, радость ее компании и какое-то незримое притяжение к ней. Ее смех. Ее стену, которая может остаться без хозяйки. И я... не смог сказать, что я не против этого, поэтому я промолчал. Отто истолковал мое молчание по-своему.

– То-то же, – заключил он, – никого не спрашивают, хочешь ли ты работать – ты просто делаешь то, что умеешь. И делаешь это хорошо. На этом и основывается наше общество.

Я задумался. Пожалуй, смысл в его словах был, но я не совсем разделял его позицию.

Желания общества выше моих желаний? Нет уж, дудки!

– И что, прямо-таки все подчиняются?

– Как видишь, – в доказательство он обвел рукой вокруг.

Да, я видел, как бедный Персивальс со всех сил трет каждую бляшку, как он тщательно сортирует мусор, а те, другие, что Отто назвал «уборщиками» собирают мельчайшие кусочки оставшихся тел в черные мешки. До остатков защитников чистильщики не касаются, их работа, видимо, только мусор. А вот органические отходы – это работа уборщиков.

Странно у них заведено – они даже не мешают друг другу, хотя я уверен, что чистильщики убирают гной, чтобы уборщики нечаянно не залезли в него и не обожгли себе тело.

Один из уборщиков был главным. Как я это понял? Он работал активнее всех: он очищал свою территорию, проверяя каждую трещину поверхности, передвигаясь почти ползком, чтобы ни одна часть мертвой клетки не ускользнула от него.

– А ты что, тоже с ними? – решил удовлетворить любопытство я, поскольку помнил, как Отто рьяно ими командовал.

О, этот его взгляд: мистер-вы-слишком-тупы для моего общества.

– Я такой же как ты, – пояснил Отто, – у нас один вид. Другие не могут держать купол.

– Но ты же командовал ими! – возмутился я.

Отто пожал плечами:

– Я люблю работать. Я просто пытаюсь помочь им.

Слышать такое было дико. Мало того, что он перерабатывал, так еще его и слушались другие, хотя начальником им он не был.

– А если я буду командовать, они тоже послушаются?

– Если твои команды будут полезны, то да, – ответил Отто и уже явно собирался уйти.

Но у меня еще оставались вопросы. Пара десятков или сотен вопросов. Всего-то.

– Постой! Можно я спрошу еще?

Отто задержался и, клянусь, я видел, как его бровь в удивлении поползла вверх.

Наверное, такого наглого, приставучего и тупого собрата он видел в первый раз. Ну и что? Он мне все равно нравился. С ним было гораздо интереснее, чем с Ленни, хотя бы потому, что с ним действительно было о чем поговорить.

Тем временем к главе уборщиков подошли Найсеер и Норберт. Они наклонились к друг другу и о чем-то шептались. Двое сопровождающих погрузстнели, а затем, легко кивнув, заспешили прочь.

– Что они делают? – спросил я у Отто, который был так снисходителен, что еще не покинул мою компанию.

– Они гонцы, – пояснил он, – ну, знаешь, в основном мелкие поручения: поддерживать связь друг с другом. Они работают посменно, но сейчас вышли оба: очень уж неудачной выдалась Битва. Многие погибли. И теперь их задача передать сведения от уборщиков, которые считают мертвых и уничтожают их останки, чтобы ищейки не добрались до них, в книгу учета, к Дру, чтобы та знала, как можно называть родившихся.

– Это же бесполезно, – заключил я, – они, что, сами не могут прийти друг до друга?

Меня правда удивило это. Постоянно быть на побегушках. И как – Найсеер – тебе нравится? Бежать от родившихся до Дру и обратно, бежать от чистильщиков до Дру и обратно, бегать по велению Деда на другой конец поселения и

все такое?..

– У каждого своя работа, Али, – уже устало выдохнул Отто. Наверное, его утомили мои вопросы.

Я не мог понять, как устроен механизм их жизни. Как он работает? И – главное – почему еще держится?

– Я надеюсь, что вскоре ты поумнееешь, – сказал Отто, – и поймешь, что бесполезной работы нет. А пока я вынужден откланяться. Меня уже ждут у малого Рифа, там требуется помощь с ранеными.

Я снова хотел его остановить, но внезапно вспомнил свое намерение увидеть Дру. Раз Най и Норб направляются к ней, что ж, составлю им компанию.

– Найсеер! Норбертарий! – закричал я.

Они, услышав, повернулись и расплылись в почти одинаковых улыбках.

– Алибастер, рады тебя видеть!

Норбертарий полностью соответствовал рассказам Ленни о нем, поэтому я его и узнал, как только впервые увидел. Он отталкивался одной ногой, второй у него вовсе не было, его цвет слегка переливался и он был каким-то быстрым – даже Найсеер едва успевал за ним. Я же тотчас придумал ему одежду – спортивный костюм малинового цвета, седые пушистые волосы и такие же усы. Найсеера я представлял проще – эдакий щегол в пиджаке, с тростью и в шляпе.

– Как тебе первая Война в твоей жизни? Напуган? – спросил кто-то из них, когда я оказался рядом – они с удоволь-

ствием подождали меня.

– Не особо, – пожал плечами я, – хотя это было странно.

– Еще бы, – согласился Най, – такой заварушки давно не было.

– Шестьдесят погибших – и это только на одном поле! – подхватил его речь Норб.

– Ай-ай-ай, – протянул Най, качая головой, – ты же всех запомнил? – уточнил он, обращаясь к Норберту.

– Так точно, всех до единого, – выпятил грудь Норб, – все тридцать как на духу.

– Видишь, друг, – обратился уже ко мне Най. Хотя я не помню, когда мы с ним сдружились, чтобы он считал меня другом, – приходится работать вдвоем – один вряд ли упомнит столько информации.

Мы двигались быстро, я даже по сторонам не очень-то смотрел – живые, здоровые и покалеченные, все зализывали свои раны. Те, кто оставался под куполом, выглядели здоровыми. Те, кто едва дышали или, задыхаясь, умирали на глазах, явно пришли с поля боя. Я так же заметил дома недвижимых – рвы вокруг них пенились, а они кричали:

– Силенсия, ты великолепна!

На эти слова из крайнего дома показалась такая же розовощекая, смеющаяся женщина, конечно же, с белыми кудряшками и розовыми губами, которая добрым голосом отнекивалась:

– Дорогие, да вы сами можете делать то же самое! Ваш

разрушитель еще лучшего качества, вы бы справились и без меня.

Она, видимо, тоже была из неподвижных – жила рядом с ними, а еще умудрялась помогать. Да еще, похоже, тем, кто справился бы и без нее.

– Но ты помогла нам! – кричали они. – Ты поделилась с нами своим разрушителем, а копатели защитили нас им!

– Я лишь хотела, что мы все были в большей безопасности!

И они смеялись, смеялись...

Выглядело жутко.

Хорошо, что мы быстро оказались у работы Дру. Пока гонцы разговаривали с ней, и она расписывала стену, я ждал снаружи. Не хотел больше лицедреть ее скучное занятие, а потому решил потратить время более рационально.

Подумать.

Если с врагами было предельно ясно, то с Войной оставались вопросы. Неужели при каждой атаке я буду вынужден стоять неподвижно? Неужели мне придется тратить силы на купол, который, в общем-то, нужен всем, кроме меня. Я понимал, что и я, и Дед, и Отто вполне могли бы держать купол лишь над собой, или попробовать другие способы выживания. Держу пари, я бы тоже смог создать разрушитель. Или же уснуть, как тот старина. Хотя нет, может быть, уснуть не смог бы – сна не было ни в одном глазу.

И тут я снова вспомнил Дру. Ей была нужна помощь?

Я сомневался. Она выглядела сильной и здоровой. И какой-то воздушной. Не знаю, почему меня тянуло к ней. У нас, в общем-то, не принято находить пару – мы не нуждаемся в этом. Но в ней я почувствовал родство душ, не иначе, поэтому она стала для меня важной. Судьба? Проведение? Я просто знал, что должен быть неподалеку от нее, потому что только в ней был смысл. И это не было продиктовано инстинктами – это было тяготение другого уровня.

Мне нравился ее смех. Мне нравился ее юмор. Мне было приятно говорить с ней и слушать ее. Мне нравились ее движения и ее улыбки. Еще при первой встрече я убедился, что она отличается от остальных.

Любовь ли это?

Я не умел любить.

Остальные вопросы, что роились у меня, логичнее было бы задать тетушке Розанне, и я сделал себе пометку в голове.

Тем временем Най и Норб вышли от Дру. Настала моя очередь вновь спуститься вниз, в кратер, где она работала, и удивиться, увидев, как сильно преобразилась стена – новых имен не прибавилось, а количество зачеркнутых увеличилось. В десятки раз.

– Привет, – произнесла она, – не ожидала тебя увидеть так скоро.

– Я и не собирался, просто увидел тебя на поле Битвы и решил спросить: зачем, Дру?

Она смотрела на меня в непонятках пару минут, а потом

вновь захохотала, точно я рассказал самую смешную шутку в ее жизни.

– Скажи, что ты несерьезно, Али, – попросила она, смаргивая выступившие слезы.

Почему же? Я был серьезен как никогда. Она могла умереть или еще хуже – медленно загибаться, как раненые на улице, потому что действенной помощи раненым у нас нет. Мы за профилактику, знаете ли.

– Seriously, – буркнул я, – что тебе там понадобилось? У тебя был камень, я видел, – сказал я, вспомнив, что накануне мы приходили сюда записать Джорджину и Глензенг и вычекнуть Апполинария.

Кого она пытается одурачить?

– Ладно, – сказала она, – хочешь правды? Мне было скучно.

Я поперхнулся воздухом.

– Скучно, знаешь? Я пытаюсь жить каждым мгновением, а Война меня гнетет, и я гуляю.

– Ты специально гуляешь по полю Битвы?

– Что? Конечно, нет. Вчера я зашла совершенно случайно.

Она смотрела на меня своими большими глазами, а я даже не знал, что сказать. Понятие «самосохранение» живет отдельно от этой девчонки, не иначе.

– Случайно? – уточнил я.

– Совершенно, – кивнула она, – и, если тебя успокоит, то больше этого не повторится. А сейчас прости, ко мне снова

пришли.

Она кивнула головой в сторону запыхавшегося Норба.

– Западная часть, – объявил он, —еще двадцать! Я спешил, потому что голова стала, как дуршлаг.

– Диктуй, – деловито произнесла Дру и повернулась к стене, приготовившись черкать камнем.

– Пренделл, Мимисия...

И под аккомпанемент его траурного голоса, перечислявшего почивших, я вышел.

Куда пойти дальше?

Я огляделся. Никто не кричал, что пора на занятие. Никто никуда не спешил. Народа было мало, и все они скорбно смотрели вдаль. Я тоже посмотрел.

Некогда розовые поля стали сплошь желто-зеленые. Эти лужи меняли даже рельеф. Мне было неприятно видеть, как желто-зеленая субстанция залезла своими клешнями вглубь нашей земли. Как она разворотила нашу поверхность. Как она обезобразила некогда мягко-розовый цвет, сделав его грязным. Желтым. Эти лужи-пробки даже пахли дурно. Смрад от них стоял такой, что дышать им мне не хотелось, да выбора не оставалось.

Сквозь поля разрушений ходили чистильщики и уборщики. Они тщательно делали свою работу, но их усилий, видимо, не хватало: они выглядели песчинками в этом океане грязи.

Если подумать о том, что эта зеленая грязь не только сле-

ды врагов, но и результат убийств наших соседей, собратьев и таких же, как я, начинало мутить. Мне физически стало плохо от осознания, сколько их полегло там.

Как часто бывают Войны? И прав ли был Дед, говоря, что они закаляют нас?

Я видел только разрушение. Так много вопросов. Так мало ответов.

К нам подрулила кухня сэра Коррингтена. Они выкладывали свои пожитки, которых было меньше, чем обычно – видимо, последствия Войны еще не позволяли добывать пищу в прежнем объеме. И очередь вереницей выстроилась перед ним.

Аппетита не было.

Я не ел со вчерашнего дня. Но причина была не в унижении, что я испытал при попытке подкрепиться еще раз. Мне все еще было стыдно, но желание сахара пересилило бы мой стыд.

Причина была в другом.

Я не находил себе места. Мне хотелось бежать отсюда. Это мир был жестоким. Тут дурно пахло. Я мало что понимал, но знал одно – если бы я жил один, то я не должен был лицезреть эти поля. Я мог бы спокойно сбежать на любую другую территорию, и не было бы нужды смотреть на это и ощущать, как твои внутренности переворачиваются от мысли, что умереть может любой, кто тебе дорог.

И эта смерть не будет равна рождению. Никто не будет ей

рад. Пара твоих потомков не заткнут дыру, образовавшуюся после твоего ухода.

После тебя останется пустота.

После Фердинанда остался я. Хотя нас должно было быть двое, но предок мог быть спокоен – у него было продолжение.

Я вспомнил о месте, где жил Фердинанд и где я еще не был. Я почувствовал, что пора, что сейчас самое время.

Я окликнул ближайшую ко мне даму, что была ниже меня ростом и, бесспорно, носила шляпки с бантами, и произнес:

– Мисс, а вы не знаете, где жил почивший Фердинанд? Я его потомок.

Она улыбнулась самой обворожительной улыбкой и махнула рукой, одетой в перчатку, указывая направление:

– Прямо до большого камня, там направо – последний кратер.

– Благодарю, – ответил я.

Место нашел я быстро. С камнем проблем не возникло – эдакая глыба – вот бы Дру сюда. Она могла им писать до скончания веков. Камень был разноцветный, большой, бесформенный. Он являлся отличным ориентиром.

Нужный кратер тоже легко узнавался.

Несмотря на то, что в первый день мы двигались другой дорогой, так как камень я бы запомнил, саму впадину я узнал. Она начиналась плавно, постепенно устремляясь вниз. Как хорошая такая трещина земли.

Кто-то выкинул моего родившегося мертвым напарника. Наверное, уборщики – вдруг бы ищейки добрались сюда? Насчет ищеек я уже сделал пометку, но у меня и без тетки Розанны есть пара теорий, кто они такие: разведчики, что узнают нас. Шпионы, что по остаткам наших соседей определяют наше местоположение и присылают сюда Боссов и всех остальных чудищ. Поэтому нужно сделать все, чтобы ни кусочка живого или мертвого кого-то из нас не попало к ним в руки.

Я сглотнул, оглядывая обстановку.

Напротив входа была парта, похожая на школьную, и пара стульев. Пол был накрыт добротным ковриком крупной вязки. Было одно окно, что выходило на нежилую часть города. Глубже внутри висели шкафчики – в них были банки, тарелки. Я заглянул в каждую. В одной из них нашел лакомство и съел его. Видимо, родственник был запасливым.

Опускаясь ниже, почти в конец дома, я увидел портрет во всю стену, нарисованный теми же камнями, что использовала Дру.

На портрете в полный рост стоял кто-то из моих родственников. Так как я никого из них не видел, то наверняка не могу знать, кто был изображен на нем.

Но если бы меня попросили описать его, этот портрет, я бы описал. Я бы сказал, что у нарисованного длинная зеленая, по-хорошему зеленая, не как те лужи, борода, бакенбарды и красные волосы. На носу пенсне, а в руках книга. Обяза-

тельно классная такая книга, которой не стыдно похвастаться в приличном обществе.

Я бы сказал, что тут изображен мой пра-пра-прадед.

Я бы наградил его историей, рассказал бы о его странствиях, указал бы места, где он побывал, а где только хотел побывать. Я много что мог придумать.

Мне нравилось сочинять. С моим воображением мир был ярче, красивее. Слаще.

Но я был заперт здесь, в этом забытом местечке, где мои разговоры вряд ли кто будет слушать, поэтому я, найдя в себе силы оторваться от созерцания его великолепной бороды, перевел взгляд вниз.

На первый взгляд, здесь не было ничего удивительного.

На полочке, прямо под портретом, висела полка, а на ней стояла крохотная непримечательная баночка. Я сначала не удивился. Сколько их я сегодня видел в доме?

Но в этой что-то было внутри. Желтое, симпатичное. Маленькая горошинка, но она притягивала взгляд. Я улыбнулся. Неужели почивший родственничек и здесь оставил кое-что вкусненькое для меня?

Я открыл банку и залез в нее рукой. Дома можно не соблюдать правила приличий.

Зачерпнув немного я, почти с благоговением, поднес к носу горошинку, ожидая почувствовать сладостный запах угощения. Увы, этого не произошло.

Я недоверчиво лизнул. Было горько, неприятно и даже

немного обидно.

Это что – ушная сера?

И откуда я вообще знаю, что такое ушная сера?!

Глава 4. Дружба.

Отто жил здесь дольше, чем я. Он хорошо работал, и мне он слегка не нравился. Он мудрее меня. Я на его фоне глупый ребенок, и приходится держать марку.

Отто сначала избегал меня. То есть он делал это не явно, но заметно. Как только я появлялся в пределах его видимости – у него находились дела поважнее. А так как он работал во многих частях нашего города, дела у него были везде. Уж я-то не сомневался.

Отто умел многое. Он доставлял новости, сам чистил землю, участвовал в добыче еды, иногда – в ее раздаче. То есть без дела не сидел.

Мне же было скучно. Занятия у тетушки Розанны возобновились.

Я много думал об ушной сере, но информацию о том, откуда она появилась и откуда я знаю много тех вещей, о которых никто из наших никогда не говорит, я не нашел.

Однажды я спросил у Ленни:

– Ты знаешь, что такое юбка?

Он посмотрел на меня, как на чокнутого.

Я бы на его месте еще и отсел из-за парты, мало ли, вдруг игра моего воображения и мои чрезмерные познания заразные.

Я хотел спросить об этом у тетушки Розанны, но она лишь

учила нас:

– Эти, – говорила она, указывая на разноцветные штуки, – делают дырки в наших стенках, и вода устремляется внутрь, разрывая нас. А эти, – тыкала она своим острым пальцем в шестиногих пауков, – больше не появляются, но Дед говорит, что когда-то они были даже страшнее войны – они действовали целенаправленно. Каждый из них был строго предназначен для уничтожения определенного из нас. Они заранее знали, кого будут убивать.

Меня передернуло.

– Славно, что их больше нет, – произнес Ленни.

– Не стоит расслабляться, – ответила ему Розанна. На ее уроке вполне можно было вести диалог – она не требовала от нас замолчать, так как с друг другом мы и так редко говорили, все наше внимание было направлено исключительно на нее, – они всегда могут вернуться. Могут почувствовать, что Война не так уж и эффективна.

– Надеюсь, что они глупые.

Тетушка Розанна кивнула, мол, надейся, но не расслабляйся.

– Что мы им сделали? – спросила девочка с первой парты. Возможно, она носила очки. Мне хотелось, чтобы она их носила.

Да, я снова делал это. Я выдумывал.

– Почему они убивают нас? – пояснила она.

Тетушка Розанна задумалась, поправляя волосы.

– Я не могу знать все на свете, деточки, – грустно вздохнула она, – но у нас есть догадки. Быть может, мы занимаем их территорию.

– Но если не будет нас, – продолжила парировать девочка, – будут другие... Они и других будут убивать? А если убьют – то что дальше? Кому нужна эта территория, если она будет свободной?

Все молча следили за их диалогом и не вмешивались. Я считал эту девочку занозой в заднице. Столько вопросов. Она, что, правда думает об этом? Ей больше заняться нечем?

Какая вообще разница, что может быть, если?.. Если этого не случилось, то и думать об этом пустое. Тем более, думать о том, что станет, если тебя не будет.

Я почему-то вспомнил Дру. То есть я, разумеется, не забывал о ней, но сейчас так явно в моей памяти всплыли ее слова: «Эту работу смогут делать, когда меня не станет».

Меня снова передернуло. Эти темы явно не для меня. Я жил настоящим и меня интересовало только настоящее. Зачем нам дана жизнь? Чтобы получить удовольствие, разумеется.

– Что такое ушная сера? – решил я перевести тему на то, что меня действительно волновало. А волновало меня скорее то, знает ли об этом еще кто-то, кроме меня.

Тетушка Розанна оторвала свой взгляд от девчонки и посмотрела на меня:

– В наших краях такое не водится, но я слышала, что неко-

которые из нас пришли оттуда. Может, тебе спросить у них?

Я задумался. Да, я примерно понимал, что это за предок. Это, должно быть, мой пра-пра-пра-прадед. Я видел его. Только портрет почему-то отказался говорить со мной. Быть может, потому что его и на свете уже не было?

Пришли оттуда... А эта мысль уже интереснее. Если откуда-то пришли, то, значит, туда можно и уйти.

Я знал на том самом интуитивном уровне, что мир – весь мир, наша Вселенная – не заканчивается розовой поверхностью. Неужели есть места, где все не лебезят друг с другом, где нет Войны и где все, что тебе надо – это пища и воздух – и никаких проблем.

Никакой работы, что придумал для меня Дед.

А теперь я убедился в этом.

– Кто это может быть? – спросил я, от нетерпения едва ли не подпрыгивая на стуле.

Так как тетушка Розанна часто общалась с Дедом, что своими глазами захватил много поколений из нас (не зря он был так стар), то, возможно, Дед рассказал ей, кто из наших пришел оттуда.

– Может, Октавиус? – предположила учительница. – Он один из немногих, кто много путешествовал перед тем, как присоединился к нам. Да-да, он многое успел сделать за свою жизнь и, я надеюсь, он еще долгое время пробудет с нами.

Отто – понял я. Вот ты и попался. Теперь у меня будет весомый повод найти тебя. А что – мне тетушка Розанна со-

ветовала.

Мои вопросы будут его раздражать, а я получу от этого удовольствия.

– Что ты задумал? – прошептал Ленни так, чтобы никто, кроме меня не слышал.

– Ничего, – помотал головой я. Мне не хотелось рассказывать ему ни о моем новом-старом доме, ни о находке, ни даже о портрете. А вдруг... – ты тоже не знаешь, что такое сера? Поройся в памяти, достань те знания, что у тебя появились на пикнике деда, вдруг... Вдруг ты знаешь... – попытался я.

Ленни один раз качнул головой. Потом еще раз – снова.

– А ты – ты. Ты знаешь? Ты спросил не чтобы узнать, а проверить, кто еще в курсе, верно? – ай да Ленни, он всегда читает мои мысли.

Ну что ж, у него была попытка меня заинтересовать. Он, как всегда, ее тупо провалил.

– Какая разница? – спросил я. – Твои предки, видимо, не были путешественниками и не ходили никуда дальше кухни сера Коррингтена?

– Нет, – потупил глаза в парту Ленни. – Агна сказала, что наши предки жили тут еще до начала основания колонии. Так давно, что точно никто не знает сколько. У меня нет таких знаний. Зато я отлично помню, каких исполинских размеров была наша земля. Раньше. Какие розовые острова были вдали и как они уменьшились сейчас. Помню, как Эл-

ли появились впервые. Помню времена, когда шпионы были еще глупыми и мало видели нас. Помню....

Ленни все болтал и болтал. Я его больше не слушал.

Пусть с Агной общается – я пас.

Отто-Отто-Отто, звучало в моей голове. Вот кто развеет мою скуку и может показать мне, где есть жизнь интереснее этой.

– Так, продолжаем, – произнесла тетушка Розанна.

Она взяла указку и пошла дальше показывать монстров на полу. Мы все еще обсуждали монстров. И я начал слушать ее.

– Ищейки, – показала она, как не имеющее глаз тело забирало часть убитого и разорванного одного из нас и тащила восвояси. Чуть дальше было нарисовано, как их уже ждали стоящие полукругом и готовые к бою все – и Боссы, и киллеры, и пауки. Все ждали, когда кусок наших попадет в их руки и они, узнав нас, вновь появятся на нашей земле.

Задача уборщиков – не дать этому случиться.

Знаю-знаю, спасибо, я уже это понял.

Тетушка Розанна, может, и говорила с подробностями, но для меня это была старая информация и я, удостоверившись, что мне не интересно, я начал думать о том, как мне поладить с Отто. Как стать ему таким же интересным, каким он является для меня?

Дружить я не умел, как и любить.

Я пробовал насолить ему. Не люблю, когда меня игнори-

руют. После занятий я пытался обратить на себя внимание, сделать так, чтобы он заговорил со мной. Я дважды воровал мешки для мусора – теперь они валялись в кратере моего предка.

Чтобы проверить это, я появлялся на поле, которое убрали, и делал так, чтобы Отто видел, что я ошиваюсь там, – подбоченившись, я стоял неподалёку, а стоило уборщикам отвернуться, как я хватал пакеты – и деру. Отто видел. Не мог не видеть. Чтобы обеспечить это я дважды проделал одно и то же.

План был прост в своей гениальности: Отто захочет пожаловаться Деду, но перед этим он сначала поговорит со мной: а вот тут-то будет повод поболтать с ним. Каково же было мое удивление, когда Отто не стал искать меня, чтобы устроить взбучку, и даже не сказал Деду, потому что никто, даже тетушка Розанна, в работе которой был элемент воспитания, не сказала о моих шалостях ни слова.

Вторым пунктом налаживания контакта с Отто была передача неверных сведений, когда он замещал Ная или Норберта, – подойти к нему и придумать что у меня есть информация для кухни, Розанны или Ленни. Для кого угодно. Отто сразу смекнет, что я вру, и выплеснет эмоции. Он будет чувствовать ко мне хоть что-то, кроме равнодушия и игнорирования.

Тетушка Розанна поменяла мой план. Она подкинула вариант получше.

Я не умел дружить, но решил попробовать.

Вдруг, дружба – это мое?

Когда урок закончился, нас снова покормили – все еще тем божественным сахарком. Я ждал пикника, потому что лакомства нам положены именно там. Других причин, как вы понимаете, ждать его, у меня не было.

– Прогуляемся? – спросил Ленни.

Тетушка Розанна нас отпустила, дав задание – найти скрытый талант. Я задание заранее сделал – я же уже знал, что способен держать купол, поэтому хотел сразу отправиться на поиски Отто.

Ленни в моих планах не было.

– С Агной прогуляйся, – бросил я и, махнув рукой, отправился один.

Надеюсь, Ленни не сильно огорчился. А, впрочем, какая разница?

Сегодня в городе было тихо. Видимо, все были заняты делами. Это только нам устроили первое задание по профоринтированию, взрослые жители уже знали, что могут делать ради общественного блага, и делали это.

Скоро все потянутся на обед.

Отто я все еще не видел – земля была почти чистой, Войны долго не было, и уже не убирали, кухня пока не приехала. Где он был? Может, нашел новую работу? Чистил заброшенные кратеры, например, или помогал Дру, или вынаши-

вал с Дедом очередные идеи как благоустроить наш город?
Где мне искать его?

Почти в центре города я заметил новые лица. У них было бобовидное тело – мне даже показалось, что передо мной сиамские близнецы, до того было неясно, два существа передо мной или все же четверо. Они полусидели-полулежали на земле и то и дело рыгали. Ели сахар, что, им, как беженцам, дали, видимо, раньше графика. Нас, как детей, тоже кормили до остальных.

– Здравствуйте, – произнес я, – вы не видели Отто?

Они, переглянувшись – все же их оказалось двое, рыгнули еще раз и, скорее грубо, чем вежливо, ответили:

– Проваливай.

Я опешил. Да, быть может, я и сам хотел отвечать окружающим примерно так, но не мог из-за правил приличия, которых все тут придерживались. А эти не хотели утруждать себя исполнением правил. Ставлю сто лакомств – долго среди нас они не протянут.

Дед и его общество любят покладистых. Эти – скопление агрессии.

– Что? – уточнил я. Может, они еще передумают, если планируют остаться тут надолго.

– Нам сказали, чтобы мы сидели тихо, потому что из-за нас может случиться Война, – пропел один, который, видимо, был терпеливее своего собрата, – но если ты не уберешься, то клянусь, мы... устроим тебе такое, что бежать ты бу-

дешь далеко.

Я не испугался, потому что видел, что они неходячие.

И хорошо. Мы их быстро вытурим. Точнее, Дед вытурит. Мне-то какая разница? Сахар правда жалко. Жрут его.

– Вы бы это... – сказал я последнюю фразу прежде, чем уйти и не видеть их наглых лиц, – поугомили свой пыл. Вы не одни вынуждены держать гнев под контролем. Но, знаете, какая между нами разница? У меня, в отличие от вас, это получается.

И, развернувшись, я пошел в противоположном от них направлении.

Агрессивный кофе. Вот как я их буду называть. Они не задержатся надолго, так что нет смысла давать им отдельные имена или, более того, еще и придумывать свои собственные сокращения для этих невоспитанных идиотов.

Большие Боссы и Эллы, а также все, кто не живут с нами, отдельные имена не получали. А зачем? Мы их отличаем одним общим именем, разные имена получают только наши. Потому что они важны. Они – рабочие единицы, и их нельзя путать. А эти... Эти проходят мимо.

Я уверен, что агрессивный кофе здесь не задержится. Поэтому и решил называть его так.

Кофе... кофе... Пожалуй, об этом я тоже спрошу у Отто.

Которого, я, к счастью, заметил – сегодня они строили дома недвижимым. В этот раз на новом месте – в центре мест не было, а размножились они будь здоров: домов уже не хва-

тало.

– Тут будут жить те, кто умеют спать! – услышал я голос кого-то, кто стоял рядом с Отто и диктовал сведения о ситуации Наю, что должен был, видимо, доставить их к Деду, – Купол мы сюда не дотащим, но они сами справятся. Сон – надежная защита.

Отто хмуро глядел вокруг, когда я решил подойти к нему со спины. Чтобы у того не образовалось срочное дело где-нибудь в северной части города.

Он заметил меня не сразу, а когда заметил, я был так близко, что уходить сейчас было бы верхом невоспитанности.

– Привет, – сказал я, – давно не виделись. А я снова хотел с тобой поговорить.

Отто изумленно поднял бровь. Он выглядел в точности так, как я его и запомнил: гордый вид, прямая, горделивая осанка и взгляд свысока. Может, он смотрит так исключительно на меня – кто же его разберет?

– Чем я так провинился в мире, – будто философски начал Отто, – что меня преследуют дети?

– Мне уже... мне уже достаточно времени, – возразил я, – я уже даже Войну видел, не такой я уже и ребенок.

– Тогда почему ты не занят чем-то полезным? Почему не тренируешься? Почему праздно шатаешься дни напролет, когда ты должен развивать свой навык?

– Зачем мне тренироваться? – удивился я. – В прошлый раз у меня получилось, помнишь?

Отто сжал зубы, я почти услышал, как скрипнула его челюсть.

– Между прочим, в прошлый раз, когда ты задержался с поднятием, многие могли успеть погибнуть. Нам повезло, что Война была медленной.

Я посмотрел вслед уходящему Наю. Хорошо, что тот получил необходимую информацию и уже семенил ее доставить. Он не увидел моего позора. Потому что я и не думал, что поднял купол не так хорошо, как хотелось.

Я пожал плечами. Отто хмуро посмотрел на меня.

– Что тебе надо? Говори, и оставляй меня в покое, потому что я терпеть не могу детей.

Я улыбнулся. Так-так, вот и нашелся нужный мне рычажок.

– Детей значит? А если, – я замялся и чтобы лучше подобрать слова, обвел взглядом все вокруг. Дома были еще не достроены, но фасад уже проглядывал и узнавался. Для недвижимых не использовались кратеры, им строили дома на поверхности, сразу окружая их камнями, подобными тем, какими писала Дру. Это было логично, поскольку камни здесь были не редкостью. Я уже видел, как они появлялись – становилось светлее, приятно пахло, и по реке шли огромные лавины, части которых могли долетать до нас и оставаться. Периодически река омывала их, забирая с собой, но многие оставались. И пополнялись, к тому же. Грузчики таскали подходящие на тачках на стройки, а там уже строители ре-

шали, что с ними делать, – если я, допустим, вырасту, то ты, ты... Мог бы со мной дружить?

Отто засмеялся. Его смех был не таким приятным, как у Дру, но тем не менее я радовался, что вызвал хоть что-то, кроме неодобрения и желания от меня отделаться.

– Если ты вырастешь... – отсмеявшись, повторил он.

Это было образное выражение, поскольку не очень-то мы и росли, но я надеюсь, он понял, о чем я.

– Я стану взрослым в твоём понимании, – на всякий случай пояснил я, – ну, знаешь, буду тренироваться и... научусь поднимать купол и... попробую помочь остальным... не буду много гулять.

– Хорошо, – кивнул Отто. Фух, а то даже его слова о тренировках и помощи вводили меня в грусть. – За каждый твой успех я бы мог честно отвечать на те тонны вопросов, что ты подготовишь, или что тебе еще от меня надо...

Я задумался, но лишь на секунду. Ушная сера и кофе ушли на задний план.

– Дружить. Мне надо от тебя – дружить.

Отто снова нахмурился.

Я знал, что если мы будем друзьями, то он будет отвечать на все мои вопросы, и неважно, насколько глупыми они будут. Если мы будем друзьями, то я смогу расспросить его о путешествиях, о местах, где был Отто, о моем предке и обо всем, что только пожелаю. Так как свое время и свои силы я ценил, я решил тратить их только на действительно стоящий

бартер. Дружба. В нашем обществе это редкость.

– Октавиус! – в наш диалог вклинился кто-то из рабочих. Он был не то грузчиком, не то строителем – без тачки не разберешь. Я представлял его в оранжевой жилетке и с завитыми усами, которые нужны были для важности. – Достали камень, но мы сомневаемся насчет его происхождения, не мог ли ты проверить, насколько безопасен его состав.

Отто изменился в лице. Наверное, из-за его путешествий он был здесь экспертом по составу, так как многое видел и во многом разбирался. Эдакий археолог. Незаменимый винтик огромного механизма.

– Без меня не прикасаться к новому камню! – крикнул Отто и, перед тем, как уйти туда, где рабочие сгрудились и с удивлением разглядывали новую диковину – крупный блестящий шар, ответил мне: – Можем попробовать.

Я надеялся, что мне не показалось.

Я заспешил домой – так теперь я называл то место, где висел портрет моего предка. Этот кратер был особенным – там я мог побыть наедине с собой. Но сейчас я спешил не за этим. Мне не терпелось начать тренироваться. Тетушка Розанна периодически давала нам какие-то домашние задания, которые я никогда не выполнял. Но тут был полностью противоположный случай – я хотел заниматься. Главное – правильная мотивация.

Я интуитивно, точно так же, как и многие вещи в этом

мире, чувствовал, что Отто и есть ответ на все мои вопросы. Он – единственный, кто может помочь мне выбраться из этого тотально контролируемого общества, созданного Дедом, и получить свободу.

Если для этого стоит немного поработать, ну что ж, я сделаю это.

Я, подойдя к кухонному шкафу, решил начать прямо тут. В глубине шкафчика оставалась полка, до которой я не добрался. Там оставалась банка, полная лакомством. Я решил потренироваться на нем. Я встал ровно, прямо и накрепг все свои силы, чтобы из моих рук пошло оно – то зеленое спасительное свечение.

Ничего не произошло.

Я попробовал снова.

Главное – сосредоточится, ровно дышать и, собравшись, вытолкнуть его из себя. Я знал, что у меня получится, я верил, и я сосредоточился, взял себя в руки и...

Ничего.

Ладно, кажется, я знал, в чем дело. Чтобы накрыть куполом то, что тебе дорого, надо еще, чтобы оно находилось в опасности.

Я зажмурился и увидел, как агрессивный кофе тянет свои лапы к моим банкам. Я собрал всю свою силу и попытался дать ей выход. Произошел лишь маленький всполох зеленого, от маленького размера которого мне стало немного не по себе. Я, что, такой слабый?

Верить в то, что я слабый, не хотелось, и я попробовал снова. Я напрягся, собрал все силы в кулак и снова представил кофе – их злобные рожи и мерзкие пальцы, что хватают отставленную для меня еду. Свечение едва появилось, и тут же пропало.

Что за черт? Эта работа не так проста, как кажется. Вдруг Отто был прав, и в следующий раз в опозорюсь при всех, не смогу держать этот купол? Меня не столько волновало, что все могут погибнуть, сколько то, что я опозорюсь.

От чувства стыда у меня ползли мурашки, и я не хотел испытывать это чувство.

Я попробовал снова. В этот раз агрессивный кофе напал на меня и обещал мне врезать, и уже ел мою еду, противно чавкая. Зеленый купол над баночкой задержался чуть дольше, всего лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы я понял: я не чувствовал достаточную опасность.

Во время Войны у меня получилось, так как угроза была реальная и ощутимая. А когда появилась Дру – я держался, как бы мне ни было тяжело ближе к концу Войны.

Может, сейчас не выходит, потому что купол – защита от серьезной опасности?

Я, ухватившись за эту мысль, взял ту полную банку еды, которую в моем воображении сжирало кофе, и понесся к Дру. Для меня лучшей мотивации не придумать.

Дру удивилась, увидев меня. Я залетел к ней на работу, будто за мной гнались. Я всучил ей банку и сказал, запыхав-

шись:

– Это тебе. Ты должна мне помочь.

Я не хотел в этот раз защищать еду. Я принес ее даже не в качестве платы за помощь, а просто потому, что мне хотелось поделиться ей с Дру.

Мы долго не виделись с ней. Я успел соскучиться. И да – перспектива того, что Дру съест мой сахар не злила и не огорчала меня. Я, наоборот, хотел, чтобы она была сыта. Вдруг из-за наших занятий она не сможет сходить на обед?

– Чем бы я могла тебе помочь? – уточнила она, будто сомневаясь в своих способностях. Она отставила банку к своей огромной доске с именами и, пригладив пушистые волосы, посмотрела на меня.

Ее губы сложились в легкую ожидающую улыбку. Сегодня я представлял на ней сиреневое платье длиною в пол, подол которого мягко покачивался при ходьбе.

– Помнишь ту штуку, что я делал на Войне? Держал купол, – пояснил я.

Дру кивнула. Конечно, она помнила.

Ее улыбка померкла, но через секунду возникла снова:

– Тот купол, благодаря которому многие остались живы, – ответила она.

Я кивнул. Наверное, она преувеличивает мои заслуги. Я уверен, что все из нас сами могут защитить себя. Потому что я не представлял ситуации, где может быть иначе. Уверен, купол – лишь перестраховка Деда. Но уточнять я не стал.

– Ты не могла бы помочь мне его потренировать? – подошел я ближе к делу.

– Не уверена, что я тебе стану в этом помощником, его умеют держать только Дед, Отто и Немили, так что...

Она снова погрузилась. Я не понимал, как работало ее настроение, но поспешил ее успокоить.

– Нет-нет, я о другом, – протараторил я, – я буду тебя защищать. Ты будешь как жертва или вроде того.

Надеюсь, слово «жертва» ее не обидело.

Наоборот, оно ее позабавило.

– О, это я могу, – ее смех вновь проник в мое сознание, – даже лучше, чем ты думаешь.

Она выпрямилась, разгладила платье и, поманив меня, указала в сторону выхода:

– Потренируемся на улице возле входа. Не могу надолго отлучаться. Сегодня благоприятный для рождаемости день.

Я кивнул.

Я смотрел на Дру. Долго, пристально. Я представил, как к ней подбирается отравленный воздух. Я представил, как земля под ее ногами плавится и адское пламя обжигает ее худые ноги. Я представил, как она падает и никто не приходит ей на помощь – все сражаются. На нас прут Боссы, и пауки, и разноцветные пазлы, что с удовольствием впиваются в тела и прогрызают кожу. Я представил, как Дру перестает существовать в этом мире, исчезает совсем, полностью, даже

не превращаясь в двух своих потомков, и мне поплохело от этих мыслей.

Я не умею любить.

Не умею.

Эти мысли нужно использовать правильно, нужно снова собраться и вытолкнуть из себя то, что я могу, – защитный купол. Получилось с первого раза. Зеленый купол послушно, как преданный пес, появился и, окутав меня, перешел на нее. Только вот незадача – он едва ли покрывал половину ее тела. Правая часть Дру была под зеленым куполом, левая – под розовым небом.

– Попробуем еще раз, – сказал я и, зажмурившись, отпустил плохие мысли. Купол схлопнулся, исчезая.

– Хорошо, – кивнула Дру.

Всю тренировку она смотрела на меня, не отрываясь.

– Ты славный, Алибастер, – произнесла она, – так стараешься для других.

Я махнул рукой.

– Ты знаешь Отто? – спросил я, пока мы решили устроить перерыв.

Настоящий купол забирал много сил, особенно, когда я держал его один.

– Оттордиуса? Оттельпа? Оттолпарию? О ком ты? Я знаю всех, – ответила Дру.

Ах да, она же сама называет их.

– Октавиуса, – пояснил я, – я знаю, что Отто не очень-то

подходит для сокращения, но я сделал именно так.

Она просмаковала имя, повторив его несколько раз. Потом сказала, что исправлять на стене не будет, – это может породить путаницу. Я же сокращал не для этого, у меня и в мыслях не было усложнять работу Дру. Так что я промолчал. После этого она наконец-то сказала:

– Да, я знаю его, он такой же, как ты. В смысле, такой же сильный. Держит купол. Иногда он помогает и мне – когда после Войн много имен приходится зачеркивать, он приходит со своим мелком и помогает мне с доской. Иногда он приходил вместо Найссера и Норбертария, чтобы рассказать новости. Одним словом – он очень хороший.

Я так и знал. Дру его одобряет.

– Я хочу с ним подружиться, – произнес я, – а для этого мне нужно развить свою способность, повзрослеть, как он говорит. И еще мне нужно делать полезные дела.

Дру провела ладонью по моему плечу в одобрительном жесте:

– У тебя получится, – сказала она, – у тебя уже получилось. Купол ты поднял.

Я посмотрел вокруг. Работа Дру находилась на отшибе – тут было мало народа и, я думаю, многие сейчас были заняты обедом, чтобы глазеть на нас, так что никто не видел моего подвига. Не до конца совершенного, но все же.

– Да, – согласился я, – но поднял недостаточно, он закрыл тебя только наполовину.

– Глупый, – заключила она, – неужели ты думаешь, что если бы кто-то из вас мог поднимать купол достаточно, чтобы быть защитником в одиночку, вы бы работали вместе? Нет, это работает не так. Купол никогда не оставит тебя без защиты, а значит, когда ты один, купола не хватит на другого, даже на самого маленького. Чем больше вас, тем больше купол. Это форма социального взаимодействия – и никак иначе.

Меня обрадовали ее слова. Значит, я уже справился. У меня получилось. Меня не огорчило, что в одиночку я не могу никого защитить, – себя-то могу. И это главное. Наверное, когда я уйду отсюда, Деду и остальным будет сложнее без меня, но меня это не волнует. Это будут уже не мои проблемы.

Я стал на шаг ближе к получению нужной информации. На шаг ближе к Отто.

– Отлично, – обрадовался я, – я справился. Осталось еще немного: меньше гулять и постараться быть полезным обществу, в остальном я...

Дру тоже заулыбалась.

– Я знаю, что ты справишься. Друзья делают нас лучше. Я думаю, что Отто тот друг, что тебе нужен.

Я был рад, что она поддерживает меня. Потому что для меня Дру была больше, чем друг. Она была единственным светлым, что я видел во тьме этого мира. И если я, правда, смогу уйти, то точно заберу ее с собой.

– А теперь – время подкрепиться, – сказала она и пригла-

сила меня пообедать. Я, чувствуя, как много сил ушло на купол, не видел смысла отказываться – возможно, я недооценил Дру, и она, как и мой прадед, запасливая.

Она подошла вплотную к стене и села, скрестив ноги. Я сел рядом. Пол ее работы был не такой мягкий и влажный, как земля, но достаточно комфортный.

Дру, протянув руку, достала принесенную мной для нее банку и, откупорив ее, поставила передо мной:

– Ешь. Ты голодный.

Я, правда, был голоден. Именно тот голод, который не желание почувствовать вкус, а желание выжить, и я не мог ему сопротивляться. И даже не хотел.

– А ты? – спросил я.

Если бы рядом была не Дру, а кто-то другой, то подобный вопрос даже не появился бы в моей голове. Он бы даже в глубине сознания не возник. Какое мне дело до других животов, если мой пуст?

Но это была Дру.

Она сидела напротив, скрестив ноги и с обожанием, смешанным с восхищением, глядела на меня. Наверное, я ей тоже нравился, и она сказала:

– Тебе нужнее. Я совсем не хочу.

Я надеялся, что она не врет. Я за секунду опрокинул в себя содержимое банки и, смачно причмокнув, облизал крышечку.

Дру смотрела на меня и улыбалась, как будто зная то, что

мне еще предстоит узнать.

С делами в городе было проблематичнее. Занятия с тетусшкой Розанной заканчивались перед обедом, и, чтобы найти то нужное и полезное, что я мог бы сделать, мне надо было пройтись. Гулять меньше тоже было в нашем плане, и это затрудняло задачу. Праздно гулять нельзя, а без праздного гуляния я ничего не обнаружу. Я придумал оправдание: я гуляю в поиске полезных дел.

Это было заготовлено на тот случай, если Отто поинтересуется моими успехами. Но он не интересовался. Если специально его не искать, он становился будто невидимым. Я его ни разу не встретил.

От Ленни отмахиваться больше не приходилось – он больше не разговаривал со мной на занятиях, а свободное время проводил с сестрой. Вот почему дружба не была модной – никто не был одинок или никто не хотел общения. Кроме меня. И Дру. И Деда, который, видимо, и создал весь город, чтобы не быть одиноким. В более высокую мотивацию мне не верилось.

У Отто, должно быть, тоже есть кто-то, если он настолько не нуждается в общении.

Занятия тетусшки Розанны скоро наскучили. Я уже знал все, что мне необходимо: как избавляться от монстров, как рассчитывать время, которое, оказывается, исчисляли по сходу камней и по количеству света вокруг. Если со светом

все было более-менее понятно: чем больше света, тем вероятнее, что сейчас день, меньше – ночь, то с камнями было немного сложнее. Когда они появлялись после долгого перерыва, для нас это означало время завтрака, позже – время обеда, затем ужин. Сон, производство разрушителя, мой купол, способность убирать кожу, менять чувствительность – это формы защиты от Войны. Они индивидуальны, их могло быть несколько, кому как повезло. Их больше, чем я запомнил, но тетушка Розанна обещала, что это те знания, что придут сами, когда в них возникнет необходимость. Не знаю, чем еще меня могли бы удивить уроки. Я теперь с нетерпением ждал их окончания.

Моим интересом стал Отто – и я стремился его изучить.

А для этого...

Я зашел к Дру и спросил, не нужна ли ей помощь. Дру покачала головой и сказала, что все тихо.

Тогда я спросил:

– Почему ты не дома, если работы нет?

Она сказала, что ее работа – это и есть ее дом. По мне, прозвучало грустно, но Дру не выглядела огорченной. Она сказала, что раньше они здесь жили с сестрой, а когда та умерла, на самом деле умерла, Дру осталась одна. И эта работа и это место позволяют ей быть полезной и нужной, как раньше. Теперь она трудится за двоих и считает работу – своим лучшим домом.

Я немного не понимал отношение Дру к жизни, но не

осуждал ее. Теперь она обнимала меня перед расставанием, и мне это нравилось.

Потом я отправился к Рифу. К кухне сэра Коррингтена. К полям, где еще оставался мусор. Даже к строителям. Все отказывались. Быть может, мне не доверяли или сомневались в искренности моих намерений, и это не облегчало дело. Мало того, что я наступал себе на горло, соглашаясь на уговор с Отто и ища работу, так еще и был вынужден умолять мне ее доверить. И да – я спешил.

Мне уже не терпелось сделать хоть что-то, о чем я рассказывал Отто, а он, оценив меня взглядом, изрек бы:

– Да, ты вырос.

Но этого не происходило. Дни сменяли друг друга, а я плыл по течению, мечтая о том, когда занятия тетушки Розанны закончатся, и она отпустит нас окончательно. Тогда я смог бы искать работу с самого утра. Все равно, пока нет Войны, я совершенно свободен.

– Здравствуй, Алибастер, – окликнул меня знакомый голос, когда я застрял на месте, решая, в какую сторону мне двинуть – к реке или вверх к горам. Кажется, там остались места, где я еще не навязывался.

Я повернулся. Конечно, передо мной стоял Отто и, как ни странно, улыбался, будто был рад меня видеть.

– У меня спрашивают мое мнение о тебе, – сказал он, – как у коллеги. Все заинтересованы твоим рвением работать и пытаются выяснить, можно ли тебе поручить что-то.

Узнаю наше общество – подозрительность. Наконец-то они делают то, на что способны, – подозревают и обесценивают.

– Я выполняю условия, – ответил я, не задумываясь. Я не добрый самаритянин, чтобы безвозмездно лезть на рожон.

– То есть с куполом ты уже справился? – уточнил Отто.

– В самый первый день, – с гордостью ответил я.

– Твои бы способности, да в правильное русло, – выдохнул Отто. – Пошли, поболтаем, – сказал он, указывая неподалеку кратер, – не люблю, когда истуканами стоят на дороге и преграждают путь.

Мы двинулись туда. Интересно, это дом Отто?

Как бы не так, понял я, когда мы оказались внутри.

Перед моими глазами много столиков, большинство из них пустые, на некоторых сидят разные виды нас и едят, пьют и разговаривают. Это место напоминало кухню. Только та под открытым небом, а тут – под крышей.

– За хорошую работу мы можем получать питание еще и тут. Я редко прихожу, так как мои потребности перекрывает кухня, но у меня накопилось достаточно сделанных дел, чтобы я мог угостить, – Отто задумался, слово «друг» не далось ему, и он заменил его, – коллегу.

Меня это вполне устраивало. Я занял ближайший столик и смотрел, как Отто, отодвигая стул, усаживается. Я сделал тоже самое. Атмосфера этого места была подкупающей. Взрослые мужчины, так я думал, работяги, отдыхали после

трудоу. Никаких детей. Возможно, и я вырос.

– Не вся работа так оплачивается, – рассказывал Отто, – у нас ценится весь труд, но особенно сложный и поощряется. Разумеется, ты можешь работать и делиться своими привилегиями – это не запрещено.

Хитро же у них устроено! Хочешь много есть – работай. Работаете тяжело – можешь рассчитывать и на кухню, и на это место и, возможно, на что-то еще.

Мне стало даже немного грустно. Это было несправедливо – заставлять трудиться, шантажируя едой!

– Что ты хотел узнать? – спросил Отто, заметив, что я задумался – спрашивай.

Интересно, что заставило его так поменять мнение обо мне? Неужели рассказы тех, кому я предлагал помощь, так повлияли на него? Вроде бы я на коленях не ползал, не плакал, тогда что?.. Я же ничего не сделал.

– Первый вопрос: почему ты снизошел до меня?

Словом «снизошел» я не хотел его обижать, но синоним не подобрал.

Отто ухмыльнулся, обнажая свои ровные белые зубы.

– Терпеть не могу бездельников. Я много где был и – ругаюсь – лучшая жизнь там, где работают.

Вот и второй вопрос подъехал:

– А где ты был? – спросил я почти требовательно. – Я хочу знать! Расскажи мне все!

Отто тяжело вздохнул, встал, потянулся, дошел до прези-

диума, где стояла еда в тарелках и лакомство в банках, взял по одной в каждую руку и вернулся. Сел за стол, разложил принесенное и наконец-то начал говорить:

– Я был в воде. В земле. Я был в других городах, в других частях нашего большого дома, но нигде не было ничего из того, что у нас есть сейчас. Я, правда, думаю, что это лучшее место на земле, и понятия не имею, почему ты спрашиваешь об этом, если великолепное место для жизни у тебя уже есть?

Я не был согласен. Даже рука не тянулась к еде – до того мне хотелось поспорить насчет лучшего места, потому что я был в корне не согласен.

– Мне душно здесь. Меня все заставляют что-то делать, а я... Я... – задыхаясь в своих чувствах, пытался объяснить я единственному, кто, возможно, поймет, – я знаю, что я выжил бы один. Без уроков. Без Деда. Без общества. Без обязанностей. Я сильный... Я чувствую, что я сильный, что я могу больше, чем многие из нас. Я умею фантазировать. Я знаю, что такое ушная сера, юбка, кофе, синонимы и еще много чего, о чем другие не имеют понятия.

Отто внимательно слушал, а потом, рассмеявшись, ударил по столу кулаком, как будто моя шутка была такой смешной, что он не мог не дать выход эмоциям.

– Вот, уморил! – выдохнул он. – Али, ты же знаешь, что это генетическая память. Ты чувствуешь это. – Отто не спрашивал, он констатировал факт. – Твой предок, вероятно, жил где-то, где нахватался знаний. Но твой предок – не ты.

И поэтому ты возомнил себя великим?

Отто снова рассмеялся.

– Я допускаю, что ты удачливее, чем многие, – ты умеешь держать купол и, для новичка, делаешь ты это неплохо. Я, как представитель того же вида, что и ты, знаю, что у тебя еще много механизмов защиты, которые проявятся во время опасности, и ты, вероятно, смысленнее и сложнее в чувствах, чем остальные. Но это не делает тебя лучше. Это делает тебя полезнее.

Отто остановился, точно думая, стоит ли еще говорить со мной, или же нет, и так многое рассказал.

Видимо, он решил, что стоит. Он подвинул ко мне лакомство и продолжил. Видимо, он рассчитывал, что запах, исходящий от еды, заставит мои мысли помутнеть и притупит мое любопытство, но не тут-то было. Я не был голоден, я был заинтересован!

– Вероятно, твой пра-пра-пра-пра-предок жил вверху. И, кажется, он наслушался много диковинных слов и запомнил их, рассчитывая, что его потомки будут жить там же. Твое воображение могло развиваться от другого предка, который обладал отличным зрением и видел больше, чем мы видим обычно.

Звучало разумно. Я догадывался об этом, но не был уверен, поэтому я...

– Ты был там? Вверху? – спросил еще.

Отто кивнул.

– Оттуда я и спустился, – произнес он, – дорога была не лучшей, но я не жалею, что выбрал ее. Мои предки были в других местах, даже снаружи, но ни им, ни мне там не понравилось. У меня есть их впечатления. У них было мало защиты, а мир был более враждебный. Война только начиналась и, как говорит Дед, она была еще суровее и уничтожительнее, чем сейчас. Нынче она нас закалила.

Про Деда я слушать не хотел. Вот уж увольте – если бы не он, я бы знал, вероятно, даже больше, чем Отто. Если бы мой Фердинанд, или другие предки не жили с Дедом, а путешествовали бы, как Отто, моя генетическая память знала бы больше информации.

– Ты был один? Где твой сестра? Или брат?

– О, – вновь улыбнулся Отто, – ты их еще и различаешь?

Я кивнул. Я чувствую, кто это: мужчина или женщина. Хотя никаких оснований разделять их у меня нет.

– Тогда брат. Он остался там, в другом месте. – Отто качнул головой вверх, точно спустился он не откуда-нибудь, а прямо с неба, – не захотел идти. И я его не заставлял, я даже не знал, выживу ли. Я просто хотел сменить бессмысленность существования и бесконечные Войны на то место, где твое выживание будет не просто инстинктом, а будет иметь смысл. Как бонус я получил прекрасно организованное общество, полное уважения, где всем всего хватает и все хорошо. А ты, я думаю, знаешь, какие мы на самом деле, если нас не воспитывать, – злые, подлые и обжористые.

О да-а, я знал. Более того, я сам был таким . В точности как описал Отто. И сдерживался, как сказал в разговоре с кофе, чтобы меня не вышвырнули с позором. Позориться я не любил. Получался оксюморон: я хотел уйти, но по своей воле, а не с пинка Деда. Еще и гордые, получается.

– А меня таким ты не считаешь? – спросил я, имея в виду мои выходы для привлечения его внимания. – Почему ты не пожаловался? Ведь ты же видел, что это я стащил пакеты.

– Еще чего, – хмыкнул Отто, – на детей я еще не жаловался.

Меня немного задело его снисхождение и я, дабы успокоится, решил немного перекусить. Откусил кусочек лакомства и удостоверился в том, что мы и в самом деле мы обжористые. Но – как же вкусно!

– Ты все еще считаешь меня ребенком? – уточнил я, когда доел и вытер лицо ладонью, надеясь, что остатки темно-бордового лакомства не портят мой вид.

Отто на секунду задумался, оценивающе глядя на меня. Он один раз прошелся по мне глазами, затем второй, а затем – решил сменить тему.

– Чем ты хотел бы заниматься? – спросил он. – Я так понимаю, быть защитником тебе не очень нравится, в таком случае, если бы тебе дали выбор, кем бы ты стал? – спросил он.

Я не задумываясь ни секунды, выпалил:

– Я бы ушел отсюда. Сбежал. Жил бы самостоятельно, пу-

тешествовал бы, осваивал новые земли, как ты, и я бы никогда сюда не вернулся, – заявил я.

Отто недоверчиво поднял бровь, точно не веря моим словам. Но в его глазах было что-то, что я бы описал как «понимание» меня. Возможно, у него появилось понимание моего характера и моего стремления. Возможно, он посчитал, что это зов генетической памяти или мой характер, что, вероятно, одно и то же. Возможно, без брата он был так же одинок, как и я. Мне хотелось верить, что он понял, что я пренебрегаю тем, что ему нравится, не из вредности, а из-за того, что я повлиять не в силах.

И он услышал меня и сказал:

– Пожалуй, я знаю, что с этим можно сделать, – заключил он перед тем, как встать, задвинуть стул и, не прощаясь, развернуться к выходу.

Отсутствие прощания означало одно – мы скоро встретимся.

И я был доволен этим.

Отто увидел во мне потенциал и, возможно, интерес?

Я встал, отнес нетронутую еду на место и пустую банку на грязный стол и со спокойной душой вышел из кратера.

Дру сказала, что друзья делают тебя лучше. Я был с ней согласен.

Глава 5. Свобода.

Как только мы с Отто оказались достаточно далеко от города, я вдохнул глубже. Воздух перестал быть вязким и насыщенным. Ароматы прошлых атак, скученности соседей, ответственности и работы остались позади.

Я до сих пор не верил, что у меня получилось.

После нашего прошлого разговора с Отто прошло относительно мало времени. Я успел еще раз потренироваться с Дру поднимать купол. Успел сходить на урок тетушки Розанны, и – в голове не укладывается – я помогал с реализацией разрушителя после того, как Силенсия и подобные ей его произвели достаточно, чтобы перемещатели, и я в том числе, переносили его ко рвам, расположенным вокруг домов неходячих. Дед сказал, что иметь запас разрушителя недалеко от их домов будет удобнее, чем таскать его после начала атаки. Не знаю, каким был Дед больше: умным или хитрым, но его идея была воспринята на ура.

Я был полон скепсиса. Какой прок в их защите? Разрушитель полагался только для недвижимых. Многие ходячие умели производить его сами, но не использовали этот навык, выбирая развитие других, более сложных способностей. К тому же, произведенный разрушитель использовался как излишняя страховка: те, вокруг домов которых его лили, и сами были способны его делать. Пусть в меньших количествах,

чем одержимая помощью Силенсия, но достаточно, чтобы продержаться во время атаки. Для Деда и Отто это был не аргумент: они считали, что мы должны использовать все ресурсы по максимуму и мы не имеем право надеяться на случайность и полагаться на судьбу. Дру же сказала, что случайность и судьба – ее путеводные звезды. Не знаю, что это значило, но мне понравилось ее выражение, и я его запомнил.

С памятью у меня вообще проблем не было, и после моей работы я и ждал только случая, когда Отто поможет мне обрести свободу. Я помнил наш разговор. Прямым текстом он не произнес это обещание, но я прочитал между строк: он знает, чем мне помочь.

И Отто не заставил меня долго ждать. Сегодняшним утром он, предварительно отпросив меня у Розанны (когда наши уроки закончатся? Сил моих больше нет!), ждал меня у моего кратера: у моего дома без крыши. Я, немного удивившись сначала, очень скоро обрадовался, потому что он сказал:

– Предлагаю отправиться в путешествие!

Какой это сладостный звук был для моих ушей! Я даже не стал расспрашивать его о деталях, звонко крикнул:

– Давай!

И мы двинулись в путь.

Отто сначала больше молчал, о чем-то задумавшись. Возможно, он выбирал для нас направление. Я же – дышал и наслаждался. Наверное, мне не показалось, что чем дальше

мы оказывались, тем чище становилось вокруг. Земля под ногами становилась постепенно белее, будто тонны снега заменяли жаркую, розовую поверхность.

Этот снег под ногами ощущался твердой подушкой. Мы шли достаточно долго.

Не выдержав, я спросил:

– Куда мы идем?

Отто пожал плечами.

– Разве не этого ты хотел: двигаться туда, куда ты сам хочешь? Так вот оно – выбирай, – произнес он.

Держу пари – Отто точно знал, куда ведет эта дорога – он даже головой не крутил вокруг, до того ему было обыденно и неинтересно смотреть эти места. Для меня же, который еще недавно вполне себе серьезно сомневался, есть ли что за пределами нашей общины, все было удивительно. Я впитывал в себя каждый шаг, присматривался и особенно не спешил.

Мне казалось, что с каждым шагом снега становится больше. Начиналась метель? Я не знал, но бушующий вокруг ветер подсказывал, что я прав.

Отто, в моей голове запахивая свой походный сюртук, произнес:

– Холодно.

Я усмехнулся. Лучше холод, чем разгоряченная поверхность грозящей Войны. Странно, что мы никого не встретили.

Отто сказал, что виной тому река – здесь ее воды выходят

из привычных нам берегов и сметают все на своем пути. А еще он добавил, что знакомства нам сегодня предстоят впереди и, возможно, они мне не понравятся. Я бы не спешил с выводами.

Отто смотрел под ноги и выглядел сосредоточенно. Со стороны мы смотрелись диаметрально противоположно: я со своим плохо скрываемым восторгом, и Отто – взрослый, суровый и смотрящий под ноги.

Правильно говорят, что мы предпочитаем тех, кто дарит нам новые впечатления.

– Али, – произнес Отто, – мир не так расположен к тебе, как ты того хочешь.

Я кивнул. Я тоже не был расположен к этому миру. Как и ко всему остальному.

Но мне нравилось, где мы были: света стало значительно больше. Здесь было действительно светлее. Само небо стало выше и имело даже неровную структуру: как стеганое одеяло. Оно представляло собой немного ребристую поверхность, более ровную и на вид... Твердую что ли.

Но больше меня интересовало окружающее. Небо было далеко, и что толку смотреть на него? Гораздо важнее то, что с тобой на одном уровне. Кратеров больше не было. Ставшие привычными мне дома без крыш остались далеко позади, и мы, два бесстрашных странника, смело принимали все опасности, которые могли выпасть на нашу долю. Сейчас был снег и ветер: пурга крутилась вокруг наших ног, оседая

под ними, и иногда идти становилось и вовсе тяжело. Но мы не сдавались – даже не останавливались ни на минуту.

В животе урчало. Я немного хотел есть, но не так сильно, чтобы всерьез задумываться об этом.

– Посмотри, – прошептал я, когда заметил, – посмотри, Отто, там горы.

Наверное, мой голос звучал чересчур восторженно, потому что Отто не сдержал усмешки.

– А ты чего ожидал? – спросил он. – Везде будет розово и мягко?

– Горы – это прекрасно, – пояснил я, потому что Отто, вероятно, подумал, что мне они не понравились. Но мой шёпот значил совершенное иное: я был в восторге.

– Мы можем подойти ближе? – спросил я. – Я очень хочу посмотреть, проверить, я...

Отто ничего не успел ответить. Из сугробов появлялись новые лица. Таких я еще не встречал. Их взгляд казался суровым, в их руках были копья. С помощью моего воображения я их представлял диким племенем мумба-юмба или чем-то подобным. На их бедрах были белые перья снега – они заменяли им одежду, в их руках – заточенные под жала камни. И выглядели они... Злобно.

– Что вам тут надо? – строго спросил один. – Мы не терпим чужаков! Вон! – закричали они. – Пошли вон!

И поперли на нас, угрожая своими жалами.

– Мы просто гуляем, – поспешно ответил Отто до того,

как конфликт перерос в сражение.

Да, у этих ребят правда проблемки с гостеприимством.

– Делать вам тут нечего! – ответили они. – Пошли прочь!

Кыш-кыш!

Они вертелись вокруг своей оси, будто изгоняя нас, как демонов. Дикари – ну точно. Ди-ка-ри.

Если наших я награждал разной одеждой, полом и местом в своей голове, то этих я предпочел бы забыть сразу.

Но не тут-то было.

Они продолжали приближаться к нам, и от этой их настойчивости, от этого их дикого желания защитить свою территорию, мой инстинкт самосохранения начал бурлить по венам.

– Пойдем, врежем им, – велел я.

Не знаю, на что я рассчитывал: на их стороне было численное превосходство, оружием мы не обладали, но злость, настоящая животная злость так сильно ударила в голову, что я даже не думал останавливаться.

Отто удержал меня за плечо ровно тогда, когда я был готов сорваться к ним.

– Мы уже уходим, – примирительно воскликнул Отто, обращаясь к ним.

Обращаясь ко мне он не был так деликатен:

– Если ты хочешь, чтобы тебя убили, делай это без меня, – сказал он, – я не хочу быть в ответе за то, что купол будет без тебя не поднять.

Тьфу! Купол – вот что его волнует. А то, что эти дикари нарывались – это ему нормально! Это ему сойдет, можно и стерпеть. Тьфу!

Я плевался и злился еще долго. Но с этой злостью я чувствовал себя живым, и сильным, и способным на все. Я был одухотворен и вдохновлен этим. Быть может, конфликты – это то, что мне надо? Такая она – свобода?

Свобода идти куда хочешь, свобода драться, когда хочешь, свобода выживать...

Направление своего пути мы сменили и пошли не вперед, а вправо, приближаясь к одному горному хребту, но отдаляясь от другого.

Воздух тут опять изменился: к нему примешался немного другой запах. Все в мире пахнет по-разному? Ароматы имеет не только еда, но и места? Как интересно! Я просто вне себя от восторга!

– Нам пора возвращаться, Али, – сказал Отто ровно в тот момент, когда я был занят наслаждением окрестностями. – вдруг начнется Война, мы не можем... Отсутствовать так долго.

– Хватит тебе, – махнул я рукой. – Войны настолько часто не повторяются, тетушка Розанна рассказывала нам.

Я точно помнил ее слова:

– Периодичность Войн около четырнадцати дней.

А от последней прошло сколько? Неделя?

Они, что, дураки – воевать так часто?

Отто, как я уже знал, был невысокого мнения об интеллектуальных способностях окружающих, и он произнес:

– Мало ли что может случиться. Они совсем обезумели – воюют с поводом и без.

Я сконфузился. Горы, их белые, каменные вершины, были так заманчивы и притягательны. Я хотел взглянуть хотя бы одним глазком – как это, быть рядом с ними? Какой там воздух? Кто еще дерзнет напасть на нас? В этот раз – ручаюсь я не сдержусь! И даже Отто меня не остановит.

Когда по венам начинается течь свобода – кто же сдержится? У этой свободы такая притягательность, что, вкусив однажды, никогда больше не станешь прежним. Никогда не вернешься в оковы. Я не знаю, что двигало Отто, чтобы он привел меня сюда, но, если он рассчитывал, что я испугаюсь и забьюсь еще глубже под крыло Деда – он ошибался. Теперь я точно уйду! Вернусь за Дру, и мы уйдем с ней. Потому что без нее... Без нее свобода была бы неполноценной.

Но если она согласится, конечно, же, она согласится, мы пойдем путешествовать, мы набьем морду дикарям, будем дышать воздухом, будем жить. Как прекрасна и как реальна была эта мысль! Я почти мог ее потрогать.

Быть может, и Отто отправится с нами, и тогда мы втроем завоюем новые земли, расширим горизонты и, когда придут наши потомки, нас станет гораздо больше. А потом потомки потомков, и потомки потомки потомков... В конечном итоге, мир будет наш! А они... пусть воюют, сколько захотят.

Дед говорил, что Война делает нас сильнее. Я ничего не боюсь!

– Давай еще поближе подойдем, хотя бы чуточку, а потом вернемся – я обещаю, – сказал я. Потому что я точно вернусь за Дру. А другой свой шаг сообщу Отто попозже. Наверное, он расстроится.

Отто не хотел соглашаться: я видел это по его осуждающему взгляду, по его глазам.

– Но если Война, то кто... – начал он строгим голосом.

Опять вздумал меня воспитывать – я закатил глаза.

– Ты такой зануда, Отто, такой зануда, – бросил ему в лицо я. Свобода придала мне еще и дерзости. – Если бы ты не нудел, ты бы был гораздо лучше.

Слово «лучше» было для Отто красной тряпкой для быка. Он точно только и существовал, чтобы быть лучше. Лучше работать, лучше держать купол, лучше помогать, делать меня лучше, лучше... Как ему живется с синдромом «отличника»?

Я пошел вперед, не особенно ожидая, что Отто пойдет следом. Все равно без меня с куполом им не совладать, но Отто мог бы уйти и оставить меня одного просто из-за природного упрямства.

Я удивился, когда услышал обреченный вздох и хруст снега позади себя.

Отто, кажется, жалел, что позвал меня путешествовать. Да и вообще, что связался со мной. Но я нашел его болевую

точку – быть лучше.

И я собирался воспользоваться этим.

Горы приближались. Они были лишены склонов, их идеально ровная белая поверхность возвышалась над землей, которая снова стала розовой. У подножия гор было темнее – свет они пропускали не очень. А может, смеркалось. По моим ощущениям, для вечера было рано. Обычно дни были длиннее. В любом случае, белый цвет гор приятно оттенял другие оттенки, и даже розовые не казались мне таким тошнотворным, как в нашем городе.

Отто шел следом – его осанка изменилась. Теперь он сутулился.

Не знаю, то ли он обиделся, то ли проголодался. Я и сам уже сходи с ума от желания поесть. Надо было прихватить с собой провизию: поискать в банках или попросить Отто прихватит из того места, где мы обедали. Он же заработал уже право столоваться там снова?

– Есть охота, – произнес я. Во рту пересохло.

Отто согласно кивнул.

– Я не ел со вчерашней ночи, – отозвался он, – Когда я уходил со смены, новая провизия еще не поступил, а есть запасы я не стал – они могли бы понадобится кому-то сильнее, чем мне. К тому же, я думал, что мы вернемся раньше, и как раз успеем к обеду.

– Что ты сразу не сказал? – возмутился я.

Если бы я знал, что Отто помирает с голода, я бы, может, и согласился повернуть назад.

– Не хотел занудствовать, – обиженно буркнул он.

Обижаться в ответ времени не было. Отто осел на землю – силы, видимо, действительно покидали его.

Я принялся кружить вокруг:

– Что же делать? – спрашивал я, зарываясь пальцами в воображаемые волосы. – Как там сэр Коррингтен добывает еду? Не молчи, Отто! – велел я. – Ведь ты же знаешь! Ты все на свете знаешь!

Паника обуяла мой разум. Я никогда не был в подобной ситуации: всегда в случае опасности кто-то решал за меня.

А тут кроме нас двоих никого не было. И белых гор, с ожиданием взирающих на нас с высоты, но не спешащих оказать помощь.

– Помогите! – умоляюще закричал я. – Помогите, прошу!

Я не знаю, кого я ожидал услышать в сумерках и в абсолютной тишине, но я просто не знал, что делать. Я рвал на себе волосы и метался, как загнанный в клетке зверь. Помогало ли это? Нисколько.

– Ты чего шумишь? – услышал я скрипучий голос откуда-то с высоты. – Всю семью перепугал.

Горы, что, умеют разговаривать? Я поднял голову, ожидая увидеть огромные глаза и ухмыляющийся рот. Но увидел... Сиреневое, обтекаемое существо. Он был крошечным на фоне гор, такой маленький по сравнению с ними, но вы-

сокий по сравнению со мной.

Его кожа была странного, доныне невиданного мной оттенка. Он немного отливал синевой, но в то же время... был сиреневым. Дикая штука! Его тело было вытянутым, без острых углов, высоким. Горный житель сразу расположил к себе. Я наградил его пурпурными волосами, курткой-косухой и кожаными брюками.

– Помоги мне, – зашептал я, – мой друг умирает без еды.

Сиреневый модник, хмыкнув, удивился:

– Зачем мне помогать тебе? Ты чужак!

Я не знал, как мне его уговорить, поэтому воспользовался теми знаниями, что уже у меня были:

– Иначе я буду орать так громко, что не только твоя семья, но и все остальные перепугаются! Или проснутся, – угрожал я.

Я его не боялся, пусть только попробует подраться со мной – уж я-то ему припомню все: и дикарей, и рабство в плену у Деда! И все остальное.

Но горный житель оценил мой порыв:

– А ты, я смотрю, парень не промах – такой же злобный, как мы, – оскалился он и скрылся в глубине черной пещеры, которую сразу в темноте я и не разглядел, думая, что это часть темноты, а не дефект в горе.

А потом в меня полетели кусочки сахара, но немного другие, не те, к которым я привык у себя. Это сахар был с примесями... Как не самая качественная руда. В нем были по-

сторонние частицы, другие запахи, но в целом – было съедобно.

Я съел пару кусочков перед тем, как вложить один в рот уже потерявшего сознания Отто. Глюкоза засквозила по его венам, и спустя пару совершенных им глотательных движений, он открыл глаза.

– Что происходит? – спросил он. Его память была так обессилена, что, вероятно, многие события она не сохранила.

– Ты чуть не откинулся от голода, – сказал я, – но нам дали поесть.

Я все еще причмокивал, собирая оставшиеся куски. Отто, немного покачнувшись, сел, и поднял глаза, замечая своего спасителя.

– Нам пора уходить, – заторопился он. – быстро!

Не знаю, чем ему так не понравился новый знакомый, но Отто тотчас подскочил на ноги и устремился прочь. А сиреневому моднику мы, наоборот, понравились, он нам вслед произнес:

– Ты заходи, если что!

Я на всякий случай махнул ему рукой, чтобы наш уход не выглядел бегством. Вдруг он мне смог бы еще пригодиться?

Отто почти бежал прочь, я еле поспевал за ним.

– Что такое? – кричал я. – Они тебе не понравились? Сахарок отравили? Почему мы сбегает? Отто! Отто!

Но он остановился только тогда, когда мы отошли достаточно далеко от подножья горы. Под ногами вновь был снег, но стоянку дикарей мы обогнули –мы не желали повторения нашей встречи.

– Ты видел их пещеру? Она огромна! – Отто потряс меня за плечи, будто я был самым глупым на свете. – Держу пари – она дошла до основания горы, и это значит, это значит... И потемнело сегодня слишком быстро.

Отто будто сам думал, пока объяснял мне. Он все еще держал меня, когда в его глазах отразилось понимание:

– Война... Она может начаться в любой момент! Пещера! Она просто огромная, черная!

Это так взволновало Отто, что он побежал вперед еще быстрее:

– Надо спешить!

Я никогда его не видел таким взволнованным, и тем более потерянным. Отто должен быть собран, и, плохи наши дела, если это не так. Я спешил за ним.

Война – это значит, мы должны быть с Дедом. Война... Подумаешь, пещера? Живут они там. Да с чего он вообще взял, что это связано с Войной?!

Мы бежали в темноте – я даже не разбирал дороги. После всего лишь одного съеденного кусочка сахара, Отто был шустрым и подвижным. Наверное, работа его закалила. Я же объелся и выдыхался. Бежал, похрипывая. Не так я представлял себе окончание нашего путешествия, ох, не так!

Даже если, в самом деле, быть Войне, мы, что, не сможем защитить куполом? Почему он так спешит вернуться? Дед его совсем зомбирова! Ничего не видно, ни клочка земли под ногами! В такое время я предпочитаю отдыхать в своем кратере, а не лететь куда-то сломя голову. Вскоре я даже тень Отто видеть перестал, как вдруг...

– А-А-А-! – закричал я, когда почувствовал, как мои ноги загорелись пожаром.

Я провалился в воду, в чертову реку, которая была скрыта темнотой, моим бегством, а теперь меня несло течением, и это было ужасно. Мои конечности горели огнем и болью, я не мог дышать. Я не видел Отто, но должно быть, он разделял мою участь.

Я орал, что есть мочи:

– А-А-А-А!!!

Это пытка показалась мне вечностью, а потом я почувствовал, как меня подхватывают за подмышки, поднимая.

– Ты как, в порядке? – спрашивают у меня некто в желтых жилетах, отряхивая и обрабатывая чем-то нейтрализующим мою агонию.

– Меропсия, у нас тут еще один! Живой! – прокричал кто-то из моих спасителей.

– Ура! – ответили ему. – У нас тоже живой.

– Ура-а-а! – прокричали теперь они.

– Сообщи Деду, что у нас новенькие, – услышал я их уже тихий разговор.

– Не-не, – замотал головой я. – Мы старенькие. Я – Али-бастер, а он – Октавиус. Мы – защитники.

Впервые признавать свою принадлежность к их обществу мне было не стыдно.

– Мы шли гуляли, и вдруг... – объяснял я, но мои оправдания никто не слушал. Видимо, выход за город у нас не назывался.

– Коллеги, – протянули мне руку желтые жилеты, – приятно познакомиться, мы спасатели.

Я пожал им руку в ответ. К счастью, ноги перестали гореть, а жидкая мазь, которой меня намазали, приятно охлаждала.

– Почему я вас раньше не видел? – удивился я.

В самом деле, мне казалось, что я неплохо знал наше окружение: все работы и все профессии. Более того, я даже внешность почти каждого успел запомнить. Лица примелькиваются. Но этих я видел впервые.

Ближний ко мне был усатый, быстрый и худощавый. Стоящий позади – нескладный, длинный.

Еще один – пухлый, маленькие и приземистый. Так и должна выглядеть компания спасателей?

Не знаю. В любом случае, работу свою они выполнили – я видел, как к нам приближались еще желтые жилеты. Наверное, они вели Отто.

– Октавиус, дружище, – подтвердил мои подозрения один из спасателей, – вот и тебе понадобилась наша помощь. Не

все тебе помогать нам, – усмехнулся пухлый и обнял Отто.

– Спасибо, ребята, – благодарно произнес он, пожимая руку каждому, – если бы не вы – нам не спастись.

Я топтался на месте, немного покачиваясь. Обмен любезностями начал меня утруждать. Отто, наверное, заметив мое переминание с ноги на ногу в попытке поскорее уйти, произнес:

– Это мой напарник, Алибастер, но ему нравится, когда его зовут Али.

Я сконфуженно улыбнулся.

– Мы уже познакомились, – подал голос высокий.

Теперь высоких стало трое – еще двое, пришедшие с Отто, тоже были ого-го какие длинные! Но сказал тот, что спас меня.

– А то сидим мы в своих укрытиях, и знать никого не знаем, и никто не знает нас, – весело произнес приземистый спасатель Октавиуса.

Это они что, шутят? Хорошее дело – спасать других, рискуя собой. Лично мне вода совершенно не понравилась, и я не хотел проверять умру ли я в ней или моей силы хватит на то, чтобы выжить. Про спасателей не говорят. Дед что, считает, что такой труд не должен афишироваться? Они могли погибнуть, пока вытаскивали Отто или меня. И я даже не знал, что готовые отдать жизнь за других существуют среди нас! Цирк – просто цирк, а не общество! Уйду и ноги моей здесь больше не будет.

Отто, окончательно придя в себя, уже начал давать поручения:

– Сообщите всем, крысы прорыли пещеру до центра горы. Мы ждем Войну.

Кто-то из темноты ничего не сказал, но тут же потрусил в город. Я слышал звук его мягких шагов по розовой земле. После прогулки поверхность здесь казалась мне гораздо мягче, чем сугробы. И я не хотел оставаться – ни минуты больше – ни шагу дальше. Я быстро сбегаяю за Дру, мы подхватим ту провизию, что найдем, и оставим этот лживый мир позади.

Дикари и крысы, как их назвал Отто, нравились мне больше, чем город, потому что они были честны. Дикари хотели убить нас – и не лгали. Крысам не нравился шум – и они не скрывали это. А здесь... Я ощущал себя смычком, которым безропотно водили по скрипке. Я был камнем, который падал с определённой периодичностью.

И сейчас, вкусив весь спектр свободы, я знаю – стоять и держать купол сейчас будет гораздо труднее.

Было темно. Так темно, что казалось, меня решили зрения. Мы с Отто шли медленно, возвращаясь, я думал о своем, а Отто, видимо, окончательно во мне разочаровался.

– Зря я повел тебя, – заключил он, – я думал, что ты испугаешься и вернешься домой, но ты... Сделал все иначе, не так, как я ожидал.

Я не видел смысла с ним спорить. И был ему благодарен – теперь я окончательно удостоверился в своем решении уйти.

Собрать пожитки, забрать Дру и исчезнуть, раствориться за горизонтом. И гори оно ярким пламенем. Я выбрал свободу.

В этот раз не было ни красного заката, ни повышения температуры воздуха, не было ничего. По глазам резанул яркий свет, раздался взрыв, и началась атака.

Глава 6. Осознание.

Мы бежали. Вокруг стояло жужжание такой силы, что закладывало уши. Мне казалось, что я даже свои мысли плохо слышал. Едва поспевая за Отто, я решал для себя нечто важное. Уйти или остаться. Остаться или уйти? Дру – мне определенно нужна Дру.

Где искать ее? Надеюсь, она была на работе, и я, как только Отто свернет в предназначенный ему угол квадрата, развернусь и побегу ее искать. Пока я думал, мы неумолимо приближались.

Нас явно ждали. Атмосфера всеобщей паники витала в воздухе. Все суетились, сбивали друг друга с ног, кричали, пока звучный голос Деда, усиленный с помощью рупора, не донесся до нас:

– Спокойно! – басил он. – Звук не имеет никакого отношения к Войне!

Не знаю, поверил ли ему хоть кто-то, но, видимо, да, разсуждающие жители немного успокоились. Перемещателей перестали толкать, недвижимые закрывали ставни, желающие уснуть спокойно засыпали, а некоторые, и я в том числе, занимали свои позиции. Я думал о том, как будут погибать отвлекатели Боссов, как в тени реки трудятся спасатели, как кухня достает еду в наших условиях, когда заметил, что Отто направился к себе. Я же замер на месте, не двигаясь вперед,

но и не разворачиваясь назад.

Наверное, атака уже длилась какое-то время, потому что вокруг я уже мог разглядеть разорванные тела.

Стало светло. Будто весь свет, который попадал сюда за все время существования города, решил объединиться и ослепить нас. Было так ярко, так броско, что я не видел врагов – а может, их просто не было. Была только Война. Она снова наполняла воздух, землю, и все вокруг.

Но это было неважно: я высматривал Дру. Пока меня не хватились – оставалось буквально пару минут. Ровно столько, сколько хватило бы посыльному добежать до Деда, сообщая, что я – единственный, кого не хватает для поднятия купола. И, вероятно, до Отто, который рассказал бы, что я должен быть недалеко. Вот тогда бы они пошли меня искать.

Я должен действовать на опережение.

Я мотал головой и видел, как несколько недвижимых закрывают ставни своих домов, я видел, как некто похожий на Ленни семенит в центр квадрата защиты, видел, как кто-то укладывается спать, как еще десятки жителей, способных защитить себя самостоятельно, едва ли обращают внимание на то, что купола еще нет.

Я мог не чувствовать себя виноватым. Вон как они справляются! Я сканировал глазами толпу в надежде наткнуться на пушистые рыжие волосы и мягкую улыбку. Но вместо этого я увидел нечто, поразившее даже мое воображение. Один из нас, издалека похожий на недвижимых, вместо того, что-

бы свернуть свой гончарный круг, на котором он делал тарелки и банки (так вот откуда у нас посуда), спокойно продолжал делать свою работу, напевая глупую песенку. Будто ничего не происходит. Будто никакой Войны и нет. Он трогал землю, черпал ладонями материалы, дышал полной грудью, не защищал тело, и, как видно, ничего не боялся.

И я бы не обратил внимание, если бы не то, что он заразился. На секунду я заметил, как его тело дернулось, и он упал навзничь, и, если бы земля была под уклоном, он бы скатился вниз. Но поверхность была ровной, и он лишь периодически дергался. Его тело посерело, съежилось. Но никто не замечал этого. И никто не стремился ему помогать. Все были заняты своими делами, в точности, как и я.

Так близко видеть смерть было для меня в новинку. Разумеется, он сам виноват – никаких правил безопасности, но... В нем было что-то, что заставило меня не отрывать взгляд от его агонии.

Это было его оживление. Я не успел моргнуть, как он, валяющийся на земле, серый, сморщенный, отрыгнул большую каплю шипящей ядовитой жидкости и засунул ее в одну из банок.

– Кажется, сегодня цилли, – протянул он, закупоривая банку, – мерзкие на вкус – искусственные.

А это у нас, получается, гурман-любитель. Пробует на вкус Войну и еще заключения делает. Но поразило меня не это, а то, как славно он избавился от врага. Он даже не по-

давился. Впустил в свое тело яд, а потом также спокойно его вытащил наружу. Если есть талант круче моего – то это, разумеется, он. Интересно, я могу так? Может, тоже мне что-нибудь съесть?

– Али, – услышал я голос, окликающий меня, – вы не поднимаете купол?

Я повернул голову и увидел Дру. Она сама нашла меня. Ее рыжие волосы на свету отливали огнем, и мне это нравилось. В руках она сжимала корзинку с камнями. Кто чем занимается на Войне – Дру остается верна себе – она собирает камни.

– Я искал тебя, – сказал я, – чтобы уйти отсюда.

– Уйти? – неверяще переспросила Дру. – Ну и шутки у тебя. Многие умрут без купола.

Я не шутил. Наверное, я был готов к тому, что моя идея не понравится ей сразу, но я был готов ее убеждать.

– Ты видишь? Они прекрасно справляются без меня, – я обвел рукой пространство, на котором шло сражение – все защищались так, как могли. И вроде бы никто не умер, – а тот мужчина? Ты видела? Он делал тарелки, а потом отравился, и он...

Дру молчала, глядя на меня своими большими глазами, ожидая, что я скажу. Мне стало немного неловко и свою речь я закончил уже без энтузиазма:

– Он вытащил из себя эту заразу.

Дру вздохнула, качая головой и грустно улыбнулась:

– Не все так могут, Али.

– А ты? – спросил я, впервые осознав, что я столько времени общаюсь с Дру, и понятия не имею, что делает она. Когда мы тренировали купол – она ни слова не сказала о своих навыках. Более того, она ни разу даже не приближалась к этой теме.

Было ли это странно? Да, определённо.

Дру рассмеялась, запрокинув голову вверх, отчего ее волосы оголили маленькие ушки и светлую шею. На горизонте, не так далеко, как казалось, но ближе, чем хотелось, я увидел всполох зеленого. Они поднимали купол без меня. Что насчет поискового отряда? Он уже организован и ищет меня, верно?

– Тебе нужно идти, – ответила Дру на какой-то другой вопрос, но точно не на тот, что я задал, – они без тебя не справятся.

– Давай уйдем, – снова произнес я, – сбежим от них, мы сможем защититься... Мы... Мы... Знаешь, как пахнет свобода? Знаешь, как прекрасен мир, где не нужно подчиняться правилам и запретам, где...

Чувства обуяли меня и, наверное, я почти кричал, в то время как Дру снисходительно глядела на меня, как на неразумного ребенка и, прикусывая губу, подыскивала слова.

Я почти что понимал ее. Сбежать и сорваться, бросить все и идти куда глядят глаза – это странно. Но я так хотел этого, так хотел, что не видел нашей жизни иначе.

Дру подошла ко мне ближе, заглядывая в глаза. Я видел, как в уголках ее глаз стояли слезы, и она, почти не касаясь, наклонилась к моему уху и шепнула:

– Без купола многие погибнут, Али. И я тоже.

Мне казалось, что я ослышался – до того невозможными и неправильными были ее слова. До того сюрреалистично они звучали, что я отказался их принимать. Дру и не ждала этого – она отошла от меня, периодически наклоняясь и собирая свои камни. Та работа, что она делает на Войне. Теперь я понимал почему – методичные действия ее успокаивали.

Почему она погибнет без купола? Ответ был так прост и так сложен одновременно – так неправилен и так... понятен. У Дру не было никакой защиты. Тетушка Розанна упоминала, что такое иногда случается, и что раньше среди нас больше было тех, которые погибали. Сейчас времена изменились, и неспособность защитить себя стала исключением, а не правилом. Почему Дру стала исключением? Почему именно она?

На негнущихся ногах я поплелся на свое место, наблюдая, как ее спина с россыпью рыжего пламени отдаляется. Почему-то Дру не кричала, не паниковала – она так же медленно и неспешно двигалась по земле, без опаски ступая и не боясь того, что в любой момент может... погибнуть?

Я побежал. Дыхание сбивалось, но мысль, что она может погибнуть из-за меня, вела меня на положенное место – в мой пустующий угол квадрата.

Дед, заметив меня, едва заметно кивнул, будто он не удивился ни моему исчезновению, ни моему появлению, он просто скомандовал:

– На раз-два-три! Поднимаем!

Его крик подхватил долетающий до нас ветер и унес к Отто. Все были готовы. Я стал прямо. Я собрался достаточно быстро, несмотря на то, что я был в раздрае. Ее слова ввели меня в ступор, я и действовал по инерции. По инерции я напрягся и позволил зеленому облаку вырваться и скрепиться с остальными тремя. Зеленая крыша накрыла всех. Я думал о том, что теперь Дру в безопасности. Она спокойно может собирать свои камни и – пока я нахожусь тут – ей ничего не угрожает.

Невидящими глазами я смотрел, как отвлекали Боссов, как отвлекающие их падали замертво. Что сражение было не такое большое. Я слышал, как шум постепенно утихал, а яркий свет то и дело сменялся тьмой. Ветер, бушующий вокруг, приносил горную пыль, которую я узнавал по запаху, и не было ничего, что волновало меня больше моих раздумий.

Меня явно не искали. С моим появлением мало что изменилось, только собратья под куполом стали выглядеть увереннее. Они сами защищали себя, и от этого было еще более неприятно.

Неужели Дру не может даже спать? Делать разрушитель? Было бы здорово, если бы она могла как тот мужчина выдавливать из себя отравившую его субстанцию. Если бы я вы-

бирал Дру талант – я бы выбрал ей именно этот.

Мне не верилось, что все это время Дру спасалась чисто на везении. Ее слова о легкости выполняемой ей работы приобрели смысл. Стало понятно, почему она выбрала то, что сможет выполнять любой после ее гибели. Потому что гибель Дру не была случайностью, она была лишь вопросом времени.

Я дрогнул. Купол дрогнул вместе со мной, но быстро стабилизировался. Я собрался. Мысль, что ей нужна защита, придавала мне сил. Атака не была слишком большой – прошлая была и дольше, и серьезнее, и, когда спустя время Дед велел расходиться, я не мог сказать, что смертельно устал.

Я был вымотан: я воспарил к небесам на своих мечтах о свободе, но тут же рухнул вниз. Я осознал, что не все мои мечты способны сбыться. Я не отчаялся – я взял паузу.

Пожалуй, правильно было выяснить и обсудить детали, было правильным уточнить, насколько она уверена в своих словах, и только тогда, когда картинка в моей голове станет целой, я найду решение.

Когда мой купол схлопнулся, а Дед, еще раз кивнув мне, побрел прочь, я развернулся, чтобы уйти – посмотреть на поля сражений мне не хотелось, я заметил, как ко мне семенит тетушка Розанна.

Я подумал, что вновь сплеховал с домашкой, что вновь прокололся, что получу взбучку за опоздание. Но, когда она подошла ко мне впритык, я услышал:

– Алибастер, твое обучение закончено. Ты полностью готов к жизни в нашем городе. Твоя должность – защитник, – произнесла она.

Я мечтал, чтобы учеба уже закончилась, но когда я услышал ее слова, мне стало немного грустно. Точно груз моей ответственности стал в разы тяжелее, и я не нашел ничего лучше, как произнести:

– Я же появился не вовремя, атака уже длилась какое-то время.

Тетушка Розанна взлохматила мне волосы и по-матерински посмотрела на меня:

– Ты смог не опоздать. И это – самое важное.

Вероятно, меня никто и не искал. Они просто верили, что я вернусь.

Ох, эта странная жизнь. Наверное, мне с ней никогда не разобраться. Я жду подвох, я никогда не прекращу его ждать, но ее слова были приятны. Я кивнул. Наверное, невербальной речью заразился от Деда.

Разговор был окончен, каждый из нас продолжил свой путь.

Я улыбнулся ей вслед не то от благодарности, не то от безысходности. Мне предстоял разговор с Дру. И я знал, что он будет не из приятных.

Когда следы атаки были убраны, а я немного разобрался с кашей в голове, я решил не тянуть и уточнить все еще раз.

Дру была на работе, где же еще ей быть? И я решил навес-
тить ее.

Выглядело так, будто она заранее знала, что я приду: она
стояла прямо у входа и, облокотившись о риф, смотрела
вдаль. Она не была грустной, скорее, немного задумчивой.

Когда она меня заметила, то сразу же начала улыбаться.
От этого ее лицо стало еще светлее, на щеках заиграл румя-
нец. Она заспешила ко мне:

– Али! – воскликнула она. – Я как раз тебя ждала. Прогу-
ляемся?

– А как же твоя работа? – спросил я, понимая, что после
Войн у Дру настоящий аврал.

Она, наверное, подумала об этом заблаговременно, поэто-
му этот вопрос ее не удивил и не остановил:

– Я попросила Лауру подменить меня, – сказала Дру. По-
нятия не имею, кто такая Лаура, но разве это важно?

Я хотел протянуть ей руку, но вовремя одернул себя: так-
тильные контакты были на любителя.

Мне было достаточно просто идти с ней рядом, просто
чувствовать ее присутствие и не думать о том, что в любой
момент ее могут отобрать у меня.

Сейчас она была живее всего, что я знал до или после. Она
смотрела вокруг, точно видела впервые тонкие извилистые
улицы, встречающиеся под ногами камни, работающую кух-
ню в центре города, волны реки, которые плескались вокруг.
Мы прошли весь город в молчании. Мы двигались рядом, и

Дру выглядела счастливой. Она с любовью смотрела на все. Даже небольшие рифы заставляли ее губы расплываться в улыбке и глаза блестеть. Она была такой красивой и такой правильной. Она с любовью смотрела и на меня, и от этого у меня вырастали крылья.

Мне не хотелось разрушать очарование момента своей болтовней, потому что все, что я мог бы ей сказать, было тяжелым, тревожным и пугающим.

Мы гуляли долго и молчали. Когда мы свернули в сторону ее работы, она выдохнула:

– Наверное, Лаура уже устала.

Я понял, что сейчас настало то время. Я все же взял ее за руку – весь наш поход мои ладони просто зудели от этого желания и, немного притягивая ее к себе, я спросил:

– Ты совсем ничего не умеешь? Даже спать?

Она смело ответила на мой взгляд. Молчание ее тоже начало тяготить, и она понимала, что, прежде чем распрощаться, нам придется поговорить.

Она набрала в грудь воздуха, готовя ответ. Я ждал. Смирно и верно, как загнанный в клетку зверь. Как преступник ждет приговора. От ее слов слишком многое было на кону, и я был готов услышать все, что она скажет.

– Я могу спать, – отвечает она, – более того, при большой опасности я чувствую, как мои глаза пытаются закрыться, поэтому я и хожу во время атаки.

– Почему? – замаячивший огонек надежду зажег меня,

словно спичку.

– Понимаешь, Али... – было видно, как ей тяжело было его тушить, – если я усну, я больше не буду прежней. Моя сестра так уснула и...

– И умерла? – спросил я.

– Хуже, – ответила она, – она перестала быть собой. Стала крошечной, голой и глупой.

Дру никого не считала глупой и, если она сказала такое о сестре, это значило одно – она правда стала такой. Мурашки поползли по моей спине. Я громко сглотнул.

– Тогда спать отпадает, – попытался бодро сказать я, – а еще? Ты пробовала что-то?

Дру покачала головой.

– Я ничего не умею. Совсем.

И тот ужас, что я тщательно сдерживал, предстал передо мной во всей красе.

Мне было жаль Дру, но еще больше мне было жалко себя: я хотел ее взять с собой, но теперь это отпадало. В одиночку держать купол над кем-то, кроме себя, я не смогу. А так рисковать ей – было неправильно. Но выход, должен быть выход, он всегда есть... И мысль, спасительная идея врезалась в меня.

Тот мужчина, который избавился от яда. Это был шанс! Я мог отобрать у него необходимую способность и отдать ее Дру. Тетушка Розанна упоминала, что некоторые наши способности имеют вполне осязаемую причину – ген, который

находится в каждом из нас. Что, если его выкрасть? Что, если забрать его у кого-то и преподнести его Дру?

Это было бы решением всех проблем. Тем лекарством, которое могло бы спасти нас.

– Как найти того, чью способность защиты ты знаешь, а имя нет? – спросил я, надеясь на то, что Дру подскажет как отыскать того, кого лично я видел впервые, а внешность и вовсе не успел ни придумать, ни запомнить.

– У Деда хранятся все данные, – быстро ответила Дру, – я ежедневно передаю ему имена, а тетушка Розанна вписывает способности.

План в моей голове быстро обрисовывался. Я даже забыл, что я нахожусь на улице – мысленно я уже пролезал в сердцевину того соседа и забирал то, что может помочь Дру.

– Где кратер Деда? – спросил я быстро, чтобы Дру не успела заметить, что я что-то задумал. Она такое явно бы не одобрила.

Дру махнула рукой вправо – на противоположный конец города. А потом она, осознавая или только догадываясь, сощурившись, посмотрела на меня:

– Али, что ты задумал? – строго произнесла она.

Но я уже не ответил – я со всей силы заспешил в указанном направлении.

Ведь всем известно, что ночь – лучшее время, чтобы пробраться в чей-то дом.

Глава 7. Вторжение.

Ладно, каюсь: сразу я не пошел.

На меня накатила такая пустота, такое одиночество, от которого мне стало страшно и плохо, и грустно. Возможно, такое испытывают космонавты, слетающие с орбит. Или сами орбиты, когда космонавты их оставляют. Что бы то ни значило. Я не хорош в сравнениях. Эти сложные слова лишь отголоски мой памяти.

Когда Дру осталась позади и, я был уверен, что она меня больше не видит, меня прорвало. Если по-правде: то это было ненормально. Мы, все мы, с чувствами были на вы. Наш эмоциональный диапазон был так ограничен, потому что смерть в нашем мире значила рождение (подумайте сами – из одного получается двое. Разве это повод грустить?), мы были избавлены от мук совести, от сожаления, иногда – даже от страха. Я не уверен, что многие способны чувствовать столько, сколько я. Потому что новость о настолько подвешенном состоянии Дру слишком сильно била меня. Если нечто нематериальное, вроде информации, способно драться. Я отравился этим знанием, потому что возможность никогда не видеть ее улыбки действовала ядовитее атак. Я перестал дышать. Я метался, как загнанный зверь. Кажется, во время своего панического забега я обежал центр города. Второй круг пролегал через окраины. На третьим я потерялся.

Какой был смысл в панике?

Какой вообще смысл в моей реакции? Нужно взять себя в руки и сделать то, что я должен был – любой ценой добыть способность для Дру.

Забрать ее сразу я не мог.

Я был слабохарактерным, был трусливым. Но я не хотел брать на себя ответственность за чужую жизнь. Тем более, спасать ее в одиночку. Перспектива того что ее убьют из-за меня, когда я буду не в состоянии помешать этому, вот что было ужасно. У нее должен был способ защититься самой.

Лучше я обворую Деда и того сударя, чем возьму на себя такой груз. Было ли это малодушием? Вероятно.

Я выдохнул дважды – глубоко, ощущая привкус прошедшей Войны – как всегда сладковатый из-за тлеющих трупов моих братьев. И отправился в свой кратер. Мне нужно было взять себя в руки. И поесть. Разумеется, поесть.

Потому что лучшего лекарства от паники еще не придумали.

Случай представился позднее.

Отто закончил дежурство. Мы перебросились с ним парой слов. Ничего особенного: как дела, как день, как работа. Он как-то странно на меня поглядывал – кто-кто, а Отто точно заметил мое отсутствие во время начала атаки, и сложил дважды два, понимая, что к чему. Но он, как настоящий друг, меня не выдал. Я же все же вернулся.

Отто хотел предложить мне вечером отправиться к полям рифов и помочь расчищать их от снега – сегодня его хлопья долетели и до нас, и я, к счастью, зацепился за слово “вечер”. И уточнил, почему именно вечером, а не прямо сейчас. Ведь я, как никто другой знал, что Отто сахаром не корми – дай поработать.

– Мы с Дедом сейчас отправляемся на переговоры в горы. Проверить, как там, – махнул рукой Отто, – и, если есть выжившие, договорится с ними не допускать таких пещер – лишние атаки нам не нужны.

– Ничего себе – работенка – присвистнул я, – должно быть, не из легких!

– Еще бы, – кивнул Отто. Теперь он стал со мной гораздо разговорчивее и, самое главное, был более заинтересован в общении. Общие приключения объединяют.

– Деду повезло, что у него есть ты, – сказал я, подметив самое главное: Деда не будет дома в ближайшее время. Это ли время действовать?

– Это нам повезло с Дедом, – не согласился Отто, – если бы не он...

– Тогда на его месте был бы ты, – тут же спохватился я. И – правда? Если Дед погибнет, кто будет на его месте? Разумеется, Отто.

– Власть меня портит, – после секундной паузы сказал Отто, – я никогда не соглашусь быть главным, чтобы не стать тираном.

Не представлял я тирана из Отто, но спорить с ним не стал. Сейчас это было не важно.

Мы распрощались у малого Рифа. Каждый отправился по делам. Отто, как всегда, совершать полезные дела, участвовать в миротворческой миссии, а я – пакостить. Хоть что-то в этой жизни, кроме купола, я умел делать.

Я заранее узнал, в каком кратере живет Дед. Это было ни капли не сложно – можно спросить у любого, где дом Деда, и все, как один, укажут нужное место.

– Самый плоский кратер на западе, – отвечала Кларэсса.

– Кратер-тарелка, – говорил Плюмбий.

Я сразу понял, что они имели в виду, так как не заметить явное сходство с тарелкой было невозможно.

Его дом выделялся тем, что был почти не утоплен в глубину. Так мне казалось, пока я не оказался так близко, чтобы заметить небольшую выемку справа. Она оказалась началом лестницы, устремляющейся вниз.

Дом Деда был как сам Дед – лишь малая часть на поверхности. Все остальное – подводная часть айсберга.

Лестница была винтовой. Идеально выточенная из странного материала, аналогов которому я не встречал. Особенные камни? Необычная обработка? Пожалуй, это было не важно. За годы правления Дед мог себе это позволить.

Весь дом отливал синим цветом. Не ярким, броским. Скорее, приглушенным. Немного с примесью желтого, отчего

синий цвет был не таким явным, выраженным и узнаваемым. Всего лишь оттенок.

Я спускался медленно, постоянно оглядываясь. Мне казалось, что за мной следят. Но в доме никого не было. Комната была пуста. Я надеялся, что Дед был достаточно глуп, чтобы оставить свой дом без охраны. Дед нам доверял.

С винтовой лестницы я видел всю комнату. За перила можно было не держаться. Низ лестницы был украшен переплетением зеленых веток, складывающихся в узор в виде синего цветка. Это завораживало.

Огромную картотеку было заметно сразу.

Если честно, больше ничего я не разглядывал. Одни шкафы, доверху заполненные таблицами для письма, меньшего размера чем та, на которой писала Дру, занимали половину жилого пространства. Там хранились личные дела. Характеристики каждого. Дед, как паук, сплел из нас паутину и теперь ловко дергал за ниточки.

Мерзкий Дед, мерзкая жизнь, мерзкий гончар, которому досталось то, что должно было быть у Дру.

Мерзость. Мерзость. Мерзость.

Я и сам был мерзостью, когда тянул свои руки к бесконечным дощечкам, собираясь прочесть каждую, пока не найду нужный талант. Мне было радостно, что я оскорблял этот дом одним своим присутствием.

Мне не было стыдно. И даже боязно. А зря.

– Так-так, – услышал я хриловатый голос. Голос Деда. О,

черт, – юный Алибастер, что ты тут делаешь?

Нагругить ему? Сбежать?

– Дело в том, что моя картотека не предусматривает легкое пользование ею. Ты можешь сказать мне, что тебе нужно, и я, быть может, помогу тебе найти.

Признаться?

– Понимаешь, Али, – продолжал Дед, – молчание еще никому не помогало. Если ты пришел сюда, значит, у тебя был весомый повод. Разреши мне помочь тебе, – речь Деда звучала убаюкивающе. Мою бдительность.

Я молчал. Упрямо, насупившись, засунув руки в карманы, которых у меня, разумеется, не было и быть не могло.

– Наверное, это тебя очень заботит, – продолжал Дед, – забота о ближнем – это так важно. Забота о ближнем – почти все, ради чего стоит бороться, ради чего стоит сражаться и даже – идти на преступления, – вещал он. – Ради чего пошел на преступление ты? Оно того стоило? Ты уверен?

Дед болтал и болтал. Когда он уже заткнется?

Я был готов ко всему – к наказанию в виде показательной порки, выселения с позором или же – если понадобится, к чему-то более скверному. Но речи, которые пробирали меня до пят и заставляли мой язык жужжать от нетерпения высказаться – этого я не ожидал.

– Ужасно, правда, когда ты хочешь кому-то помочь, а Дед появляется в самый неподходящий момент? – говорил он. – Ужасно, когда все срывается, и ты ничего не можешь сделать.

– Да что вы вообще об этом знаете?! – крикнул я. – У вас же нет никого, о ком бы вы заботились!

– Ошибаешься, малыш, – сказал он, – у меня целый город.

И в подтверждение своих слов он обвел рукой бесконечные стеллажи, на которых были только описания каждого, но их объем выглядел достаточно внушительно, чтобы не сомневаться в весе груза на его плечах.

– Они хотя бы не все на грани жизни и смерти, – уже спокойнее произнес я. В конце концов, это я влез в жилище Деда, а не наоборот, чтобы я позволять себе злиться. Что я говорил агрессивному кофе? Надо держать себя в руках.

– Тебя волнует красавица Друэлла? – понял Дед. – Так ей ничего не угрожает, пока мы держим купол.

– Так в том-то и проблема, я хочу уйти.

Дед сначала не понял – он смотрел на меня в упор, сканируя взглядом, а потом уточнил:

– Уйти с работы или...

– Совсем уйти, – прервал его я, – я хочу путешествовать, узнавать новое, завоевывать территории: вода, земля... А у вас все так ограничено.

– У нас. У нас все ограничено, – поправил Дед, придавая большое значение формальностям.

Днем больше – днем меньше, я скоро вычеркну наши имена – мое и Дру – из табличек Деда.

– А касательно твоего ухода: я не в праве тебе мешать, – развел руками Дед. – Купол, конечно, мы держать без тебя

не сможем, но, – он задумался, – когда Фердинанд уходил к праотцам, мы так надеялись, что вас будет двое – страховка не помешала бы, знаешь ли, – улыбнулся он, – но если случилось так, как случилось, то я принимаю любой твой выбор и не препятствую ему. Так зачем ты приходил сюда?

– Способностями можно обмениваться? – спросил я, заранее зная ответ. Конечно, можно. Более того – их можно дарить и отбирать насильно.

Дед снова просканировал меня так, точно он считывал информацию с моего лба.

– Тебе нужна способность? – пронизательность Деда не знала границ. – Что же тебе так полюбилось?

– Как гончар сначала отравился, а потом выплюнул яд, – тотчас ответил я. Как на духу.

– А-а-а, – понимающе протянул Дед, – жвачка. Отличный выбор. Только не возьми в толк – зачем он тебе, с твоим-то куполом? Тебя под ним ни одна зараза не схватит.

Я снова молчал, пока Дед соображал.

– Друэлла, – предположил он. И, дождавшись моего кивка, продолжил: – ты для нее стараешься. Вот оно как. С ней уходить хочешь?

Я снова кивнул.

Что тут скрывать. Раз Дед не собирается нас останавливать, то можно и открыть карты.

Дед задумался. Почесал седые волосы. Сгорбился. Оглядел свой дом, свою комнату. Проследил взглядом по лестни-

це и, когда допустимое время паузы в разговоре иссякло, он произнес:

– У тебя два выхода. Первый – забрать ее с собой сразу же. Только спешу предупредить – Война меняется. Резервные атаки запускают по пустякам, и ей... Я понимаю, что тебе неприятно это слышать, но ей... не выстоять в одиночку. Второй вариант. Конечно, имя того товарища я не скажу – более того, я запрещу ему появляться тебе на глаза какое-то время, а остальным – говорить тебе про него, и не потому что я вредный, а потому что не хочу, чтобы гончар лишился единственной способности защиты и, вместо одной Дру, у нас были бы уже двое в очереди умереть. Но я дам тебе совет, – тут же спохватился он, заметив выражение моего лица, на котором читалось: зря я вам поверил и рассказал, так и знал, что вы не поможете. – Способности не обязательно забирать у других – ты можешь заработать ее сам.

– Сам? – удивленно переспросил я. – И как это сделать?

– Мои наблюдения доказывают, что способности появляются от опасностей. Поломка генов, сдвиг в нашем коде из-за тяжелых условий – и, как говорится, дело в шляпе. Точнее, способность в теле. Ты знаешь, Алибастер, организм очень умный, даром что простой. Но выживать он умеет – поверь мне. Заставь его выжить. И надейся, что вам достанется жвачка. А не разрушитель. Хотя в случае Дру и он будет полезен.

Дед замолчал. Я не уходил, ожидая, что он скажет что-то

еще, но он отошел от меня к кухонному столу и принялся греметь банками.

– Останешься на ужин? – прервал молчание он.

И мне опять стало стыдно. Липкое чувство стыда расплзлось по мне и я, заверив его, что не голоден, направился к выходу.

На синий цветок я больше не смотрел. Но мне очень хотелось.

– Али..., – протянул голос Ленни как только я оказался в холле – на блюдцеобразной площадке, с которой начинался дом Деда. – Дед тебя что, выпустил? Или ты сам сбежал? – прищурился он.

– Ленни, – узнал я его, – что ты делаешь?

Я сто лет его не видел. Нет, двести. Школа закончилась, но я пропустил последние дни занятий и поэтому с Ленни не пересекался довольно давно. Какова вероятность, что он окажется именно тут и особенно, что он будет знать про Деда, конечно, если он не...

– Это ты меня сдал, да?

Взгляд Ленни был нехорошим, темным, злым. И он даже не попытался соврать мне, отвечая.

– Я же теперь охранник, – хвастливо произнес он, – это моя работа – сообщать о взломах домов.

Было бы чем хвастаться! Его профессия меркла по сравнению с моей – защитник. Это даже звучало величественнее.

Но тронуло меня не это – не его гордыня. А другое.

– Мы же... – слово «друзья» произносить я не хотел, – были одноклассниками.

– И что? – просто спросил Ленни.

Так, будто он ничего особенного не сделал. Так, будто это я виноват, что заставил его бежать и стучать на меня, чтобы Дед вернулся из путешествия и поймал меня с поличным.

– Тебе повезло, что Дед дал особенное распоряжение – в его доме воров не задерживать, – продолжал Ленни, – он предпочитает сам с ними разбираться.

Ага, знаю я его разборки – психологическое давление и задушевные беседы.

– Только я не пойму, с чего это он тебя выпустил?

– А я, Ленни, – рубил правду-матку я, – не возьму в толк, когда ты успел стать таким правильным?

Надеюсь, в слово «правильный» я вложил достаточно яда. Чтоб он траванулся – дерганый индюк.

– С тех пор, как вышел на работу. Мы больше не дети, Али – пора отвечать за поступки.

А я и отвечал. Так и ответил перед Дедом – как на духу. И Отто отвечал. Только Отто меня почему-то не сдал. Потому что Отто мне друг. А этот... Одноклассник из прошлого. Прав я был в том, что общение с ним мне было не нужно. Только в одном я ошибся – мы не были слишком похожи. Возможно, в детстве – да. Но сейчас мы выросли. И я рад, что не стал таким как он – напыщенным самовлюбленным

бараном. Который преградил мне путь.

– Все сказал? – процедил я. – А теперь уйти с дороги.

Это был риторический вопрос, но Ленни не понял, он решил продолжать эту неприятную для меня беседу:

– Я пропущу тебя только тогда, когда мне разрешат это сделать. Я не уверен, что ты не сбежал.

Гнев закипел в моих жилах. Я пытался посчитать про себя до десяти и успокоиться, я пытался взять себя в руки и...

Ленни вытянул тонкую руку, преграждая мне путь. Будто его предплечье сойдет за шлагбаум и остановит меня.

Я вскипел. Взбесился. Вышел из себя. Все негативные эмоции, которые я копил в себе, как коллекционер, наконец-то нашли выход. Сгрудились и ровным маршем проследовали к моим кулакам. Заставили их хотеть вмазать. Стукнули в голову, и ярость застелила глаза красной пеленой.

«Сражайся или умри», – чувствовал я, и от всей души, от всего сердца вмазал прямо по челюсти Ленни.

Он отшатнулся, сгруппировался и ударил меня в ответ.

Мы дрались до тех пор, пока в моей душе не осталось к нему ни ненависти, ни злости, ни школьных воспоминаний – ничего. Была пустота. И четкое предчувствие того, что общаться мы с ним больше не будем. Никогда.

Глава 8. Любовь.

– Али, что ты устраиваешь? – спросил подошедший Отто.

Сегодня был прекрасный день. Один из немногих, когда я чувствовал себя цельным, правильным и уместным среди хаоса жизни. Было раннее утро – рассвет пробивался сквозь горизонт, и с каждой новой порцией света мне становилось все радостнее и счастливее.

Пока Войн не было, я был предоставлен сам себе. Точнее, нет. Я был предоставлен ей.

С Дру мы проводили так много времени вместе, как никогда раньше. Неприятные темы мы больше не поднимали, а о приятном нам было о чем поговорить. Я бежал к ней на работу тут же, как город просыпался и появлялось шевеление: те, кто работал каждый день, отправлялись к местам труда, а такой счастливчик, как я, перестал хватать ненужную работу и, когда не было Войны, проводил его исключительно с Дру.

Отто хорошо общался со мной. Мне даже не пришлось перед ним оправдываться, почему я глаз не свожу с Дру: он, наверное, все понимал. Неудивительно: жителей он знал не хуже Деда, а, может, даже и лучше. У него была какая-то особенная способность запоминать каждого. Со мной понятно: я наделял каждого выдающейся внешностью, чтобы не запутаться, а Отто оно было и не надо, он и так помнил о жителях все: их работу, их повадки, их дом. Мне казалось, что его

память натренирована не просто так. Там, откуда он пришел, он был явно не просто работягой.

Оттого я и удивился его утреннему вопросу-претензии. Кажется, еще вчера мы неплохо поболтали с ним. Что ему успело не понравиться?

Он перехватил меня на пути к Дру. Да, сегодня я вышел раньше, чтобы успеть заглянуть в ресторан, в котором мы были с Отто (я успел заработать достаточно, чтобы иногда заглядывать к ним), и захватить для нее немного еды, чтобы она, отмывая свою бесконечную доску имен, не выдохлась.

Когда кто-то, кто тебе дорог, на волоске от небытия, это заставляет заботиться, знаете ли.

Любовь ли это?

Возможно.

Я еще сомневаюсь. Это слишком сложное чувство для таких простых, как мы.

– Али, ты оглох? – Отто навис надо мной, заглядывал в глаза и пытался привлечь мое внимание.

– Прости, дружище, – хлопнул я его по плечу, – задумался.

Да-да, не стоит удивляться: с этим хмурым и строгим типом я мог позволить себе такие вольности.

– Уж лучше бы ты больше думал о том, как ты себя ведешь, – буркнул Отто, смахивая мою руку, – на тебя жалуются. Спасатели говорили мне, что твои ночные вылазки за территорию участились и, ладно бы, если просто вылазки:

разведчики знают, что ты нарочно провоцируешь Боссов и киллеров. Я, конечно, пытался их уверить, что они ошибаются, что ты разумный парень, мой друг, и не можешь совершать такие глупости. И они мне поверили, пока поверили, Али, – он сделал акцент на слове «пока». Это «пока» такое недолговечное и такое зыбкое, что я понимал – они только и ждут повода развернуть. – Ты вызываешь угрозу на весь город, и за это тебе никто «спасибо» не скажет.

На Отто был серый сюртук и кепка. Он стал одеваться проще, когда мы подружились. Но ни его вид, ни его слова не заставили бы меня отказаться от моих планов.

– Я занимаюсь этим ради дела, – спокойно произнес я. Когда правда на моей стороне – бояться нечего.

– Решил натравить на город врагов? – его речь сочилась сарказмом. – Классный план.

Мой план был совершенно другой. И я думаю, что даже Дед уже понял, что я творю.

Интересно, рассказал ли он Отто или нет?

Ладно, расскажу сам.

– Это ради Дру, – произнес я шепотом, боясь, что нас услышат. Проходившая мимо Ластридия грела уши – я видел, как ее тело ненароком стала ближе к нам, а ее скорость значительно уменьшилась.

– Здравствуй, Октавиус, Алибастер, – кивнула она, когда заметила, что я внимательно на нее смотрю, – хорошего дня.

– И тебе, – кивнул я, молясь, чтобы она исчезла как можно

быстрее.

Жаль, что ходить в гости у нас не принято – так многие разговоры можно было бы сделать приватными.

– Причем здесь Дру? – наконец-то услышал я Отто, а не случайных прохожих. – Ты развлекаешься, потому что тебе скучно, а виновата она? Нет, я понимаю, что наша жизнь для тебя, такого великолепного, сильного и умного, не достаточно подходяща. Таким, как ты, нужны приключения. Новые земли, драки, – продолжал он, намекая, разумеется, на мою недавнюю стычку с Ленни. Но я ни о чем не жалел. Болящая челюсть и синяк стоили того, чтобы показать, что я о нем думаю. – Но и нас ты пойми: мы не хотим быть обнаружены всем войском одновременно. Тогда нам не выжить.

– Я делаю это ради нее, – прервал я его помпезную речь, – ты же знаешь, что она беззащитна? Так вот, Дед сказал, что способность можно вызвать, если подвергать себя опасности. Так вот: я получу способность и отдам ее Дру. Теперь мой план кажется тебе классным?

Лучшая защита – это нападение. Главное – не пасовать. Отто поймет меня.

Было видно, как тот задумался. Мое решение явно поразило его, и это было приятно – мне нравилось казаться необычным. Если бы Отто курил, он бы достал сигарету и затянулся бы. Но Отто вел здоровый образ жизни и поэтому, окинув меня взглядом, сухо кивнул.

В его глазах была гордость. Он гордился мной?

К Дру я почти бежал, потому что безбожно опаздывал. Она, наверное, подумала, что я передумал приходить, но это было не так: я собирался проводить каждый день с ней. Пока нет Войны. Я пытался утолить свое скучание или способствовал скучать еще больше?

Странная штука – ваша любовь. Мы говорим о ней мало. Потому что не нуждаемся. Эмпатия, сочувствие, сострадание, любовь... Это слова, набор звуков, которые, я уверен, мало кто, кроме меня, знает. Я уже не говорю об их значении. Его нет. В мире, полном пустоты, легко ли найти любовь?

Я бежал к ней, сжимая в руках измятый кулек с лакомством. Она стояла у места своей работы, не заходя внутрь. К Дру на работу постоянно приходят посетители. Най или Норб, Отто, другие жители – кто-то все равно болтает с ней, диктует, сообщает. Она всегда приветлива и радостна. Вот и меня она не бранила за то, что заставил ее ждать. Она просто рада меня видеть. И все.

– Привет, – счастливо выдохнула она. Наверное, переживала, что я задерживаюсь.

Я обещал прийти раньше – во время первого утреннего землетрясения, когда воздух волной залетал к нам, трепал волосы, сотрясал землю, но не так сильно, как в течение остального дня. Это разминка, чтобы начать день. Такие же по интенсивности землетрясения бывают и вечером.

Бывают и другие землетрясения: сильнее, опаснее. Но я

уже не хватаю рифы и не держусь за них. Я просто успокаиваюсь, выдыхаю и держусь на ногах. Если чувствовать под ногами землю и не волноваться, все заканчивается быстро и безболезненно. Никто не падает в реку, никто не ломает шею, все выживают и продолжают делать свои дела как ни в чем не бывало. Всего лишь одна из многих особенностей нашего дома. Подумаешь. Отто говорил, что выше такого нет. Там вечные камнепады, щелкающие звуки и то и дело звуковые воронки. Тоже не курорт.

Как и у всего – есть плюсы и минусы.

Я был рядом со своим полюсом, и это было так здорово, так хорошо, пока я мог видеть сияние ее волос в утреннем солнце.

– Как ты? – спросил я, охватывая этим вопросом все, что я хотел у нее спросить: ее самочувствие, ее состояние и настроение, ее работу.

– Теперь замечательно, – расцвела Дру, – ты же пришел.

«Ты же пришел» – это было лучшим подтверждением того, что все, что я делаю, – не зря.

Отто может хоть привязать меня, но я все равно буду бегать ночами от Боссов и от прочей нечисти, если это в итоге может помочь ей.

– Поиграем в камни? – спросила она, когда надоедливый и занудный Най ушел.

«Четверо родились», – сообщил он и даже ждал, пока Дру

сотрет два имени родителей и запишет новые имена появившихся детей. Вся работа Дру состояла из этого, пока я терпеливо сидел в углу и ждал, когда одни посетители уйдут, а следующие еще не появятся. Изредка мы перебрасывались парой фраз, потом ходили на обед.

Лакомство, мной принесенное, Дру взяла, но ее щеки так покраснели, что я не сомневался – она его есть не будет, а припасет для меня. Когда я буду очень голодным, мне же его и отдаст.

Играть в камни было интересно. Но мне было неплохо просто смотреть на ее, слышать ее голос, знать, что она здесь, что я не одинок, как Дед или Отто или тысячи других умирающих и рождающихся вокруг. Жизнь текла своим чередом, пока я был счастлив с ней.

– Давай, – согласился я, – ты же не сильно расстроишься, если проиграешь? – хвастливо спросил я. Я лукавил – Дру часто выигрывала. Даже чаще, чем мне хотелось бы.

– Я поддамся тебе, – успокаивающе произнесла она.

И мы раскинули партию.

Мы дважды сыграли вничью, а один раз я все же выиграл, но радовался недолго. Дру шепнула:

– Я же обещала поддаться.

Расстроился я немного.

Потом мы пошли обедать. Вместе стояли в очереди, вместе ждали, пока нерасторопная бригада сыра Коррингтена

отпишет каждому положенную порцию. Вместе с Дру было легче ощущать себя частью этого общества.

К тому же ей явно нравилось положение дел. Она не роптала, когда какие-то грязные ребята протиснулись вперед нас, заставив тем самым потратить еще пару минут на ожидание. Она не высказала недовольства, когда тарелка с едой упала ей под ноги и разбилась, обрызгав ее длинное платье. Я же посчитал, что тому, кто не удержал еду, руки явно следует перешить на положенное место. Но не высказал этого.

Дру с обожанием смотрела вокруг, поднимала глаза на небо и улыбалась ему. Она здоровалась со всеми приветливо и охотно, ей не приходилось даже сцеплять зубы, чтобы выдохнуть: "Хорошего дня! Приятного аппетита", и еще множество других слов, напрочь лишенных смысла.

Ей приносило удовольствие быть здесь. Я надеялся, что и быть со мной – тоже.

После обеда время тянулось быстрее. Я не успел оглянуться, как еще раз заглянул Най, осведомился о том, какие имена свободны. Приходил даже старик Уоррингтон, тот, мерзкий, из очереди. Мерзкий и честный. И почему-то жаловался Дру на несправедливость жизни – и сахара ему дали меньше, и воздух недостаточно чистый и вообще. Ему кажется, что мир полон лжи и обмана.

Не знаю, почему он решил вывалить это на Дру, но когда я уже был готов выйти из своего темного угла, где я пере-

кладывал наши игральные камни с места на место, тренируя удар, чтобы в следующий раз честно победить, как я понял, почему он пришел сюда.

Дру успокаивающе гладила его по плечу и кивала. Кивала, хотя я знал, что она не согласна с ужасом окружающего нас мира. Она любила этот мир. И она находила в себе силы дать понять недовольному и обиженному старику, что он не одинок в своей жизни. Даже если это и было так.

Если во мне и было что-то светлое, то это была она. Потому что к другим я относился не очень.

И Дру наполняла добром не только мою жизнь, поэтому ее все и любили. Поэтому к ней шли. И поэтому в ней находили то успокоение, которого больше нигде не было.

Пока я об этом думал, начало смеркаться. Становилось темнее.

Так как Най уже наведывался узнать имена, то Дру могла себе позволить отлучиться. Мы отправились к реке, где долго-долго сидели на берегу, о чем-то болтали и, как мне кажется, были счастливы.

Когда же тьма опустилась на город, я проводил Дру. У меня были дела. Разумеется, те, знать о которых она не должна была. Я соврал.

– Пойду, – сказал я, – отдохну дома. Устал.

Ложь, когда она во спасение, не считается ложью?

Другой вопрос: страшно ли мне? Мне должно быть страш-

но. Но когда цель оправдывает любые средства, для страха места не остается. Хотя да – Боссы были отвратительны. Они бродили по полям, по одиночке, нюхали землю, искали наши следы.

Киллеры встречались редко, я их почти не видел, но знал – они меня видят. Их красный лазер был нацелен в мою голову.

Честно говоря, я ожидал, что после разговора с Отто меня остановят. Я даже не ожидал другого исхода и шел за границу скорее по инерции, чем с надеждой. Я просто не мог не идти, не мог сдать. Я планировал двигаться в темноте – не слышно, как мышь. Слиться с тенью. Идти так, чтобы ни спасатели, ни разведчики – никто меня не заметил.

Но удача была явно не на моей стороне, когда под ногами попадались скользкие камни, спотыкаясь о которые я производил тот шум, которого не должно было быть. Я знал, что они меня слышат. Знал, что через мгновение мне преградят дорогу и отправят восвояси. Или под суд.

Но я шел, не собираясь останавливаться. Пусть хватают – я буду вырываться. Пусть следят и жалуются Отто – я не прекращу.

Но никто не гнался за мной, никто не останавливал. Я не оглядывался, но не слышал преследующих меня шагов, не слышал рупоров, которые велели бы мне остановиться.

Зато я заметил его. Огромного, громадного Босса. Слепыми глазами он водил вокруг, пробовал на вкус воздух, кру-

тился вокруг себя.

– Эй, ты! – смело крикнул я. – Вот он я – попробуй, поймай!

Я побежал вперед, подальше от города, вбок от Босса. Он меня заметил. Они прекрасные ищейки. Это единственная работа целого рода, так что нет сомнений – он попытается меня догнать. Зато скорость у них подводила. Они двигались медленно, будто перетекая. Лениво, грузно. Я считал это своим преимуществом и пользовался этим при любом удобном случае.

Я бежал, и воздух раздувал мои легкие. Споткнуться и упасть было нельзя – оглянуться тоже. Босс хрипел мне в след, ускоряясь, но так не мог достать меня своими нелепыми выростами, заменяющими руки.

Я бегал вокруг него, и от злости Босс бесился. Он не мог меня поймать и не мог пойти наперерез. Ума не хватало. Ему помогли бы напарники, но сегодня их не было. Вчера, например, я бегал от двух. Сегодня – проще.

Я ждал, что появится кто-то еще: киллер, ищейка, или, возможно, паук. Кто-то еще, кто-таки заставит мое сердце трепетать от ужаса, и мой ген сломается, даря способность.

Наверное, я должен почувствовать ее наличие. Сейчас я не чувствовал ничего необычного. Лишь одышку от быстрого бега и ветер, треплющий волосы. Славно, что я был подвижным и быстрым. И, наверное, смелым.

«Безрассудным и глупым», – сказал бы Отто. Я бы согла-

сился с ним, но не остановился.

Я притормозил. Босс выдохся – я ему уже надоел. Сегодня попался особенно ленивый – он грузно упал на месте и, дернув головой, втянул ее в плечи и захрапел. Класс. Ну ничего. Где наша не пропадала?

Я побежал дальше, вдоль границы города.

Второй Босс не заставил себя ждать. Я обошелся с ним так же, как и с первым, – закрутил его, и он так и не дотянулся до меня. А я и не испугался. К сожалению. Было бы просто, если бы опасность моей жизни настала бы раньше и мне можно было бы не бегать так долго. Дру уже могла быть в безопасности, но... Это оказалось сложнее.

Даже обидно, что меня не остановили – я мог бы подраться со своими же, и, возможно, мутация появился бы хоть от этого.

Завидев третьего Босса, который в этот раз был с компанией – с ним было несколько юных солдат, я чуть не подпрыгнул от восторга. Ночка обещала быть интересной.

Пока они приближались, я был на низком старте и оглядывал местность, прикидывая, как мне лучше бежать от них. В этот момент я заметил странное: линия желтых жилетов, выстроенная по границе города. Спасатели – а это были точно они – яркие и броские даже в темноте, стояли по стойке смирно и наблюдали за мной. Не приближаясь и не мешая, но они были готовы.

Наверное, зря я их заметил, потому что зная, что тебя защищают, испугаться было сложнее. Но у меня открылось второе дыхание.

Отто не собирался мешать мне – он правда меня понял. И спасатели поняли. Именно поэтому они позволяли мне это делать.

Позволяли так, как умели.

Я побежал быстро, так быстро, как только мог. Или даже еще быстрее.

Когда ночь закончилась, мутации не возникло. Я не чувствовал ничего лишнего, ничего нового. Я пробовал поднимать купол – он был на месте. Новой защиты не было. Но было еще нечто ценное, что точно принадлежало мне. Дни с Дру.

Я ходил к ней каждый день. Она работала, я наблюдал. Мы играли в камни и ходили обедать. Сидели на берегу. Дни сменяли друг друга, но у нас все было по-прежнему. Прекрасная Дру и несдающийся я.

Что такое любовь?

Умею ли любить я?

Не знаю.

Но когда я проводил ночи, навлекая на себя опасность, мне казалось, что да. Да, я умею. Или учусь. С дружбой вот у меня получилось.

Глава 9. Смерть.

Это был странный день. Все началось с того, что у меня все падало из рук: в прямом и переносном смысле. Я разбил банки на кухне. Разумеется, нечаянно – подвела координация. Потом споткнулся – камней во время обеда стало больше, и я с размаху чуть не впечатался носом в розовую землю.

Но это было цветочками: когда я услышал громкий голос, доносящийся из рупора, я не на шутку испугался:

– Всем срочно прибыть на поляну! Срочно! – говорил он.

Многие побросали свои дела и, шаркая ногами, поспешили на поляну для пикника. Я присоединился к толпе: на моей памяти такой клич был впервые, и мне оставалось гадать, что же случилось.

– Наверное, опять река выходит из берегов, – предположил мне мужчина, спешащий рядом со мной, – помню, было время: Война тогда была не слабой.

Все сводилось к Войне. Так или иначе. Как будто у нас единственная опасность – Война. Лично я ничего в ней страшного для себя не видел, только для Дру, а таких как она – единицы. И то, я занимаюсь этим вопросом и скоро его решу, так что Война скоро будет нам побоку.

Странно, что звал не Дед: голос был точно не его. После того, как он поймал меня в своем доме (благодаря стараниям Ленни, естественно), я хорошо запомнил его голос. Я ждал,

что этот голос меня выгонит, но этого, как вы помните, не произошло. Так вот: народ созывали спасатели.

– Разве не Дед объявляет Войну, и разлив реки, и все остальное? – спросил я.

Мужчина пожал плечами.

К сожалению, поблизости я не видел Отто, вот у него бы я все выяснил заранее. Но его не было ни с работниками кухни, ни с грузчиками, ни с кем из работников. Ну ладно, не так уж и страшно: мы все равно были почти на поляне.

В отличие от того вечера, когда я впервые увидел Деда, все стояли и никто даже не думал садиться.

«В ногах правды нет» – откуда-то знал я, но сделал как остальные: занял свободное место в полукруге и начал ждать стоя.

Напряжение витало в воздухе. Кто-то тяжело дышал. Кто-то шаркал ногой в попытке успокоиться. Кто-то едва заметно покачивался. Я видел все больше и больше знакомых лиц: Дру, Ная, Норба, тетушку Розанну с ее учениками – новым поколением, раздатчиков обедов, женщин в юбках, которых я успел запомнить. Не всех я знал по именам, но лица помнил. Нас было много, и мы были разные, но все одинаково ждали новостей.

Когда один из спасателей – особенно статный и внушающий доверие – вышел в центр, мне показалось, что все замерли. Воздух застыл, и я вместе с ним.

– С прискорбием и сожалением вынужден сообщить, – на-

чал спасатель. Слова давались ему нелегко, он то и дело оставался, делал паузы, но и без пауз его речь была медленной. Он строго дозировал информацию и наблюдал за тем, как ее воспринимает общественность. Нас было много. Сотни, тысячи. Все вылезли из своих нор, а те, кто не смогли, слушали в домах. Но я знаю, я не один не на шутку напрягся. Шутки были закончены – произошло действительно нечто страшное. – Что наш глубокоуважаемый Дед сегодня скончался, – закончил он.

В толпе прошел не то вздох сожаления, не то удивления.

– Не может этого быть! – заверещал писклявый голос откуда-то справа. Я даже не повернул головы, чтобы посмотреть, кому он принадлежал. Когда говорят о смерти – едва ли что другое имеет значение.

– Но это так, – ответил или ей, или всем, кто не верил, спасатель, – вы знаете, что Дед не мог иметь потомков, но когда-то и его век должен был закончиться. Это произошло сегодня. Он просто упал и... – спасатель остановился, чтобы взять себя в руки, – и не дышал. Всё.

И это все звучало потрясающе. Но не в значении «прекрасно», а в значении «потрясение». Все были потрясены. Такой сильный, такой здоровый Дед и... умер. Раз – и упал. Раз – и не дышит.

Признаюсь, когда первый шок прошел, я даже обрадовался, на миг, на мгновение: подумаешь, умер Дед. Когда нас сюда созывали, в голове каждого были мысли и похуже.

Смерть происходит. Все умирают. Но она становится настоящей только тогда, когда происходит рядом с тобой. С твоими близкими, с твоими знакомыми, только тогда она реальна. Остальное – миф.

– Имя Деда теперь свободно? – разрушила воцарившуюся тишину Дру. Все были в своих мыслях.

– Нет, – покачал головой спасатель, – нет, мы его увековечим. Мы никого больше не будем звать так. Это дань уважения. Все согласны?

Поднявшийся гул одобрения поддержал спасателя, и Дру кивнула. Она опустила глаза и на меня не смотрела. Наверное, ей было тяжело. Она ко всем относилась хорошо, а к Деду – особенно. Она его искренне уважала. И сейчас ей было больно. Многим было больно в тот момент. Меня поразили факт смерти Деда и слегка огорчил, но не оттого, что Деда больше нет, а оттого, что смерть правда существует.

– И теперь нам предстоит сложный выбор, – почему-то продолжал спасатель, хотя казалось, что все слова уже были сказаны, но он все говорил. Теперь его речь стала проще: – нам надо выбрать нового руководителя нашего города.

Я замотал головой. Где же Отто? Как я и говорил – настало его время. Я был обеими руками за его кандидатуру. Но его не было видно.

– На самом деле, кандидатур немного, – сказал спасатель, – нам нужен кто-то, кто по силам сопоставим с Дедом. Тот, кто будет руководить возведением купола и будет нести

ответственность за безопасность каждого.

Точно – почти дословно он описывал Отто. Отто, наверное, стоял где-то позади всех, примеряя на себя роль главного, и скоро, как только спасатель закончит свою речь, выйдет к нам в своей форме и покажет, что может быть не хуже Деда.

– Нимели не может поднимать купол самостоятельно, а наш многоуважаемый Отто отказался по определенным причинам, поэтому, кажется, у нас нет выбора, только как...

Неприятное скребущее чувство появилось под ложечкой. Мне казалось, на меня смотрят глаза Деда, в точности, как в тот раз, на том пикнике, когда я не знал своего предназначения, но знал что ничего хорошего его внимание мне не сулило. Вот и сейчас, несмотря на то, что Дед умер, а между словами «Отто отказался» и «нет выбора» прошло очень мало времени, но я успел понять, успел догадаться, что за всем этим последует.

– Назначить руководителем нашего города Алибастера! – закончил он.

Если бы мог – я бы упал в обморок. Честное слово.

Мир сужался: он сужался до устремленных на меня глаз, от которых по телу пробежал мороз. Казалось, все были поражены не меньше меня. Но это не им выпала сомнительная участь стать главным. Все это было похоже на шутку.

– Он же молод, -сварливо пробурчал старик Уорингтен, – молод и глуп.

Некоторые протяжно заузукали, соглашаясь. Признаюсь, я не сдержался и тоже начал спорить:

– Я не могу. То есть не хочу. То есть и не могу, и не хочу – и вообще, – я решил зайти с козырей, – я решил уйти от вас! Вот!

– Такова воля Деда, – провозгласил спасатель, разом отрезая все возражения, и мои, и не мои.

Но если Уорингтена и остальных эта фраза устроила, то меня не совсем. Когда это Дед успел выразить свою волю? Он что, написал завещание? Созвал собрание за несколько минут до смерти? Или что он сделал? Почему-то все сожаление о смерти Деда выветрилось, заполнив освободившееся место для эмоций злостью. Я злился. Дед и с того света решил помыкать мной!

– Предлагаю назначить Октавиуса! – попытался я, – он такой же, как я, но только мудрее, сильнее и...

Спасатель покачал головой.

– У Октавиуса есть причины, достаточно весомые, чтобы не давать ему власть, – пояснил спасатель, не вдаваясь в подробности.

Но сварливый Уорингтен и тут вставил свои пять копеек. Что за создание – везде видит только плохое! И зачем только Дру его утешает?

– Ага, знаем мы эти причины! – как можно громче сказал тот. – Сколько душ он загубил, когда возомнил себя королем? А потом сбежал, а? Сотни? Тысячи? Какое ему место

Деда? – не прекращал он. – Пусть работает – грехи замаливает!

Кажется, Отто рассказывал что-то о власти, но я не думал, что это окажется настолько серьезным.

– А этот что? Будет лучше? – послышался голос.

Я не знал. Честно, понятия не имел. Я знал одно: это не моя работа. Ответственность – это не про меня. Мне не нужен был этот город ровно настолько, насколько и я ему. Но почему-то мы были связаны сильнее, чем оба того хотели.

– В любом случае, у нас нет выбора, – заключил спасатель.

И я вышел в круг.

Мне не хлопали, не кричали, не вставали в моем присутствии. Да я этого и не хотел.

Слишком много дел на меня навалилось. Первым делом, пришлось переехать в дом Деда. Переносить его картотеку ко мне никто не хотел, к тому же, мне ясно дали понять, что его Дом полон секретов о городе и его жителях. Я даже обрадовался этому, потому что решил: я найду того гончара, которого спрятал от меня Дед. Я пытался, я читал карты, я искал, но на третьи сутки понял: Дед меня перехитрил. Он спрятал эту информацию или уничтожил. Что не облегчило мне задачу.

Во-вторых, ко мне по сто раз на день прибегали гонцы и что-то говорили: о рождении и смертях, о предвестниках Войн, о событиях на горизонте, о новых соседях, о перепра-

вах Элли вниз по реке, и еще о чем-то. Причем тут я? Зачем мне столько информации?

Чаще меня не кормили, и это было, конечно, в третьих. Никаких привилегий. Одни сложности. Вместо праздных шатаний по городу, вместо дней с Дру, вместо провоцирования Боссов, когда я бегал от них по окраине в попытке заполучить мутацию, было другое: дни полные тоски и ответственности. Все что-то от меня хотели, и это меня злило.

В первый день я пытался вникать в их слова, а потом направлять с их проблемами к Дру, к Отто, да к кому угодно. На второй я показательно их игнорировал. На третий ко мне никто не пришел, и я выдохнул. Припрыгивая от радости, я поспешил к Дру.

На улице на меня не смотрели, со мной не здоровались как-то особенно и, мне даже показалось, что меня замечают меньше, чем раньше: все были заняты чем угодно, но не делами. Центр пустовал, камни засорили дорогу. Ветер ходил ходуном, из пещер были слышны голоса: все бездельничали. Я хмыкнул. Хоть раз они занялись чем-то полезным.

– Я не буду тебе ничего советовать, – строго сказал Отто, когда мы увиделись. Я сказал ему, что в курсе его неудачного опыта, а он ответил: – Я ошибся, так что я не имею право тебе что-то указывать тут. Решай сам.

И я и решил. То, что меня предпочитали не замечать, а вместо работы теперь только и делали что отдыхали, мне нравилось больше, чем дела, навязываемые Дедом.

И тогда, спеша к Дру, я впервые подумал, что, возможно, на самую капельку я стану лучшим руководителем, чем был Дед. И все остальные. Я дам жителям то, чего у них не было. То, чего не было у Дру, у Отто, у меня, но что мне бы точно хотелось иметь. Я дам им свободу.

Свобода... Какое емкое слово. Дед заплатил за нее своей смертью, и мы все, от уборщиков до спасателей, принимали его жертву, мы все были рады отдохнуть. Мне больше не было грустно из-за смерти Деда. Его смерть стала иметь смысл, и я понял, что быть главным не так уж и плохо, когда ты можешь не только наказывать, но и поощрять. Когда ты можешь руководить. Когда ты можешь сказать:

– Эй, Коррингер, теперь есть можно всем когда угодно и сколько угодно, ты понял?

И он кивнет, насупившись, и безропотно отдаст лишнюю порцию тунеядцу, который палец о палец не ударил за день.

Я могу сказать:

– Эй, Силенсия, оставь свой разрушитель при себе, он никому не сдался!

Она, вероятно, поплачет, но прекратит наконец-то тратить свои силы не пойми на что.

Я скажу:

– Най и Норб, нечего шататься ко мне, мне неинтересны ваши новости! Вы все взрослые – вы сами можете решать!

А я займусь тем, что и планировал: добуду способность и

уйду с Дру. А они и без меня прекрасно справятся. Уж я-то их научу.

– Школа отменяется! – стукнул я кулаком по столу, когда вызвал к себе тетушку Розанну. – Никаких занятий! Пусть молодежь сама решает, кем ей быть.

– Но...

– Никаких «но»! – заявил я. – Вы просто не пробовали: природа все сделает сама, наша помощь не требуется. Я точно знаю. Наследственная память подкинет информацию, когда она понадобится. А как же она понадобится, если вы все рассказываете сами?

– Но... – снова попыталась Розанна.

– Я все сказал, – строго отрезал я, сбрасывая с плеч еще одну глыбу. – Мне еще и решать, готов ли молодняк к работе? Ишь чего удумали! Сами решайте. Я вам что?

С каждым днем становилось комфортнее. Дом Деда мне даже понравился: много места, тепло, светло и хорошо пахнет. Никакого портрета родственника, но и без него было на что посмотреть. Резные стены, украшенная лестница, много шкафов, полки со всякими премудростями. И я не понимал: почему он все это оставил мне?

Это дар? Или наказание?

Держу пари, Дед хотел меня наказать. Сбросить свой груз мне на плечи в отместку за непослушание, воровство и несо-

гласие с ним. Я же знал, что он будет мне мстить. Только вот незадача: Дед просчитался. Он не ожидал, что у меня хватит ума и смелости сбросить враз с себя все те ненужные дела, которыми он мастерски оплетал других годы напролет. Наверное, хотел почувствовать себя более значимым, чем он был. Я избавился от лишнего, и небо не упало мне на голову. Наш город не рухнул. Мало что изменилось, зато я стал свободен.

И мне это ужасно нравилось.

Что бы не хотел сотворить Дед, я вмиг обернул его наказание своим даром, и я очень гордился собой.

Надеюсь, Дру тоже мной гордилась, но она ничего не говорила, лишь качала головой и почему-то охала:

– Али, – говорила она, – так нельзя.

Но я ее не слушал.

Ночами я убегал за город. Я знал, в чем проблема моих неудач. В страховке из спасателей. Какая мутация может появиться, если я знаю, что меня спасут? Это даже не считалось опасностью. Я уже готовил речь, подбирая слова, которыми я вмиг обрею докучливую группу по спасению моей шкуры, чтобы они больше не лезли в мои дела. Я шел в ночной темноте медленно, перебирая в голове то, как быстро все изменилось.

Пару дней назад я почти смирился с укладом жизни тут; он мне все еще не нравился, но я честно оценивал свои силы

и знал, что мое мнение никого здесь не интересует. Теперь Дед умер, и от него ни осталось ни следа, а вся власть перешла в мои руки. Я делал, что хотел. И теперь глубоко скрываемые чувства: тщеславие и гордыня взяли вверх. Я всегда говорил, что наш род не добрый. Мы генетически плохие и создавать из нас подобие общества было... неразумным.

Все, что во мне было хорошего, носило имя Дру. Мое отношение к ней не изменилось, и я, правда, хотел достать ей злосчастную мутацию. И теперь у меня было больше шансов это сделать.

Каково же было мое удивление, когда я, выйдя далеко за территорию, не обнаружил по периметру ни одного желтого жилета. Они прочли мои мысли?

Что-то я не заметил их проницательности в тот раз, когда просил их выдать мне имя и адрес гончара. Почему-то все, у кого я спрашивал, были достаточно дерзки, чтобы сказать мне:

– Дед запретил выдавать его тебе.

Я злился. Как они могли мне так отвечать? Никакого Деда нет – есть я. И я хочу, нет, я требую, рассказать о нем! Это не помогало. Меня начинали игнорировать, и мне ничего не оставалось, как разочарованно фыркнув, отправиться по своим делам. Дел у меня было куча – жить в свое удовольствие. Теперь каждый сам за себя.

Поэтому сейчас я был удивлен: они выполнили мой приказ раньше, чем я его произнес. Учатся, стервятники!

В темноте я заметил бегущего на меня Босса. Сегодня он стал подвижнее и бежал быстрее. Но и я не промах: сразу же сорвался с места и полетел вперед. Скорость меня не подводила, но что-то шло не так. Я, едва поворачивая голову назад, замечал, что Босс ближе, чем должен быть. К тому же дыхание сбивалось, и я, преодолевая себя, двигался все быстрее и быстрее и мчался вперед. Босс бежал за мной.

Я, увильнув от огромного рифа, прикинул, что дело дрянь. Босс не отставал. Он не собирался проигрывать сегодня. И тут я испугался. Сверкая пятками, я припустил дальше, выбегая не просто за периметр города, а оставляя город далеко позади. Я слышал, как Боссов стало больше. Повернувшись, я увидел три прожорливые морды, смотрящие на меня.

Чертовы спасатели, когда они нужны, их никогда нет!

– Помогите! – заорал я, надеясь, что это не последний крик, который я могу издать. Что меня сейчас не сожрут.

Ответом мне была тишина и ни одного желтого жилета.

Воздуха уже не хватало, я задыхался, а ноги заплетались. И я понял: никто не поможет и никто не придет. Вот та свобода, которую я хотел. Ответственность только за себя. И я взял себя в руки. Я, вспомнив насколько Боссы неповоротливы и нерасторопны, описал вокруг них большой круг. На поворотах их тучные тела заносило, они кряхтели и тянули ко мне свои лапы. Потом я сделал второй круг – меньше по диаметру вокруг них. Мои повороты стали еще более резки-

ми. Я совсем осмелел. Третий круг я сделал так близко, что будь они поумнее, последний из них мог бы развернуться и побежать мне навстречу, но нет. Они догоняли. Уставать я стал меньше, а оторвался достаточно. Они мешали друг другу, толкались и совсем не понимали, что я планирую сделать. А я планировал получить способность, и я гордился собой. Все складывалось удачно.

Когда Боссы выдохлись, они поникли и опустились на землю. Я остановился, не почувствовав никаких изменений в своем теле.

– Вот черт! – выругался я.

И в тоже время подумал: «Как хорошо, что каждый занят своим делом. Пара таких пробежек, и я мало того что получу способность, я научусь быть еще хитрее.»

Я обрадовался и побрел туда, где никто не заметил моего отсутствия, а если и заметил, то не обратил на это внимания.

В городе было пусто. Все сидели по домам, только из кратера, где мы обедали впервые с Отто, доносилось чавканье и звуки отрыжки. Я удовлетворенно улыбнулся. Моих рук дело!

Под ногами было грязно и неубрано. Двое недавно родившихся лежали на дороге и орали. Тетушка Розанна бежала к ним, приговаривая:

– У нас пополнение!

Но никто не отвечал ей.

Дру продолжала делать свою работу, но без Ная или Норба это стало почти невозможным: нельзя быть в нескольких местах сразу и бегать туда-сюда, записывая имена. Я говорил ей, что ничего плохого не вижу в повторении имен, но она не слушала. По возможности продолжала работать, но место ее работы было далеко. Без гонцов она не могла знать, что здесь кто-то родился, и поэтому назвать и записать его имя тоже не могла.

Тетушка Розанна наградила меня гневным взглядом. Я ответил ей тем же.

Вскоре город стало не узнать. Никто никого больше не приветствовал, зато слышалась ругань. Най и Норб объелись, и теперь, завалившись на обочине, лениво переругивались. На другом конце улицы Ромония обзывала Кларэссу сухой, а та называла бывшую подругу грязной. Вместо работы начались праздные шатания. Толпы жителей бродили по улицам, заглядывали в чужие кратеры, тащили оттуда все, что плохо лежало. Построенная с таким трудом империя Деда рухнула. И я был этому рад. Так был рад, что смотрел на это, гадко улыбаясь.

Первым не выдержал Отто. Он, наутро заметив масштабы бедствия, завалился ко мне домой без стука и, не утруждая себя вводными словами, накинулся на меня:

– Ты что творишь? – закричал он. Я подавился своим сахаром.

Сразу поняв, о чем он, я откашлялся и сказал:

– Ты же сказал, вмешиваться не будешь.

Отто явно передумал.

– Я сказал? – вопросительно произнес он. В его взгляде сквозила злость, а Отто мог быть злым, когда хотел. Но он меня не пугал. – Я сказал, что не буду вмешиваться, потому что я был главным наверху! – прокричал он. – И я там такое учудил! Тотальный контроль! Я хотел все сделать идеально, и от количества работы жители умирали! И я решил. – Отто так и не смягчился, в его голосе появлялось все больше стали, – никогда больше не лезть во власть. Но ты... Ты сделал хуже меня. Ты распустил всех!

– Зато все свободны! – спорил я.

Историю Отто я уже примерно знал, поэтому не удивился. Я не сделал, как он. Я никого не убил. Я сделал лучше, совершеннее. Исправил ошибки Деда. Когда пройдет достаточно времени, чтобы все, в том числе такие консерваторы, как Отто поняли, что империя Деда была не лучше правления Отто наверху, мне еще спасибо скажут. Рано или поздно, наши глупо запаянные злые черты пробудятся, как пробудились мои, и все пойдет как по маслу. Отто что, действительно не понимал это? А мне он казался умным.

– Ты так и остался таким же ребенком, – произнес обидную фразу Отто, – а я думал, что ты вырос!

Он знал, по чему бить. Я больше не был маленьким и расценил это как личное оскорбление. Я врезал ему первым.

Схватка с Ленни показалась мне детской забавой по сравнению с тем, как мы дрались с Отто. Он был ловким и сильным, а я злым, таким злым, что мне самому становилось жутко. Я разбил ему лицо и выкинул прочь из дома. Я был так зол, что решил выгнать его из города. Я так и сказал ему:

– Если тебе не нравится мое правление, то проваливай прочь.

Дед тоже выгонял. Агрессивный кофе выселили, как я и ожидал. Тогда почему мне должно быть стыдно за мое решение?

Мне и не было. Отто, отряхнувшись, разочарованно взглянул на меня, точно перед ним был не я, а недостойный его общества слизняк, и ушел прочь.

Я не знал, остался ли он или покинул город. Потому что мне больше никто не докладывал.

Глава 10. Катастрофа.

Войну не мог отменить даже я. Циклично и закономерно, после каждой небольшой жары, после пары сильных землетрясений она начиналась. Глупо было надеяться, что со смертью Деда Война исчезнет. Казалось, что со временем атаки становятся все чаще – не зря Дед предостерегал об этом. Но ошибся в другом: в этот раз Война была особенно сильной.

Небо не алело. Жары не было: давно стоял холод. Может, горные жители снова неприлично вели себя, а может быть, Войне уже не нужен был повод. Оружие сменилось. Я понял это сразу, когда объевшиеся (оно и понятно, работа у них все-таки была нервная) бывшие спасатели, которые больше всех валялось на улице, умирали в конвульсиях сразу, как вдыхали. Поднялась паника.

Война началась утром. Многие не успели уснуть. Без разрушителя Силенсии другие неподвижные были слишком напуганы, чтобы сделать что-то самостоятельно. Они закрывали ставни и кричали. Я их не видел. Взглянув на быструю смерть спасателей, я точно знал, что мне нужно делать. Схватив одну из опустевших банок (а в городе почти все банки с недавнего времени пустовали), я, дыша в нее, побежал к Дру. Я не знал, но догадывался, что отравлен даже воздух, не говоря уже о пище, воде, земле под ногами. Я пытался иг-

норировать окруживших нас Боссов. Они подошли близко, потому что никто их никто больше не отвлекал.

Я не мог позволить себе не смотреть, как умирали мои знакомые. Я только мог отвести глаза, когда тучные тела Боссов окружали Ленни и его сестру, переваривали их. Я только мог игнорировать то, как Най отбивался от взявшего его в окружение юнцов. Я пытался избавиться себя от лишних страданий по поводу их мучений. Я знал их всех: тех, кто падал и умирал, пока я, сократив почти полностью дыхание, бежал, что есть мочи к Дру.

Неужели она умрет сегодня?

Я бежал. В городе звучала паника, и слезы, и страх. Я замечал, как некоторые, особенно слабые, по привычке тянутся к обыкновенным границам спасительного купола, который сегодня никто не поднимет. Мне не хотелось ничего слышать. Я не хотел видеть, как те, которых я только недавно сделал свободными, умирали вот так вот глупо. Война. Почему она происходила?

Почему она забирала лучших? Или худших – это не важно. Умирали все одинаково. В моей душе поднималось дикое негодование к Войне: как она смеет происходить?

Ноги жгло. Я задыхался. Мне хотелось верить, что с моими выдающимися способностями со мной ничего не случится. И я верил. И лишь поэтому еще бежал.

Место работы Дру приближалось. Она была обижена на меня. Конечно, я не совсем понимал ее причину, я не сде-

лал ничего дурного, но сейчас было не самое лучшее время для выяснения отношений. Сейчас надо было спасти ее, хотя бы попытаться. Я смутно представлял, что буду делать, когда добегу, но все равно бежал.

Что-то нужно делать во время опасности, чтобы не поддаться панике.

Моя идея с банками сработала: я стал замечать, как некоторые прятали в них головы, как страусы в песок, и задерживали дыхание. Это помогало им стоять на ногах и убегать подальше от надвигающихся Боссов.

Но делали это немногие. С такими темпами смертей, подойдя к порогу работы Дру, я буду вынужден перепрыгивать через умерших. Никакие чистильщики и уборщики не справятся с тем количеством зловонной жижи, океаны которой разольются после сражения.

Кто-то кричал. Сильно и громко. Я мысленно вставил беруши, чтобы не слышать их. Кто-то стонал: его задел Босс или атака, что, в итоге, было неважно: ему все равно умирать.

Утром я не думал, что сегодня мне придется видеть так много боли, страданий и смерти. Почему это выпало на мою долю? И Дру. Что с ней? Как она?

Я добежал быстро, но мои ноги устали еще быстрее. Но это было нормально: отсутствие кислорода уменьшило мою выносливость.

– Дру! – закричал я, влетая к ней и ударяясь ногой о валун,

который лежал у двери.

Я заметил ее. Дру сидела в углу, сжавшись, обхватив руками колени, и раскачивалась из стороны в сторону.

– Дру? – уже тише и не на шутку испугавшись произнес я. Я шел к ней медленно, боясь спугнуть. И даже боясь подойти ближе, потому что я не хотел видеть, что с ней на самом деле.

Заметив меня, она подняла свои заплаканные глаза и, хлопая длинными ресницами, сказала:

– Али, их так много умирает.

По сравнению с ее тревогой, Дру была такой маленькой. Она, как всегда, переживала не за себя. Я счастливо выдохнул. Она не пострадала. Пока что.

– Это неважно, – отмахнулся я, – главное, ты цела. У тебя есть пустые банки?

Она непонимающе глянула на меня, а я поднял в воздух свою банку-дыхалку и продемонстрировал ей.

– Бери и дыши в нее. Воздух отравлен.

Дру сделала пару шагов к доске, на которой теперь царил страшная неразбериха. Имена были зачеркнуты, а потом написаны вновь, были зачеркнуты сами зачеркивания, а потом жирно обведены. Не было времени разбираться еще и с этим.

Дру подняла с пола банку, из которой я недавно ел. Прошло так мало времени, а казалось, это было в прошлой жизни. Лакомства ей не досталось, но пустую банку она сохранила.

– Пойдет?

Я кивнул. Она сделала, как я велел, сев прямо около доски.

– Иди ко мне, – позвала она, сделав пару баночных вдохов, – переждем вместе.

– Я не могу, – помотал головой я, – я могу быть отравлен, еще и тебя заражу.

В моих словах была истина. Эта гадость могла прилипнуть на ноги и притащиться сюда, мое тело могло пропитаться ей. Для Дру была смертельна даже капля этого убивающего вещества.

– На улице кошмар, – сказал я, тоже пару раз вдохнув. К щекам Дру возвращалась краска, и я захотел немного поболтать. Очень уж тяжело было переживать увиденное в одиночку, – умирают почти моментально.

– Дед говорил о таком, – сказала Дру, – иногда появляется новое оружие, которое мы пока не знаем. Первые атаки самые сложные. Очень плохо, что они случились, когда... ну... ты знаешь.

Она замялась, а я понял, о чем она.

«Когда ты выгнал Отто». «Когда ты не поднял купол».

– Но ты же еще жива, – заупрямился я. Пока Дру дышит, даже из чертовой банки, я ни в чем невиновен.

– Я – да, – ответила она громче, чем требовалось, – а они?

– Какая разница, – упрямо буркнул я и задышал чаще.

Разговаривать перехотелось.

Все стихло. Я посчитал до десяти, прежде чем встать на ноги и подойти к двери прислушиваясь.

– Сиди здесь, – велел я Дру, которая уже собиралась встать следом за мной, – я проверю, что там. Подозрительно тихо.

Я не знал, послушается ли она меня, поэтому, выйдя, сразу же подкатил камень-валун, подпирая им дверь. Возможно, ей хватит сил его сдвинуть, но так я хотя бы услышу ее и смогу отправить обратно в дом.

Оглядевшись, я сразу понял, что Дру с домом повезло, потому что дома других были почти разрушены. Везде стояли желтые лужи, они затекали в кратеры, разрушая их. Ах, да. Как я сразу не подумал! Отто и Дед точно подумали об этом заранее: они укрепили дом Дру. Иначе почему дом сохранил ей жизнь?

Ничего хорошего вокруг не было. В первый момент мне показалось, что звуки стихли потому, что никого в живых не осталось. Но я ошибся. Разглядывая внимательнее, я уловил шевеление: спасшиеся начали выползать из укрытий. Некоторые просыпались. Они так же непонимающе оглядывались по сторонам и, шокировано наблюдая то, как мало нас выживших осталось, не сдерживали крик. От некогда гигантской колонии осталось пара сотен нас – не больше. Капля в море.

Конечно, проснулись еще не все. Конечно, не все вернулись в город. Конечно, недвижимые еще не открыли окна.

Но даже с этими допущениями: спасшихся было мало. Так нещадно мало, что я по глупости крикнул:

– А где все?

Неудивительно, что мне никто не ответил.

Камень скрипнул и откатился прочь. Вышла Дру. Я не сказал ей вернуться обратно, потому что атака явно на сейчас закончилась. А еще потому что я был удивлен скудными группками, которые, поддерживая друг друга, брели по желто-зеленым улицам, утопающем в гное, и даже не смотрели на меня.

– Что это было? – прошептала Дру. Я знал, что ее глаза вновь полны слез. Она рассматривала не живых, а мертвых, чьи бранные и порванные тела валялись вокруг. Вот кого было много. Вот как быстро город стал кладбищем.

Война закончилась. Я был жив. Дру была жива. Разрушительные последствия видел не только я один, но легче от этого не становилось. Скорее, наоборот.

Чистить улицу было некому. Привозить еду было некому. Успокаивать было некому. Пережившие самую разрушительную на моей памяти атаку бездельно слонялись по округе, лениво перепрыгивая через лужи. Им было даже все равно, что по остаткам мертвых их найдут киллеры и другие убийцы. Им было даже все равно, если их ноги разъест гной. Они были похожи на призраков. Наверное, мы с Дру тоже выглядели не лучше.

Знакомых лиц среди выживших я не видел. Не было Ная и Норба, не было тетушки Розанны, Ленни и его сестры, не было Отто, не было Силенсии, Лиммонтиаса, старика Уоррингтона, Нимели, никого. В моей голове не укладывалось, что они все мертвы.

Но факты были упрямой штукой. Никого не было. Они не могли просто так не встретиться нам вот уже в течение суток. За сутки мы прошли город дважды. Потом трижды я дрался за еду с бывшими соседями. Мы больше не были подмогой и поддержкой друг другу – мы были врагами. И мне было абсолютно все равно, где они отхватили остатки неотравленной еды, я просто хотел ее забрать, чтобы съесть. Дру сказала, что не голодна.

Гной когда-нибудь должен был исчезнуть. По ночам приходили ищейки, хватали куски и убегали в темноту. Но убийцы не приходили, и я знал почему: таких же в живых не осталось, – они были мертвы. Не за кем было идти. Ветер и река, снега и время постепенно уносили остатки Войны в небытие. Город постепенно очищался, но живет не становился.

Было так много пустого места, будто он ждал, когда выжившие разделяться и вновь наполнят его жителями, но это так быстро и так просто не происходило. Потому что работало не так. Были некоторые законы, и размножение только тогда, когда придет время – один из них.

Легче не становилось.

Неприятное саднящее чувство наполняло меня, когда я

видел, как от недавно цветущего города остались руины. Я сожалел об этом. Я винил Войну, несправедливость, нерасторопность погибших и кучу других событий, не видя главного.

На третью ночь одиночества, когда земля была почти чистой, а отголоски Войны остались лишь в нашей с Дру памяти, я увидел их. Новых недвижимых. Горошины. Похожие на виноград: круглолицые, гладкощекие, держащиеся вместе. С их появлением воздух стал жарче.

– Вы откуда? – недружелюбно заговорил я.

– Прилетели, – загоготали они, издеваясь, – по воздуху.

Пока один упражнялся в остроумии, другой уже подхватывал:

– Как птицы. Кар-кар-кар.

Они глумились надо мной в открытую, и я разозлился, так разозлился, что у меня начали гореть щеки. Или стало еще жарче. Они притащил с собой лето?

– Вали отсюда, – крикнул мне третий, – чтоб мы тебя больше не видели.

– Теперь это наша земля, – поставил точку четвертый.

Я соорудил недовольную мину и ушел. Хорошо, что они были недвижимые и расположились на окраине. Если что – всегда можно вытурить. Недвижимых я не боялся даже в одиночестве.

Но на другой день, когда я заметил подобных уже не на окраине, а на первой улице города, я напрягся значительно

сильнее.

– Закат алый, – подтвердила мои худшие опасения Дру.

Я посмотрел на линию горизонта. Действительно, она стала другой: яркой, очень красной и болезненной. Она, как купол, опоясывала ток реки, по которому спускались вниз Элли, и заканчивалось немного ближе гор. Небо алело. И это цвет был ярче того, что я видел раньше. Да что там я: Дру тоже такого не видела. От этого в ее голосе сквозил страх.

– Это значит Война, – вспомнил я ее самое первое предостережение после нашего знакомства.

– Даже хуже, чем просто Война, – ответила Дру, глядя на меня.

Да, действительно, было хуже. Жара усиливалась с каждой минутой. Мне уже становилось просто интересно, до какой температуры наш город может раскалиться и когда начнется пожар. Я не знал, как это остановить. Можно было бы залить водой из реки, но, во-первых, она была ядовитой для нас, а во-вторых, как мы справимся с этим в одиночку? Слишком много работы. Я даже представлял, как все зашипит, когда на раскаленную землю выльют воду.

Если конец света существовал, то он происходил сейчас.

Я хотел есть. Я хотел дышать безопасным воздухом. Я хотел расслабиться, но у меня не получалось.

– Кто они? – спросила Дру, кивнув на увеличивающееся на глазах количества круглолицых. Она-то думала, что мы с ними дружески поговорили, и я мог сказать ей, мол, все в по-

рядке, Дру, они не опасны. Ей нужно было утешение, но я не мог ей его дать.

– Они новенькие, – сказал я, мысленно дорисовав им широкие штаны, шапки-панамки, чтобы они стали похожи на обыкновенных туристов хотя бы в моей голове. Так я мог реагировать на них спокойно.

Куда делось мое желание устраивать драки?

С ними оно исчезло, потому что я больше не чувствовал себя в безопасности. Ведь это так легко: кичиться силой, когда рядом с тобой Отто. Когда рядом Дед. Когда рядом спасатели, и ты можешь мнить себя героем, бегая от Боссов. Сейчас тут почти никого не осталось. А те, кто остались, ни за что не стали бы мне помогать. Мы все – плохие.

Я был слабее. Новеньких было много. А меня мало. И, кажется, я начал медленно понимать, почему Дед создал город: потому что вместе мы могли гораздо больше, чем в одиночку.

От своих мыслей меня затошнило. Я не должен был так думать!

– Мне стоит бояться их? – Дру будто читала мои мысли. Но, кажется, от первого осознания истинного положения дел, все было написано у меня на лбу, а Дру умела читать и меня, и буквы. Она поняла.

Я кивнул. Да, ей стоит. Нам всем стоило их опасаться.

Мы сели около одного из Рифов. Земля успела очиститься от яда достаточно, чтобы даже Дру сделала это без опасений.

Она была голодна. Я был голоден. Но рядом не было никого из наших, у кого можно было бы отобрать еду. Но сейчас я бы, скорее всего, ее просил бы. Вероятно, умолял. Но точно бы не дрался. Спесь сошла с меня, окатив холодным душем. Посреди пылающей земли меня начала бить дрожь. Дрожь волнения. Я не знал, что будет дальше.

Мы сидели почти на трубе отопления. Всё пылало. Но идти было некуда. Дру отказывалась возвращаться на работу, и я понимал ее: за закрытыми дверями не было потока воздуха, что делало жару там вовсе невыносимой. Ее работа была бы похожа на баню, но у нас не было березовых веников, чтобы насладиться этим. Пребывание там стало бы мучительным. И была еще одна причина. Так или иначе – дом Дру спас нас во время последней атаки, и мы могли бы там укрыться во время следующей. А для этого не стоило ходить туда часто, чтобы не принести с собой заразу. Одним словом, нам нужно было укрытие, когда Война снова начнется.

Если честно, в следующий раз я даже не рассчитывал на хороший исход. Я настраивался на плохое – в одиночку нам больше не выжить.

Да еще и эти....

Туристы, чтоб их.

Мы смотрели на них, потому что больше смотреть было некуда. Дру, наверное, от меня тошнило. Еще бы, в ее глазах я был виноват во всем. Даже если ее огромного сердца и хватило, чтобы меня простить (даже когда я не извинялся), то

ей стоило бы винить меня. Ее стеклянные глаза, как и мои, уловили движение среди туристов. На глазах их становилось больше.

Я не знаю, соврали ли они мне, сказав, что прилетели по воздуху, но сейчас это и правда выглядело так. На фоне пылающего неба их толпа стала в разы больше. Они не двигались, но их быстрое размножение заставляло поверить в другое: они перемещались. Но не конечностями, не странными подергиваниями тел, ни другими способами, которыми нас наградила природа, а количеством. Они так быстро плодились, в отличие от нас. Видимо, среда была подходящей.

Спустя несколько минут они достигли второй улицы. Пока мы сидели, глядя на них, я устал пририсовывать им штаны и панамки. Даже это занятие больше не приносило мне удовольствие.

– И что дальше? – спросила Дру, наконец-то поворачиваясь ко мне.

Я потупил взгляд.

– Мы уйдем, как и хотели, – ответил я, понимая, что нет – сейчас мы не уйдем. Скоро будет Война, а кроме места работы Дру – мне нечем ее защитить. Я смалодушничал, не взяв ее с собой сразу, когда Войны были слабее, когда чужаков не было. Возможно, пока Дед был жив, мы бы успели дойти до безопасного места, где Войны не было бы. Но тогда я испугался брать на себя ответственность за нее. И что в итоге? Я позволил себе управлять городом! Городом, который жил

прекрасно и без меня, а со мной погиб.

Та мысль, приближение которой я уже чувствовал, наконец-то проникла в мое сознание. Я развалил всё. Отто пытался предупредить меня. Дру тоже. А я все испортил вот этими вот руками. Я мог сколько угодно не любить Деда. Я мог презирать его порядки. Но рушить все, что было, я не имел права. Мои руки испачканы с желто-зеленой жиже. Я виноват во всем.

Ошибка. Ошибка. Ошибка.

Пожалуй, имя Алибастер мне не подходило. «Ошибка» отражало меня лучше. Жаль, что стена Дру перестала работать, я не могу себя переименовать.

Я опустил голову на руки. Мне не хотелось плакать, просто хотелось уснуть. Исчезнуть и больше не существовать.

Дру погладила мое плечо. Жест поддержки помог мне почувствовать себя сильнее, но лишь на секунду, пока осознание полностью не упало на мои плечи. Отто. Что с ним? Где он? Почему я так просто выгнал единственного друга, с которым я правда хотел дружить?

Я не верил, что он погиб. Я не мог поверить в это, потому что такие сильные, как Отто, не умирали. Но реальность была сильнее, чем домыслы. Вокруг было так пусто, что только обжигающий ветер пересекал пустыню, в которую превратился город. Нет-нет, пора прекращать лгать. В которую я превратил город.

Розанна, которая учила меня.

Най, который встретил меня после рождения.

Коррингтен, который всегда добывал еду, а я до сих пор не знаю, как он это делал.

Уборщики. Чистильщики. Спасатели. Дед. Никого больше не существовало.

– Пойдем отсюда, – позвала меня Дру и встала с земли, протягивая мне руку, – жарко сидеть. Да и эти, – кивнула она на туристов-залетчиков, – скоро будут тут.

Я понимал, что они права, и нам надо угодить. По ощущениям, мы сидели на трубе отопления, и она ощутимо припекала. Но с другой стороны, уходить и позволять новым забирать нашу территорию мне не хотелось.

– Они займут наше место, – озвучил я очевидное.

– Да, это лишь вопрос времени, – кивнула Дру, – когда никого не остается из старых, приходят новые. Наш город – подходящая для жизни территория.

Мне всегда нравилось в ней эта способность с высоко поднятой головой принимать неизбежное. Эта девчонка каждый миг стояла на пороге смерти. Она бегала за камнями под ее чутким взором. Но она никогда не давала себе слабину, не позволяла раскиснуть. И сейчас она говорила, что любимый ею город (а она любила каждого его жителя, каждый клочок земли, саму землю. Я видел, как ее глаза светились при взгляде вокруг) захватят другие, те, кто не даст жизни ни нам, ни тем, кто ухитрился выжить. Они будут разжигать Войну, неведомую по силе и, когда, если, все это закончится,

город не станет прежним. Но в ее голосе не было сожаления. Она была достаточно сильной, чтобы принять даже это.

– Берегись! – закричала Дру.

И я сначала почувствовал, а потом увидел, как несколько Боссов подкрались к нам со спины и сейчас тянули свои скользкие лапы к нам. Дру взвизгнула и побежала. Я побежал за ней. Краем глаза я успел увидеть движения в рядах новичков: Боссы пришли и за ними и сейчас активно поедали их. Может, хоть это остановит их неконтролируемое размножение. Может, их съедят полностью. Но верилось в это с трудом: туристов было много, а Боссов мало.

Я бежал, как будто по раскаленным углям. Если бы я носил ботинки не только в своей фантазии, но и в реальности, их подошва уже оплавилась бы. Дру бежала рядом. Она часто дышала, но не отставала.

От Боссов мы оторвались быстро по двум причинам: первая – они не захотели за нами гнаться, выбрав добычу легче – недвижимых. И второе, мы заметили, как появляется армия киллеров и ищеек: и юных, и стариков. Все они шли рядами, их было много, так много, как я никогда не видел раньше. Страх позволил нам бежать быстрее.

Когда мы оказались у места работы Дру, я успокаивал себя мыслью о том, что они все пришли за недвижимыми, и помощь пришла, откуда ее не ждали. Враги стали друзьями. Но я снова одернул себя. Прекрати врать! Они пришли и за вами. И они не уничтожат всех их. Точно не сразу. Ваш го-

род больше не ваш.

Мы открыли дверь, зашли в кратер, приперли дверь камнем. Это, возможно, немного поможет нам. Эти мысли успокаивали, но не сильно. Без пищи мы продержимся недолго.

Меня замутило. То ли от быстрого бега, то ли от голода, то ли вновь вернувшегося осознания: это все моих рук дело.

Я подошел к доске. Пишущие камни валялись внизу. Я чувствовал на себя взгляд Дру. Я поднял камень и принялся искать свое имя, надеясь, что я смогу сделать хотя бы это. Ни с чем другим я не справился. Пробежав глазами несколько столбцов, я наконец-то увидел его: «Алибастер». Рядом было приписано «Али». Я решительно зачеркнул. Дру вычеркивала умерших, но я не умер от того, что мое имя на доске перестало существовать. Вместо него я накарябал: «Ошибка».

Дру, не мигая, следила за моими движениями и так и не решилась подойти ближе. Немного склонив голову, она несколько раз прочитала написанные мною буквы и, наконец, когда я плюхнулся на землю, тихо, едва слышно, произнесла:

– Ошибки надо исправлять.

Я не знаю, это ли она имела в виду, когда сказала эту фразу. Не знаю, правильно ли я понял. Не знаю, осознавал ли я свои силы и возможности, но мотивации мне оказалось достаточно.

Я еще не придумал как, но я знал одно: я все исправлю.

Если Дед смог построить все с нуля, то смогу и я.

Глава 11. Ответственность.

Я покинул Дру, наказав той оставаться в доме, что бы ни случилось. Я уже понял, что за этими стенами она будет в большей безопасности, чем если отправится со мной. Нужно осмотреть другие кратеры. Почему мне не пришло это в голову раньше?

Маловероятно, что кто-то выжил. А если выжившие и существуют, то они не станут меня слушать, но попытка – не пытка, верно? Сейчас любое действие лучше бездействия, потому что дни нашего города сочтены.

Выходя наружу, я был готов это увидеть. Толпа разномастных врагов, убивающих туристов. Я даже бровью не повел. А просто побежал. Потому что пока они заняты залетчиками, у меня есть фора.

Закат все так же алел. Как раскаленный провод, он краснел все больше и больше. Я вздрогнул от землетрясения, но сразу же нашел потерянное равновесие: ничего необычного, я был уже с ним знаком. Я быстро добежал до первого кратера. Уже и не помню, кто жил там. Да разве это важно в сложившихся обстоятельствах?

– Ау! Есть кто?! – закричал я, устремляясь вглубь.

Ответом мне была тишина.

Ладно, один пустой кратер еще ни о чем не говорит. Пытаясь не растерять надежду, ведь кроме нее у меня ничего не

было, я покинул дом и устремился к следующему. На улице ничего не изменилось. Это было к лучшему: только крики ужаса туристов заглушали мои мысли. И поделом им. Они что, думали, мы тут живем в раю?

Другой кратер был не такой глубокий. Я залез туда и сразу обвел взглядом открывшееся моему взгляду пространство. Даже кричать не стал – без этого было ясно, что внутри никого нет.

Разочарованно вздохнув, я выбрался наружу. Другой дом стоял ближе к тому месту, где Боссы пожирали туристов. Они дрыгали руками, шумели, но никто не мог им помочь. Я видел, как объевшиеся Боссы падали на землю и не могли больше двигаться, видел, как киллеры сдавали свои позиции, будто эта возня не была достойна их внимания. Юнцы и старики превращались в гной. Туристов стало меньше, но совсем они не исчезли. Я оказался прав: так просто от них не избавиться, потому что увеличивались они в геометрической прогрессии. Стоило только моргнуть.

Мне не было страшно приближаться к ним, потому что мною двигало одно желание: найти выживших горожан. И оно, кажется, было настолько правильным, что, ведомый им, я не имел права бояться.

В третий кратер я вошел почти беззвучно. И, кажется, это было ошибкой.

– Что тебе тут надо? – недружелюбно встретили меня.

Голос показался незнакомым, но когда старик Уорринг-

тон вышел навстречу, преграждая мне путь, я тотчас его узнал. Вместе с ним вышел еще один, моложе, клокотание которого я слышал, когда зашел. Я подумал, что это, должно быть, его племянник.

– Разрушил все и думаешь, что имеешь право заваливаться сюда? – старик Уоррингтон от возмущения, видимо, не сразу нашел, что сказать мне.

– Я все исправлю, – горячо пообещал я. Но Уоррингтон точно не тот, кто может мне поверить. Он даже не попытается сделать это, но я не мог его винить.

– Вон из моего дома! – крикнул его племянник и запустил в меня пустой банкой, которая стукнулась о пол и разбилась на осколки. Мне было неприятно.

Чувство, что меня облили помоями, поднялось в груди. Я почувствовал себя, как в тот раз с Ленни, когда Уоррингтон сказал нам то, что мы, конечно, заслужили, но что никто не дерзнул высказать нам в лицо. Уоррингтон же окропил нас позором. Таким же позором обтекал сейчас я. В первый момент я хотел убежать. Просто сорваться с места, вернуться в убежище Дру и, как страус воткнув голову в песок, больше никому не показываться на глаза. Но что-то, что появилось во мне недавно, что-то, что больше никогда не позволит мне быть прежним, помогло мне остаться на месте. Помогло поднять голову и сказать ему, глядя в глаза:

– Почему вы такой злой?

Он насупился и посмотрел на меня.

– Почему-почему... – сварливо произнес он, – потому что я не злой, а честный. Только наше лживое общество принимает честность за злость и ты, как его горе-начальник, мне лучше скажи: отчего оно так?

Его племянник молчал, но выглядел так, будто был полностью солидарен с ним.

– Только кому нужна такая ваша правда? – произнес я.

Помнится, я и сам видел ложь в каждом встречном. Но сейчас, когда встречных больше не было, а был лишь раскаленный воздух и обжигающие воспоминания о мирной жизни, я наконец-то понял, что дружелюбие, увиденное мной, могло и не быть ложью. В городе, в достатке, в безопасности, что им, а точнее, нам, было делить? И кого ненавидеть?

Возможно, во мне говорило чувство вины, но какая теперь разница?

– Видимо, не тебе, паршивец, если ты не понимаешь, что ты разрушил всё то, что мы с Дедом так кропотливо создавали.

– Вы... были с Дедом? – спросил я, опустив то, что свою вину я осознаю даже лучше, чем он может думать.

– Не с самого начала, разумеется, – фыркнул Уоррингтон, – столько прожить я не мог бы, но... – пауза, следующая за «но» была достаточно длинной, чтобы я напрягся, – но я помогал ему с основными... э-э-э... порядками.

Я ждал продолжения.

– Экзамены в школе, предназначение, охрана недвижи-

мых – это все мои идеи, – продолжал старик, – но методы Дед выбрал более мягкие. А я говорил ему, что его вера в лучшее – до поры до времени! Появится тот, кто испортит то, что держится на честном слове. Принуждение, штрафы, наказания – то, что предлагал я. Путь лживой вежливости – то, что выбрал Дед. За что и поплатился, – зло выплюнул он. – Все было не так, – покачал головой я.

Неужели я, правда, считал, что законы Деда – строгие?!

Уоррингтон хмыкнул.

– А как же еще? Он заврался, вы все заврались! «Здравствуйте, пожалуйста, благодарю», – кривляясь, передразнил он, – тьфу! Смотреть противно. Зато я один был верным себе – я говорил, как есть, не лебезя, не боясь, не притворяясь. И сейчас говорю: проваливай! Ты был полезен только тем, что подтвердил мою теорию, больше ты ни на что не годен.

Его слова должны были меня обидеть, зацепить, но все, что я чувствовал, уходя, была ясность. Я ошибался, ненавидя их всех. Я ошибался, желая полной свободы. Я ошибался, разрушив все то, что было полезно. Наконец-то мои глаза перестали быть по-детски закрытые, и я прозрел.

В следующий кратер заходить было тяжелее. Не столько физически, сколько морально. Но когда я увидел, что врагов около туристов все меньше, а это значит, что те выдержали атаку и никуда не денутся с нашей земли, взял себя в руки и смело пошел дальше.

Оказавшись внутри, я сразу заметил свет в глубине. Там был кто-то, там кто-то был. Если уж Уоррингтон выжил, то неудивительно, что выжил кто-то еще.

Я радостно побежал на свет.

– Эге-гей! – закричал я. – Вы тут?

Передо мной открылось подобие кухни. Большой стол, за которым помпезно обедали трое. Они повернулись, увидев меня, а я не попытался скрыть улыбку.

– Привет, – выдохнул я, – я так рад, что вы живы.

Я почувствовал восхитительный аромат лакомства, которое они ели. Мой живот предательски заурчал, и я уже представил, как мы все счастливо обнимаемся и они меня кормят.

– Ты кто? – спросила меня женщина в большом парике.

– И с чего ты врываешься в наш дом? – подхватил ее возмущение мужчина.

– Я вместо Деда, – лепетал я, – вы же помните Деда?

– Деда помним, – деловито кивнула женщина, – а вот тебя нет.

Еще один мужчина подергал ее за рукав, привлекая внимание. Он зашептал так громко, чтобы слышал и я:

– Это же тот, который все отменил.

– А-а-а, – наконец-то понял другой мужчина и до того, как я спокойно выдохнул, дополнил: – из-за которого погибла Энесса?

Я сглотнул. Женщина – ее сестра? Они родственники?

Знакомые? Впрочем, в любом случае в ее смерти они винили меня.

– Не совсем так, – возразил я, когда меня уже никто не слушал, – но я хотел попросить помочь. Точнее, нет, я хотел предложить вам, чтобы мы помогли друг другу. Наш город захватывают!

Женщина лениво промокнула губы салфеткой, медленно встала из-за стола и, указывая на меня пальцем, как проклинающая, выдала:

– Из-за тебя погибла моя сестра! И ты хочешь, чтобы мы слушали тебя? Да лучше пусть город захватят, чем мы еще раз доверимся тебе.

Я попятился назад. Наученный, я уже не ждал, когда меня выгонят. Потому что было понятно, что мне пора уходить. Наверное, я легко отделался.

Слова этой женщины сделали то, что не смогли сделать слова Уоррингтона. От осознания того, что в смерти сестры той женщины есть моя вина, мне стало совсем паршиво. Я поспешно покинул кратер.

Я уже ни на что не надеялся. Ни на второй шанс, ни на исправление, ни на удачу. Вряд ли я найду союзников. В сердцах пнув риф, я почувствовал обжигающую боль и, прихрамывая, пообещал себе зайти в еще один кратер. Если уж и там настигнет неудача, то, значит, так тому и быть. Я вернусь к Дру, и мы проведем оставшееся время вместе, в обнимку, как я того когда-то и хотел.

Отчаяние медленно поглощало меня. Отчаиваться всегда было проще, чем бороться.

Этот кратер был не похож на остальные. Он оказался широким и таким длинным, что я даже успел устать за то время, пока плыл вглубь.

Было тихо. Даже ветер не гулял среди оставшейся пустоты. Наверное, тут жила большая семья, а из-за меня теперь здесь только пустота.

Я лениво двигался, ни на что особенно не рассчитывая. От розового цвета стен начинало подташнивать. А может, меня тошнило от самого себя?

Я хотел крикнуть и узнать, есть ли кто дома, но так боялся того, что ответом мне будет эхо, что не стал этого делать. Мне хотелось развернуться и уйти, стерев из памяти этот огромный пустой дом. Казалось, что разговор в нем оборвался на полуслове из-за моего присутствия, а не исчез навсегда.

Я добрался до первого расширения: места, которое считалось прихожей. После узкого коридора оно было гораздо светлее. И это первое, что я увидел. А второе – десятки вперившихся в меня глаз.

Я что, тоже умер?

Заметив меня, они начали фыркать и качать головой.

– Явился наш ненаглядный, – сварливо крикнула Силенсия, которая чинно восседала посередине комнаты.

– И какой живучий он оказался, – поддержал ее Норб, оси-

ротевший после смерти Ная. Вот его смерть я точно видел. Хотя я уже во всем сомневался.

– Вы что... – ошарашенно протянул я, – живы?

– А что... – передразнила меня Силенсия, – ты сделал все, чтобы это было не так?

Поддерживая ее улюлюканьем, толпа расступилась, и в центре я увидел Отто, который грустно смотрел на меня.

Я так обрадовался всем им, что не нашел в себе ни единой крупинки негодования. Мне так хотелось обнять их всех, недовольных мной, но все-таки выживших. Этот дом послужил им убежищем. А я и не знал о существовании чего-то подобного.

– Тебя Дру прислала? – голос Отто показался мне незнаком. Мы так долго с ним не разговаривали. – Я же просил ее не говорить.

Я покачал головой. Если Дру и знала про них, то мне ничего не сказала. Я должен был обидеться на нее. Более того, старый я так и поступил бы, но я из настоящего понимал, что она все сделала правильно. Теперь ее фразы об исправлении стали еще весомее.

– Тогда как ты нашел нас?

– Я искал, – я подошел ближе к Отто, чтобы пожать ему руку, но он отшатнулся.

Другие хмуро глядели на меня и были готовы напасть, если я попытался бы сделать хоть что-то, – я искал выживших, – продолжил я, как ни в чем не бывало, – потому что

мне стало стыдно, что из-за меня город умер.

– Стало стыдно? – то ли кашлянул, то ли спросил мужчина.

– Искал? – кто-то икнул это слово мне в насмешку.

Я и бровью не повел. Сейчас они ни капли меня не раздражали.

– Да, – смело произнес я. Теперь я действительно этим гордился, – я искал. Потому что я сожалею, что все испортил. Я сожалею, что из-за меня вы чуть не погибли, – я говорил это так искренне, что меня слушали, не перебивая, хотя уверен, у них было что еще мне высказать, – и я сожалею, что прогнал тебя, – сказал я, глядя на Отто.

– Мы бы и умерли, – поучительно сказала Розанна, – если бы Отто не привел нас сюда.

– Да-а-а, – поддержали ее голоса других.

– Мы укрепляли некоторые дома, когда было свободное время, – пояснил Отто, и, обратившись ко мне, невольно буркнул, – ты-то был слишком занят страданиями о бесполезности учебы, чтобы это заметить. Дед велел это сделать, чтобы в случае сильной Войны, нам было, где спастись. Но, к сожалению, я успел собрать не всех. Далеко не всех.

И остальные понуро опустили головы. Да, умерло много наших. Но большинство знакомых спаслись. А я успел похоронить их. Я не чувствовал, что моей вины больше не существует, но отчаяние отпустило меня. Даже если они сейчас злятся, но они остаются живыми. Я не одинок. И у нас есть

надежда. Я был так ослеплен сначала своим недовольством, а потом своей властью, что не заметил, как велась работа по укреплению домов. А там, кто его знает, когда они ее проводили. Отто тут живет дольше, чем я.

– Нам надо выбираться, – заговорил я так быстро, чтобы меня не смогли перебить. Пусть попрекают и злятся на меня потом, а сейчас есть дела поважнее. Если жители спасены, то нужно спасти город, – там туристы, и они занимают наше место, там Война, и она может снова начаться, там... – Дру, хотел добавить я, но меня перебили.

– Нет, дружок, ты снова предлагаешь убить всех, – проговорил Норб, – сейчас мы вытащим недвижимых, раскроем это убежище врагам и туристам, и все – пиши пропало. А Война скоро начнется вновь.

Отто кивнул. Все смотрели на него и впитывали все его движения и слова, как губка.

– Так что же нам теперь делать? – удивленно переспросил я. Я уже думал, что мы спасены, неужели я ошибся?

– Ждать, пока нас станет больше, – просто ответила Розанна, – чтобы мы смогли занять территории и выгнать, как ты их там называешь, – туристов! – вспомнила она, – а они увеличиваются с гораздо большей скоростью чем мы, так что...

– Так что убирайся отсюда, – настоятельно рекомендовал мне Норб. Кажется, смерть Ная он мне никогда не простит.

– Остаться тут, действительно, безопаснее, – перебил его

Отто, – на какое-то время.

Я оглядел вокруг. Комната была большой. Просто огромной, она вмещала всех и выглядела удобной. Но как они на ограниченной территории проведут всю свою жизнь?

Будут в одном доме так долго, что перестанут существовать, а появятся их потомки, и это уже будет война потомков, а не их собственная? А что они будут есть? Хотя ладно с едой, это, возможно, предусмотрено, но остальное...

– Кажется, у меня есть идея, – весело проговорил я, вспоминая свои прогулки, – мы можем позвать других! Соседей, они могут нам помочь.

Я вспомнил горных жителей, дикарей в снегу, Элли. Их же много, почему бы не предложить им погостить у нас какое-то время? Это помогло бы нам справиться с туристами.

– Это самоубийство, – крикнул кашляющий мужчина, – никто не будет с ними договариваться. Это опасно.

– Я буду, – смело произнес я.

– Ты не понимаешь, насколько это может быть опасно, – произнес Отто тем самым тоном, который значил, что я тупица.

– Явно не опаснее, чем развалить весь город. Явно не опаснее, чем своими безответственными действиями уничтожить больше половины его жителей. Это не опаснее, чем дать дом такому, как я.

Все изучающе смотрели на меня. Наверное, от этих слов в их глазах я стал выше, но во мне не было геройства, я гово-

рил это, потому что так чувствовал. Я действительно был готов переступить через себя и попросить помощи у дикарей, отношения с которыми у меня не задались. Я мог спуститься по обжигающей реке вниз, к Элли. С горными жителями было гораздо проще. Я помнил, что тот сиреневый модник был настроен ко мне вполне дружелюбно.

– Нет, – отрицательно покачал головой Отто, – ты сначала болтаешь, потом думаешь. Давай в этот раз ты ускоришь этот процесс, и включишь голову раньше, чем сотворишь очередную глупость. Тебе-то самому никакая Война не страшна.

Несмотря на свой поступок, я все еще оставался его другом, и он, возможно, переживал за меня, все еще считая меня неразумным импульсивным ребенком, но дело в том, что ребенком я им больше не был. И я не собирался с ним соглашаться. Это был действительно тот шанс спасти тех, кто еще оставался, и я собирался им воспользоваться.

– Ты уже искупил свой грех незадавшегося управленца, – вытащил я туз из своей колоды, – позволь и мне это сделать.

Я знал, что это сработает. Я знал, что никто не будет меня останавливать. Потому это было правдой. Отто исправил свои ошибки. Попробую это сделать и я.

Ноги гудели от усталости. Не знаю, что я делал больше – шел или перепрыгивал через не успевшие высохнуть лужи. Я осторожничал, оглядывался по сторонам, и от этого шел медленнее. Путь до снега мне показался гораздо длин-

нее, чем когда мы гуляли с Отто. Тогда я чувствовал свободу, а теперь я чувствовал ответственность и не могу сказать, что она мне не нравилась. Она была просто сложнее. Я знал, как многое от меня зависит. Так же я знал и то, что кроме меня с этим некому справиться. И я шел.

Завязывая внутри тугой узел терпения, чтобы не кинуться с кулаками на дикарей, от которых кипела кровь даже в воспоминаниях. Я был готов засунуть свои принципы куда подальше. Я был готов к временному перемирию ради всеобщего блага, даже если мне самому это не нравилось.

Чтобы отвлечься, я думал о том, что я ничего не сказал Дру, а ушел сразу же, как увидел пару сухих кивков где-то в толпе. Надеюсь, Отто ей скажет и заберет ее ко всем. Конечно, скажет, ведь они общались. А меня считали глупым мальчишкой. Ах да, я же и был таким.

Когда под ногами появились белые хлопья, я пошел немного быстрее. Я не боялся, просто спешил.

Заметив их издалека, заметенных пургой и все еще похожих на дикарей, я поднял руки, говоря, что пришел с миром.

– Я сдаюсь! – завопил я. – Я пришел просить вас о помощи!

Дикари бежали на меня, их копыта-камни звенели, ударяясь друг о друга. Я смиренно ждал, мысленно считая до десяти. До чего же мерзкие рожи! Фу!

– Чужак! – завопил самый толстый, приблизившись и оглядев меня. От его крика я чуть не оглох.

– Вы должны мне помочь! – снова повторил я, привлекая его внимание.

– Мы? – удивился один из трех первых добежавших до меня. – И чем это мы тебе должны помочь?

– Вон! – орал кто-то, пока его пытался остановить самый любопытный:

– К нам еще никто не приходил за помощью.

Я кивнул.

– Да, помощь. Мне больше не к кому обратиться, – я подключил все свои актерские способности, придав лицу умоляющее выражение. Хотя больше я хотел им врезать, конечно. Быть взрослым – это уметь скрывать свои чувства ради своей выгоды. – Наш город захватили туристы. Чужаки, – использовал я их собственное слово. Я уже понял, как агрессивно они реагировали, слыша его.

– Ты сам чужак! – влез толстый. Хлопья снега на его бедрах опасно съезжали вниз. В моей голове, разумеется.

Руки я все еще держал над головой, чтобы они не тыкали в них своими копьями.

– Я свой! – парировал я. – Я приходил к вам с другом. С некоторыми из вас мы даже поболтали.

Хотя да, их желание выгнать нас прочь и мое желание им врезать вряд ли было можно назвать болтовней, но я надеялся, что моя уловка сработает.

Толстый скептически поднял бровь, но только что подбежавший дикарь оглядел меня и прогундосил:

– Я его помню.

Вот так удача! Он узнал меня. А они вот для меня – одно лицо.

– Да, да, это я. – Помахал я рукой. В точности, как делали в нашем городе, когда жизнь была мирной. – А там чужаки. – Кивнул я в сторону дома.

– Чужаки, говоришь? – наконец-то услышал меня доселе молчавший третий. – Так давайте покажем их, чьи это земли?!

Несколько дикарей согласно заулюлюкали, их копья застучали, а они побежали вперед – в сторону города. Я еле успевал за ними.

Снег на их бедрах стаял, и хорошо, что это произошло только в моей голове, и я сразу смог им дорисовать пальмовые листья. Как в тропиках. На нашей земле снова становилось так же жарко. Когда мы пришли, туристов снова стало больше.

– Да, – задумчиво почесал в затылке любопытный, – с такой оравой нам самим не справиться.

– А я найду подкрепление! – заверил я их. Удача заставляла меня верить в себя. – Я не один выжил. Они в кратере! Если начнется Война, прячьтесь туда.

– Война... – захохотал толстый. Он мне не нравился больше всех. – Мы давно не боимся Войны, малыш.

– Если придут враги, – я попытался предостеречь их, но

они едва слушали. Они начали брать камни с земли и точить об них копья. Готовиться к сражению. Мне надо было спешить.

– Я за подмогой, – прокричал я прежде, чем побежал дальше.

Кто бы мог подумать, что дикари сразу же отзовутся на мой крик о помощи в то время, когда сиреневый модник до последнего будет отказываться.

– Это не наше дело, – басил он на меня с верха склона, – мы – в горах. Там, у вас, не наши проблемы.

– Но мне нужна ваша помощь, – почти хныкал я, теряя жалкие остатки гордости. Но в том-то и хитрость: знать, когда пробить на жалость.

– Мы не сможем без гор, – упрямылся он, – тут наша пища. Тут дом.

Я понимал его. Легкая жизнь прельщает, и это действительно было не их дело. Но, как бы я не отрицал это, я тоже выбирал свой дом, и поэтому не оставлял попыток.

– Нам без вас не справиться.

– А что нам за это будет? – его деловая хватка чуть не сбила меня с ног.

– Я крикну и перебужу всех ваших... – я снова перешел к угрозам.

Сиреневый модник в косухе отрицательно покачал головой.

– Не выйдет, брат. Мы поместили спящих в самую глубокую часть пещеры.

– Опять вы за старое? – спросил я, вспомнив озабоченность Отто их раскопками. В тот раз, правда, случилась Война.

– А что? По твоим словам, у вас и так воюют.

– Еще как! – воскликнул я. – Уже надоело держать голову запрокинутой, чтобы хоть как-то видеть собеседника, но, преодолевая боль, я повторил: – Пришли туристы. Многие погибли. Наш город захватят...

– Довольно, – прервал меня сиреневый, – мы не пойдем вам помогать. Точка.

Эх, а ведь он мне, правда, нравился... Я думал, что с ним будет проще всего. Выходит, я ошибся. В общем, не страшно: не ошибается тот, кто ничего не делает. А я же пришел сюда, почти прибежал. Я сделал все зависящее от меня. Я уже развернулся, чтобы ни с чем вернуться домой (мы можем к дикарям присоединить подвижных из убежища или попытаться найти кого-то еще, благо, территория вокруг просто огромна), как вдруг мне пришла мысль...

– Еда! – закричал я так громко, что уже избавившийся от меня горный житель вновь напрягся. – Дайте тогда нам еды! У вас же ее много. И я уйду. Честно, – заверил я.

Тяжело вздохнув, сиреневый обреченно зашел внутрь и спустя пару секунд вернулся. Он уже сто раз пожалел, что разрешил мне заходить, если что. Но он так же прекрасно

понимал, что просто так я не уйду. Не на того напали, знаете ли.

Так что домой я шел с полным мешком сахара.

Несколько дней я провел почти так же: на ногах, бегая по территории и ведя переговоры с каждым, кого встречал. Некоторые жили семьями, другие путешествовали поодиночке. Я всех звал в город. Я стал почти мастером дипломатии. Что значило это слово? Неважно.

Мои ноги почти отваливались, когда я обессиленно падал около Рифа и отдыхал, уже не боясь ни подступающей Войны, ни очень горячей земли. Я был слишком занят, чтобы заботиться о такой мелочи, как я сам.

В убежище были жители. И они были там из-за меня. И я знал, что в моих силах вытащить их оттуда. В моих силах изменить нерадостное положение вещей. И делал все нужное для этого. Я принес им еду и продолжал поиски подкрепления. Было решено напасть на туристов во время Войны. Это объединит наши силы и наших врагов, чтобы уничтожить чужаков. Это, кстати, я придумал. Классная же идея! Даже Отто ее поддержал. Он был занят сдерживанием буйного нрава спасенных жителей, которые в замкнутом пространстве становились крайне агрессивны.

Увидев принесенную мной еду с гор, он очень удивился и все-таки пожал мне руку. Это дало мне сил.

Я просил дикарей ждать, и они точили свои копья и недо-

вольно поглядывали на меня. Им нетерпелось намять бока чужакам. Теперь я называл туристов чужаками. Это слово особенно сильно бесило дикарей, а их агрессивность нам понадобится: количество чужаков увеличивалось на глазах. Дру просила меня быть осторожнее, я совсем выматывался. Отдохнув настолько, чтобы совсем не свалиться с ног, я снова уходил прочесывать округность города и перехватывать всех, кто оказывался в наших краях.

Меня не пугали ни рядом снующие ищейки, ни иногда заглядывающие сожрать туристов Боссы. Я ускользал от них за горизонт опустевших земель. И ничего-ничего не боялся, когда почувствовал, как в груди разрастается что-то огромное, небывало большое и загорается огнем внутри. Я резко затормозил, отдышался, и не смог найти никаких изменений в себе, но они были. Я чувствовал. Я не стал другим, но что-то случилось. Страх накрыл меня, но ровно до того момента, как я вспомнил, зачем я здесь: чтобы спасти остальных. И в груди запекло еще сильнее, а потом резко прекратилось. И я побежал дальше. Потому что у меня не было времени думать о чем-то настолько несущественном, как я сам.

Глава 12. Сражение.

– Почему бы нам не поднять купол? – тяжело дыша, спросил я, обращаясь к Отто.

Его военная форма успела помяться, а осанка испортиться, потому что он устал.

Поддерживать порядок в кратере-убежище, полном напуганных, отчаявшихся и попросту злых сородичей требовало огромного терпения, силы и умения убеждать.

– Нимели погибла, – отозвался он, хмуро взглянув в мою сторону, – а вдвоем мы едва ли сможем это сделать.

Я не знал, как выглядела Нимели, но ее потеря ощущалась достаточно остро. Я понял, каково это – лишиться важного винтика огромной машины, без которого вся конструкция становилась бесполезной.

В кратере становилось все жарче. И, когда дышать стало невыносимо, я выбрался наружу, чтобы увидеть такой закат, который я не видел никогда в своей жизни. Он был не просто алым, нет, он был пылающим. Языки пламени рисовали на горизонте огненный полукруг, создавая резкую границу с оставшимся нетронутым розовым цветом неба. Линия горизонта стала горящим окном. Только дыма не хватало. Я знал, что это из-за туристов. До их появления такого никогда не случалось. Да, небо краснело, температура повышалась, но сейчас это было в разы сильнее.

Я не мог даже нормально вздохнуть – горячий воздух обжигал изнутри.

– Что за черт... – прошептал я, когда заметил, что дикари, не дождавшись начала Войны, пошли в атаку самостоятельно и сейчас нанизывали туристов на свои копья, как еду на вилку. Туристы что-то орали, но не в силах сдвинуться с места, они тянули руки-недомерки к дикарям и изо всех сил пытались затянуть их в свою толпу. Высокий дикарь упал к ним, и его разорвали. Странно, никто из остальных не стремился ему помочь. У них каждый сам за себя.

Я думал недолго. Залетел в кратер и заорал:

– На бой! На бой против туристов!

Поднялся галдеж, но Отто сорвался за мной первым. Ему так не терпелось размять конечности или сбежать от всех, или отбивать свой город от захватчиков, что он отодвинул меня с дороги и побежал наверх. За ним устремилась небольшая толпа. Я потерялся в ней и тоже побежал наружу.

Закат все еще пылал, температура ползла к бесконечной жаре. На лбу проступал бы пот, если бы я умел потеть. Я не верил своим глазам: последнего дикаря тянули на себя туристы, и затем разорвали на части – он не успел даже пикнуть. Видимо, поодиночке никому долго не выжить. И это не самое страшное. Гораздо страшнее то, что туристов снова стало больше. Точно попав в стрессовую ситуацию, они решили увеличить свое количество, чтобы выжить. Теперь перед нами простиралась целая площадка из толстых тел с малень-

кими руками, злыми лицами и понятными намерениями.

Горожане во главе с Отто тут же бросились на них. Они лупцевали их камнями, руками, кричали. И я даже знал, почему они так злы. Они возненавидели друг друга за время, проведенное в кратере, что им не терпелось выплеснуть эмоции. Поэтому мы селились на большой территории и имели личные дома. Вот именно поэтому. Из-за злости и нетерпимости. Из-за понятия того, что своих бить нельзя, но иногда – очень хотелось.

Я увидел, как Норба схватили за ноги цепкие руки туриста и потянули на себя.

– Нет! – закричал я и полетел к нему. Изо всех сил схватил его за туловище и потянул к себе, не позволяя впившимся в него рукам утащить его.

Мой крик услышали остальные и поспешили на помощь. Они тоже схватили Норберта, чтобы оттащить его. Таким образом, я оказался в кругу рук, вытягивающих товарища из беды. В схватившего его туриста полетел особенно увесистый камень, и старик Уоррингтон противно закричал:

– Врешь! Не возьмешь!

Я удивился, что и он под шумок выбрался из своего кратера, чтобы подраться, но ему только и дай скандалов. Поэтому не так уж и удивительно.

Кажется, что в кратере остались либо совсем недвижные, либо трусливые, либо те, кто присоединятся к нам позже. Потому что по сравнению с обычной дракой в этот раз у

нас без вариантов: мы либо выиграем, либо умрем. Потому что если туристы займут наше место, где нам всем жить?

Я не любил этот город и его дурацкие порядки. Я сделал все, чтобы сломать это. Но в тот момент, прикладывая все силы к тому, чтобы у нас остался хоть один гонец, я мечтал только об одном: начать все заново и сразу уйти. Взять с собой Дру и не бояться, что с ней что-то случится. Взять на себя ответственность за то, чтобы с ней ничего не случилось. Исчезнуть из города, чтобы, когда погиб Дед, меня не назначили главным. Чтобы я ничего не портил. Чтобы у города был шанс спастись.

И я сделал самый мощный рывок, прикладывая все силы, и вырвал бедного брыкающегося Норба из цепких вражеских рук.

Он был напуган, но цел. Мы отпустили его, и он, покачиваясь, подобрал камень с земли и кинул в своего обидчика.

– А это тебе от меня!

Уоррингтон улыбнулся бы в бороду, если бы она, правда, у него была.

Кто-то другой попал в лапы туристов. Женщина. Женщина в юбке, которую я видел во время обеда на площади. А она, оказывается, боевая: укусила за руку туриста и тот, ежась, попытался снова зацепить ее. Его опередил собрат: он вцепился в ее ноги, и она падает упала точно в самую толпу. Они разорвали ее тело и гадко захихикали:

– Отличное место для жизни у нас будет!

Закат тем временем все пылал. С противоположной стороны прибывали они: Боссы, шпионы со своими шприцами, молодые и старые солдаты, которые шли стройной шеренгой. Впервые их войско нас радовало: их отделяла от нас успешная разрастись до исполинских размеров семейка туристов, и враги так же, как мы, уничтожали их.

Это радовало.

Из кратера потихоньку подтягивался народ, они гремели камнями, кричали и явно желали возмездия. Они были злые и решительные. И недовольные, и голодные (принесенную мной еду уже давно съели), и сильные.

Я понимал, что Дру лучше оставаться в своем доме-работе, потому что сейчас для нее это – самое безопасное место на земле. Это я стал против того, чтобы Отто привел ее ко всем. Теперь, когда я знаю, что они прятались, она может больше не пытаться меня вразумить. Но я понимал, что едва ли эта атмосфера скученности будет ей полезна. Едва ли к ней будет хорошее отношение, потому что в их глазах она осталась с предателем, со мной, вместо того чтобы присоединится к ним и оставить меня в одиночестве, как было запланировано изначально.

Я не думал, что сейчас Дру была одинока. По крайней мере, точно не так, как был бы я. Она знает лучше меня, какая опасность ей будет грозить, если Война застанет ее на улице. Если воздух, пропахших Войной, проникнет к ее кратер. Поэтому я просто притащил ей мешок еды и засунул его за

камень, запирающий вход. Она поймет, что я не бросил ее, а делаю все, чтобы она была в безопасности.

И теперь я кинулся на очередного туриста, чтобы мы смогли одержать победу хотя бы над ними, если уж полностью победить Войну мы пока не можем.

Я ждал ее наступления каждое мгновение: втягивал в себя воздух, пытаюсь понять его вкус, смотрел вокруг, ожидая увидеть, как кто-то умирает без вмешательства врагов и туристов, но ничего такого не происходило. Мне даже казалось, что нас решили просто сжечь. Что ж, судя по тому, что стоять на одном месте больше нескольких секунд стало уже невозможно – земля грелась так, как не снилось ни одному морскому пляжу, до того, чтобы земля загорелась, осталось недолго.

Боссы наедались слишком быстро. Похрюкивая, они падали на землю и лениво переваривали съеденных. И я не могу сказать, что они как-то особенно чинили ущерб туристам. Тех было слишком много, чтобы наши враги, не такие уж и слабые, могли их уничтожить. Молодняк и старики тоже старались. Особенно юнцы, как всегда, делали все возможное, чтобы розовая земля стала желто-зеленого цвета.

Шпионы стреляли своим ядом, от которого погибали несопротивляющиеся туристы. Это за нами им приходилось бегать – эти-то лежат спокойно. И все равно: чего-то не хватало.

Мы закидывали камнями туристов. Мы отвлекали их,

чтобы враги делали свое дело. Но те слишком быстро уставали. Эх, вот бы пришли те шестипалые, которые так интересовали Ленни, вот они бы задали им трепку.

Внутри стеклянной реки-трубы наверху, откуда появлялись враги, никого не было. Наверное, туристы еще не смогли влезть туда, и это было хорошо и плохо одновременно. Хорошо, поскольку это значило, что остались еще места, свободные от них, а плохо – потому что там бы их продырявили и позволили бы хлынувшей внутрь жидкости разорвать их. Смерть, которую они заслужили, потому что покусились на город.

На мой город.

Я произнес это мысленно, но ощутил, как тепло заполняет меня изнутри. Мой город. Что-то было в созвучии этих букв, и я, как тот еще любитель сокращенных слов, понял, что это – это любовь к каждому звуку. Это тепло, идущее от каждой буквы. Я все так же хочу отправиться путешествовать, но в этот раз я знаю точно, куда я буду хотеть вернуться. Потому что стремления – это хорошо. Планы – хорошо. Свобода – отлично. Но все это держится на твердой почве. Словно кратер нельзя прокопать в камне, потому что это плохая основа, так и уйти отсюда нельзя до тех пор, пока разрушенный город не будет создан заново. Город нужен жителям и город нужен мне. Он нужен Дру и Отто. Силенсии, Уоррингтону, тетушке Розанне и всем остальным, которые боролись плечом к плечу со мной, которые сидели в кратере, сомневаясь в

своих силах, которые рисковали и прятались в собственных домах, больше никому не доверяя, которые погибли от рук туристов и во время прошлой Войны.

– Осторожно! – крикнул Отто мужчине в фуфайке, который еле увернулся от цепких лап.

– Справа! – велел он, и все обрушили камнепад на правый фланг, куда лениво полз голодный Босс.

Врагов оставалась немного: теперь, когда правый фланг уменьшился, Боссы стали сытые все, шпионы потратили свой яд, а шестипалые так и не появились.

Оставалось ждать следующее войско, от этих явно толку больше не будет. Зато туристы ровно и четко увеличивали свое количество.

Они точно были похожи на гроздья винограда: круглые, неподвижные и многочисленные. И такие противные – жуть!

Отто задумчиво глядел на то, как враги сдают позиции, как камни причиняют очень мало вреда, и я услышал, как в нем что-то шелкнуло и он громко прокричал:

– Как только услышите землетрясение, тут же убегайте с главной дороги! На окраине держитесь за Рифы. Понятно?

Я помню, как туристы изначально заняли окраину, но это было так давно, что с тех пор они успели доползти своей численностью до самого центра.

– Почему мы должны прятаться? – прокричали ему в ответ.

– Потому что я так сказал, ясно?

Наверное, Отто устал держать себя в руках и включил того самого диктатора, от которого он убегал. Это сработало.

– Я вас предупредил, – строго закончил он, – не сбежите: умрете.

Замечательный аргумент. А какой действенный!

– Хорошо, шеф, – крикнул ему тот, кто раньше работал спасателем и привык слушаться Отто.

Интересно, что же тот задумал?

Я хотел увязаться за ним вслед и все узнать, но он побежал прямо в сторону горящего горизонта так быстро, что вряд ли бы я успел. А еще – схватили зазевавшегося высокого парнишку, и мы кинулись отбивать его.

Прошло немало времени, по ощущениям вечность, когда прозвучало оно – землетрясение. Эти толчки звучали глубже и опаснее. Первые были подготовительные, разогревочные. Многие, услышав их, не повели и взглядом, но те, кто после слов Отто напряглись, тут же побежали на окраины, в самые отдаленные от реки места. Я побежал тоже. Хорошо, что кратер Дру находился поодаль от основной дороги.

Мы добежали до Рифов, схватились каждый за свой, в то время как туристы так и оставались сидеть посередине, смакуя победу. Они думали, что победили. Но тут раздалось огромное землетрясение, и река потекла в обратную сторону. Я никогда такого не видел! Огромные, сметающие все на своем пути потоки из грязной, дурно пахнущей воды. Я

думал, что эта вода закипит, прикоснувшись к нашей разгоряченной земле, но ее было так много, что она вряд ли даже согрелась. Проверять мне не хотелось. Мое тело слишком хорошо помнило тот раз, когда мы с Отто угодили в реку и еле спаслись. А эта вода, держу пари, в разы опаснее.

Где Отто? Это сделал он?

– Эге-гей! – воскликнули наши старые знакомые Элли, летящие на гребне волны.

Отто привел нам подмогу? Но тех было совсем немного, и они утекли прочь вместе с грязной водой.

Землетрясение повторилось. И снова потоки смыли все вокруг.

– Он что? – голос Уоррингтона звучал шокировано. – Он это сделал, да?

– Он вызвал наводнение... – подтвердил спасатель.

– Видимо, наши дела совсем плохи, раз он пошел на этот отчаянный шаг, – услышал я голос.

Когда поток воды покинул наши земли, мы отцепились от рифов и, отряхиваясь, оглянулись вокруг: принесенные потоком камни выглядели иначе, они были разноцветными, покрытые чем-то липким на вид, и совсем не располагали к тому, чтобы их трогать.

Но это было не самое важное. Важнее было другое. Туристы. Значительную часть их смыло потоком. Их ряды поредели. То, что не смогли сделать мы и враги вместе взятые, сделал поток разъедающей плоть воды, которая пришла с тех

земель, где жили Элли. Из низа. Оставалось только гадать, как Отто смог это повернуть.

– Отто настоящий герой, – заключил кто-то, – мир его праху.

Я ослышался?

– В смысле? – не понял я. – Он что, умер?

– А ты думал, что можно активировать центр и остаться живым?

Я не знал, что такое центр. Уверен, это какое-то кодовое слово, придуманное ими, чтобы обозначить что-то важное. В голове не укладывалось. Нет-нет. Отто не мог умереть. Кто угодно, только не он.

Я так много не спросил у него, а он так много мне не ответил. Я мог назвать его своим другом, а мой друг не мог умереть. Это было неправильно.

Да это было почти невозможно!

Отто, всегда холодный, всегда расчетливый, продумывающий каждый свой шаг. Он бы ни за что не оставил всех нас бороться в одиночку.

Он бы нашел другой выход, но не пошел бы на верную смерть.

В подтверждение моих мыслей мы заметили, как Отто (кто же еще?) медленно брел к нам с пылающей линии горизонта. Его сюртук был порван, волосы растрепаны, а сам он в нескольких местах обожжен, но в целом, он был в порядке. Хотя бы жив.

– Отто! – кинулся ему навстречу спасатель. – Старик! Не могу поверить: ты активировал центр и выжил?

Отто остановился, отряхнул себя и оглядел всех нас с ног до головы. Возможно, он даже пересчитал тех, кого видел, чтобы убедиться, что все послушались его предупреждения.

– Я сбрасывал на центр камни, – пояснил он, – сверху.

Никто не спросил у него, как там, наверху, обстоят дела. Живет ли там кто-то сейчас или уже нет. Никто не спросил, как приняли Отто и как он на такое решился.

Все молча хлопали его по спине и медленно потянулись обратно к оставшимся туристам. Именно так и встречают героев.

Глава 13. Отдых.

– Коррингтен?

Отто проводил переключку. В целом, ничего удивительного. Он занимался этим трижды в сутки. Иногда чаще. Все зависело от того, как долго длилось сражение. Мы отстаивали свою территорию по тому же плану, что и раньше: пока Боссы нападали на всех, мы нападали на туристов и, таким образом, и мы, и враги были против прилетевших на нашу голову захватчиков.

Иногда сражение было таким ожесточенным, что Отто приходилось проверять наличие наших много раз. Не одному мне казалось, что их умирало почти столько же, сколько и туристов, и нам нужно было проверять, чтобы убедиться, что это не так. Умирили многие, но некоторые были живы.

Но, кажется, не сэр Коррингтен.

– Его разорвали, – отозвался работник кухни, его правая рука, голос которого звучал повержено. Казалось, что он был готов сдаться.

Сэр Коррингтен был для меня темной лошадкой. Я не знал его лично, но он был единственным, чей труд я уважал с самого первого дня. Он был тем, кто обеспечивал нам провизию каким-то невозможным способом, добывая сахарок тогда, когда, казалось, его нигде нет. И теперь эта работа остановилась. Кто еще обладал этой уникальной способностью –

кормить всех?

– Что нам теперь делать? – прозвучал резонный вопрос.

Я ждал, что Отто ответит за него. Он же знал все на свете, но в воздухе повисла зловещая тишина. Я мысленно отсчитывал секунды, пока ответ сам не нашел меня.

– А что бы вы делали, если бы у него появились бы потомки? – спросил я.

Действительно, у нас это был закономерный поток жизни. Один исчезал, появлялись двое. Двое, с мышлением, как у детей, и их надо было всему научить, прежде чем они бы заменили своего предка на его работе, а второй потомок пошел бы тем путем, который бы выбрал. Все мы появились так. Так что же изменилось сейчас? По сути, Коррингтен действительно пропал. Только после него никто не остался. И ладно. У нас тут и без того есть народ, который сможет выполнять его работу.

Отто понял мою мысль и чему-то кивнул.

– Итак, кто хочет стать новым добытчиком еды? – осведомился он, окидывая толпу изучающим взглядом. – Игнатиус, – обратился он к помощнику, правой руке покинувшего нас Коррингтена, – ты же знаешь больше нас всех, ты бы мог стать главным, а тебе в помощники может пойти, допустим... – он задумался.

– Я! – выкрикнул Обнитем. Тщедушный молодой человек, достаточно неразговорчивый и, возможно, злой, который никогда не проявлял инициативу. А может, он просто мечтал

быть добытчиком, а его назначили строителем, и только теперь у него возник шанс исполнить свою мечту?

– Отлично, – заключил Отто, – так и решим. Он посмотрел на меня с благодарностью, и я понял, что с этого момента уклад нашей жизни во время сражения будет таким же, каким он мог бы быть, если бы туристы не появились. В конце концов, законы у нас везде одинаковые.

Стало легче. Ненадолго все утихло. Кажется, туристы восстанавливали силы. Они увеличивались медленнее, их явно сдерживали враги, которые кольцом окружили их и отрезали нам путь к туристам. Враги выполняли нашу часть работы. Это давало нам небольшую передышку. Отдых, чтобы собрать все силы и ринуться снова в бой.

Жизнь катилась по накатанной. Настало новое утро, которое по свету перестало отличаться от ночи: всегда было одинаково красно и даже камнепадов больше не возникало. Наверное, палящая земля не позволяла камням появляться. Что это утро, мы поняли только благодаря одному: своим ощущениям.

У Игнатиуса получалось неплохо. Он достал все банки, которые смог найти в городе, и половину из них наполнил сахаром. Потом он, расположившись в отдалении от туристов, злобно сверкающих на нас своими глазками-бусинками, которые я представлял на их лице, сделал то, что сделал бы Коррингтен в любой, самый обычный день, он закричал:

– Еда! Подходите за едой!

И к его кухне тотчас выстроилась очередь. Появилась даже та женщина в юбке, которая для меня означала свидетельство чего-то нормального.

Так как Войны еще не было (кажется, готовилась поистине ужасающая атака), к Игнатиусу пошла и Дру. Я заметил ее волосы, тонкую фигуру и тут же побежал за ней, чтобы окликнуть, убедиться, что она в порядке, что она цела и невредима.

– Ты обиделся на меня? – спросила она сразу же, как я оказался рядом. Она даже не повернулась. Просто почувствовала, что это я встал за ее спиной.

– За что?

Обида была последней эмоцией, которую я к ней испытывал.

– Я же знала, что они живы, – ответила Дру, наконец-то взглянув на меня. Я скучал по ее глазам. Для меня они были бездонно-голубые, – но не сказала тебе, потому что обещала молчать.

– Я понимаю, что это было для того, чтобы я понял, – просто ответил я и не видел смысла больше обсуждать это. Я был виновен гораздо сильнее, чем она, Отто и все остальные вместе взятые. Ведь они бы действительно погибли, если бы не их убежище. Они бы действительно умерли из-за меня.

– Хорошо, – согласилась она.

Хорошо, что именно неведение было моим наказанием.

Зная нас, я бы не удивился, если бы кара для меня была другой. Гораздо более серьезной. Видимо, это Дед приучил их к терпимости и к... Прощению?

– Ты в порядке? – спросил я, вспоминая о том, что важнее всего сейчас – ее безопасность.

– Да, вот, проголодалась, – виновато ответила она, качнув головой в сторону кухни, – Коррингтен умер? – просто спросила она, как будто бы его смерть была чем-то само собой разумеющимся.

– К сожалению, – добавил я и вздохнул. Лжи в моих словах не было. Жаль, что он умер и что смерть существует.

– Все мы когда-то умрем, – ответила она.

Если таким образом она хотела напомнить о своей проблеме, то я помнил. Думал об этом чаще, чем мне бы хотелось.

– Мы найдем для тебя способность, – пообещал я. Очередь приближалась. Я просто хотел постоять с Дру, а не обедать, хотя и был слегка голоден. «Слегка» теперь не считалось.

– Даже если и нет, то не страшно. Меня это совершенно не волнует, – пожала плечами Дру.

Я верил ее словам. Я знал, как она вела себя. Она танцевала на пороге смерти, и никогда не казалось, что ее танец последний. Она многому учила меня и, самое главное, не бояться умереть.

В нашем мире смерть равнялась рождению и никогда не

вызывала грусти. И, вероятно, даже тот, кто умирал просто так, без оставления потомства, был не обязан грустить. Грустно обычно окружающем. Самому умершему все равно. И стоило ли переживать, если, каким бы именно способом ты бы перестал существовать, конкретно тебе уже будет все равно?

Все, что нам оставалось на самом деле – наслаждаться каждым отведенным нам днем. Дру и делала это.

Она заливисто хохотала, собирала камни, никому не рассказывала о своей проблеме и не требовала особого отношения к ней. Она всегда была готова умереть, и поэтому заслуживала жить.

– Я тоже могу участвовать в битве, – сказала она, когда подошла ее очередь тянуться за едой, – Войны же все равно пока нет, и я вполне могу...

– Нет, – отрезал я, – это полностью исключено, – заявил я больше из-за страха за нее, а не из-за того, что она не сможет.

– Почему?

– Потому что у тебя уже есть работа, – вполне разумно объяснил я.

Она в замешательстве подняла бровь.

– Доска, – напомнил я, – я, конечно, больше не начальник, но это было бы уместно...

– Жить так, как будто бы все по-прежнему, – поняла она, – ну что ж: посылайте ко мне Норба.

О гибели Ная она уже знала.

Я кивнул, мысленно сделав пометку найти второго гонца и не заметил, как мне всучили банку с едой. Пришлось брать, хотя я и не собирался.

За Дру и Игнатусом потянулись другие. Ни я, ни Отто не успели оглянуться, как все оставшиеся в живых после отдыха вернулись к своей работе. Спасатели выстроились по периметру города (точнее, того, что от него осталось), строители укрепляли пострадавшие дома, чистильщики и уборщики избавлялись от грязи (хотя я сомневаюсь, что в этом был смысл), Дру делала свои записи, Норберту нашли напарника – молодого Эферия, а защитники, как и я, мечтали о новеньком, который сможет поднимать купол. К сожалению, таких не было. После смерти Деда и Нимели подобных нам не осталось. Конечно, была вероятность, что кто-то придет к нам сверху, снизу или снаружи, но мы все понимали, что, если это и произойдет, то точно после окончания всех разборок. Мы все ждали Войну, которая неминуемо случится, а пока ее не было, я и Отто нашли себе другую работу. Мы контролировали остальных. Пока работа в городе кипела, нужны были связующие звенья. И ими стали мы. И теперь идеи Деда о таком обществе перестали казаться мне ерундой.

Все работало слаженно. Было видно, что навыки, приобретенные за столько времени, никуда не исчезли. Было понятно, что и работа Розанны не лишена была смысла, потому что, как только кто-то заметил армию ищек, они точно

знали, что делать. Все бросались помогать уборщикам записывать остатки разорванных тел жителей в мусорные мешки и прятать эти мешки далеко в кратерах, чтобы ни одна из ищек не добралась до них, и враги могли сосредоточиться на туристах. Останки туристов, наоборот, тащили вперед, бросали на снег, облегчая врагам работу.

Мы были неплохой командой, и даже старик Уоррингтон выбрался из своего убежища, как только заметил, что наши дела не так плохи, как он думал.

– Вы их бьете? – осведомился он как только увидел, как линия из спасателей, одетых в обычные желтые жилеты (где они их прятали все это время?), перемещались в отдалении, привлекая на себя оторвавшегося от туристов и ползущего в направлении к нам Босса.

– Неа, – довольно сказал Отто, – мы просто вернули им должности.

– Неужели это сработало? – удивился Уоррингтон и зашептал что-то себе под нос.

Возможно, его картина мира сломалась в очередной раз, и ему нужно было время, чтобы поверить, что управлять можно не наказаниями, а словами, обещать не боль, а стабильность. В конечном счете все хотят мира, и за него будут работать.

Мне явно нравились такие перемены.

Я чувствовал, что и сам изменился. Я также ходил к Дру и сидел с ней. Мне также нравилось разговаривать с Отто,

и я искренне радовался, что они оба живы. Но что-то было иначе. Я чувствовал ответственность за все, происходящее вокруг. Я бежал к чистильщикам, когда они не могли справиться с очередной, очень упрямой лужей. Я сходил на кухню и наконец-то изучил метод добывания сахара, чтобы, в случае чего, я мог справиться с этой работой. Я немного побыл охранником. Отто показал мне приемы спасателей, и я думал о том, что мои ночные вылазки к Боссам с этими знаниями станут гораздо продуктивнее. Как только все наладится, и мы снова вернем город себе, избавившись от наглых захватчиков, я точно получу способность для Дру. И, может быть, мы с ней все же уйдем, но я пока не думал об этом.

Существовали вещи гораздо важнее моих эгоистичных желаний.

Например, то, как Силенсия делала на всех разрушитель, который пригодится на Войне. То, как строители укрепляли дома, благодаря чему Дру и остальные сумели выжить. То, как появился гончар, который прятался даже в отдельном убежище – вот насколько не доверял мне Дед. Мне уже не хотелось обокрасть гончара, потому что у него не было другой защиты, кроме жвачки. Отобрать у него ее – это значило сделать его, подобным Дру. Абсолютно незащищенным и обреченным на смерть. Для меня жизнь Дру стоила жизнью всех остальных. Но это опять было оно – мое эгоистичное желание, и я от него отмахнулся. Я справлюсь и иначе. Не зря же гончар поверил в меня и вышел наружу для того,

чтобы у нас восстановился запас банок для еды?

Я больше никого не подведу.

Я справлюсь.

Я знал это.

И если обычная жизнь в сражении – это последний танец, то я, как и Дру, станцую его со всей душой.

Глава 14. Изменения.

Краснота все еще царила вокруг. Мы почти к ней привыкли: огненный горизонт стал для нас обычным. Пока количество туристов росло, мы были заняты тем, что продумывали защиту для остальных жителей.

– Силенсия, сколько у тебя там разрушителя? – осведомился Отто, подойдя к недвижимой. Она все еще не совсем простила меня, а вот к Отто была благосклонна.

– Достаточно, чтобы обеспечить самых нуждающихся, – крикнула она, – если хочешь быстрее – то попробуй сам!

Или не сильно благосклонна. Сейчас мы все на нервах.

– Что там делать? – вступил в диалог я, вспоминая, как много она производила разрушителя в то время, когда правил Дед. Ее разрушителя хватало на то, чтобы ограничить им дома, а не просто снабжать им жителей.

– Раз ты такой умный, то сам и делай!

– Вот и попробую! – я пошел на поводу у своего упрямства. Не надеясь, что у меня получится, я представил, как Война забирается ко мне под кожу и с отравленной субстанцией нужно что-то делать, нужно как-то бороться с ней... Я напрягся и... Произошло то, что никто, а тем более я, представить себе не могли: появился разрушитель. Почти такой же, которым гордилась Силенсия. Такой же, который уже спас многих и, несомненно, спасет кого-то еще.

Я опешил. Отто внимательно осмотрел меня и заключил:

– Я, конечно, знал, что у тебя есть таланты, кроме купола, но о том, что ты обладаешь способностью производить разрушитель, я не догадывался.

– А я и не умел! – воскликнул я, а потом, подумав, добавил: – Или не пробовал.

Действительно, я и не пытался сделать его раньше. Вдруг он уже был у меня, и я умел гораздо больше, чем думал?

– Наш вид быстро учится и приспосабливается, – объяснил Отто, – в любом случае, ты молодец. Как раз и поможешь Силенсии.

– Нет-нет! – воскликнул я, вспоминая, зачем мне была нужна еще одна способность и кому она действительно должна принадлежать. – Я отдам ее Дру. Она и поможет!

Не дождавшись ответа, а поймав только понимающий взгляд Отто, я побежал к Дру. Я спешил изо всех сил, точно от моей скорости зависела ее жизнь. Ах да, она, действительно, зависела.

Дру встретила меня удивленно-изучающим взглядом.

– Что случилось? – спросила она, как только я переступил порог ее работы-дома. – Война? Она уже началась?

Дру видела знаки и ждала Войну и – она была уверена – в этот раз Война станет решающей.

– Больше тебе не нужно ее бояться, – счастливо выпалил я, приближаясь к ней. Мне хотелось ее обнять, хотелось по-

казать ей, что теперь она в безопасности, что теперь все будет по-прежнему. Возможно, мы будем счастливы и отправимся путешествовать... Сейчас больше всего на свете верилось в хороший исход.

– С чего ты взял, что я боюсь ее? – удивилась Дру.

– Я нашел способность, – прекратил я спор. Ничего Дру не боялась – я и так это знал, и это было плохо, потому что страх – это естественный механизм защиты. Без страха опасностям проще до нее добраться.

– Способность можно найти? – удивилась она.

– Ее можно вызвать – я и старался сделать это. Я бесил Боссов, чтобы испугаться и заставить мой организм выработать новую защиту... Но, может, она у меня была и раньше – я же не пробовал. Я теперь не знаю. Да это и не важно. У меня есть способность, Дру! – я встряхнул ее за плечи, чтобы она наконец-то обрадовалась.

Но Дру продолжала осыпать меня вопросами:

– Какая способность?

– Разрушитель, – отвечал я.

– Простовата для вашего вида, – думала вслух она. – Когда ты ее заметил? Ты почувствовал что-то странное?

– Обнаружил ее сегодня утром. А странное... – я задумался, вспоминая, – да, однажды было. Когда я собирал подмогу, я почувствовал, как вот тут, – я указал на грудь, – разгорается пожар.

– Ты вызвал ее, Али! – наконец-то в ее голосе появилась

радость. – Ты вызвал способность! Мне рассказывали, какое чувство должно появиться. Я тоже пыталась ее обрести. Я подвергала себя опасности. Ну, ты помнишь один момент... Я всегда собирала камни в Войну, чтобы получить способность, но мне никогда не везло. А у тебя получилось! Теперь тебе ничего не страшно.

– Неа, – оборвал ее я, – это тебе не страшно. Я обрел ее для тебя.

– Ты вызвал для меня способность?.. – тихо сказала Дру. – Для меня?

Мне казалось, что она не верит. Ее глаза заблестели от выступивших слез, и я наконец-то сделал то, что хотел. Я ее обнял.

– Силенсия ждет твоей помощи, – сказал я, как только способность оказалась у Дру. И она тут же отправилась помогать Силенсии.

Теперь нас мало что удерживало в городе, кроме одного – моей ответственности. Мысленно я все решил: мы уйдем только тогда, когда Война будет выиграна, туристы изгнаны, а город – полностью восстановлен. До этого момента я буду с жителями, потому что они нуждались во мне. Когда Война начнется, мы с Отто поднимем купол над теми, кому он нужен. И пусть это будет ограниченное пространство, но оно будет, и это даст им шанс на спасение. Дру больше не станет прятаться под ним. Купол, конечно, и ей не помешал бы,

но от самых распространенных Войн она уже защищена. Все остальное – дело случая. Да, мне жаль, что ей досталась не жвачка, а что-то попроще, но не все наши желания обязаны сбываться в точности так, как мы хотим. Способность у Дру была – и это самое главное.

Я вышел с работы Дру и окинул взглядом плоды наших трудов. В целом, город стал выглядеть лучше. Точно лучше того, каким я его запомнил. Улицы все еще оставались грязными, но на них не было остатков разорванных жителей; некоторые кратеры были разрушены, но большинство уцелело. Их успели укрепить, и, вероятно, они выдержат еще не один десяток атак. Кухня работала исправно, и голодными жители больше не были. У нас даже появилось пополнение – четверо новеньких уже ходили по пятам за Розанной, которая теперь преподавала в режиме реального времени: легче один раз показать, как Боссы едят туристов, чем много раз рассказать это.

Все возвращалось в норму.

Временное перемирие затягивалось. Я наблюдал за особенно алым закатом, но меня прервала пара туристов, упавших замертво. Их не съели Боссы, не разорвали другие враги. Они просто упали.

– Война! – заорали спасатели, и мы с Отто побежали по городу. Мы заглядывали в каждый дом, и объявляли:

– Война! Всем готовиться!

– Война! – отвечали нам, и мы знали, что многие боятся.

Нас стало гораздо меньше, а туристов было достаточно много. Мы боялись, что Война изменится. Что атака обернется смертью для нас и жизнью для них. Наверное, для мира было неважно, кто в итоге останется в нем жить. И мы, и туристы одинаково неприятны. Но мне хотелось бы думать, что мы лучше. Лучше туристов. Хотя бы потому, что мир к нам привык.

– Поднять купол! – приказал Отто так, будто кроме меня и его был кто-то еще. Кто-то, кто мог не расслышать, мог не подчиниться. Но никого не было. Зеленое облако едва-едва накрыло нас и несколько жителей между нами.

Я надеялся, что Дру научилась пользоваться разрушителем. Силенсия должна была ей все показать. Мне хотелось проверить и убедиться в этом самому, но я не мог бросить свою работу.

Отто велел поднять купол. Я послушался.

И, кажется, я понял, зачем Отто кричал так громко, зачем он защищал тех нескольких, один из которых был ранен и в итоге обречен, второй деформирован от рождения, а третий глуп. Все они, так же, как и остальные жители, представляющие собой винтики отлаженного механизма, должны были чувствовать себя в безопасности.

Они должны были знать, что защищены.

Только так мы могли одержать победу над туристами.

Всеми вместе не отдать им наш город.

Глава 15. Победа.

Война показалась во всей красе. Пришли целые войска врагов, но это было незначительно по сравнению с тем, как много стало отравы вокруг. Туристы падали замертво. Мы с Отто держали купол и во все глаза глядели за происходящим.

Дру действительно быстро научилась управляться с разрушителем. Конечно, ей уже рассказали, что это не стопроцентная защита, и бывают Войны, против которых разрушитель становится бесполезен, но это был не тот случай. Она ловко отбивала от себя яд, находясь в гуще толпы. Они, вместе с Силенсией, наделали достаточно разрушителя, чтобы им обеспечить тех, кто в экстремальной ситуации мог растеряться. Некоторые дома были окружены рвом с разрушителем (спасибо строителям, они оперативно сработали).

Некоторые жители оставались под нашим куполом до последнего и, пусть он не мог защитить всех, но я был рад, что мы держали его хотя бы над некоторыми. Многие кричали, видя как туристы гибли. Туристов стало гораздо больше за время отдыха, но Войне это оказалось на руку. Она убивала их одним ударом.

Мысленно я подготовился к большим потерям. Я знал, что Отто тоже к этому готов. И Дру – она периодически крутила головой в поисках того, кому могла бы понадобится ее помощь. Она собиралась грустить о потерях среди друзей и

знакомых, но почему-то никто из наших до сих пор не погиб.

Норб с новеньким металась от одного места до другого, но вестей не было. Никто не появлялся и не исчезал.

Небо алело, но уже не так ярко. Изменения были заметны только натренированному взгляду. То есть я замечал.

Если бы мы были такими слабыми, как туристы, то наш город давно перестал бы существовать. К счастью, мы не такие. Тысячи Войн, которые мы пережили: по поводу и без, те Войны, которые возникали из-за горных жителей, Элли и множества других причин, закалили нас. Мы изменились. Дед и в этом оказался прав. Что не убило, то сделало нас сильнее.

Нам было на руку, что Войны были так часто и так мало. Мы успевали к ним приспособливаться и успевали бороться. У нас появлялись новые способности и механизмы защиты. Пожалуй, ничего не сделало бы нас сильнее, чем Война.

Мы – поколение, выкованное Войной.

Она – наша сила.

А туристы, видимо, были слишком не приспособлены к ней. Если они и правда летали по воздуху (хотя, таким, как они, верить было нельзя), то едва ли их кто-то атаковал. Воздух – он другой. Не как наш город.

– Али! – закричал Отто, – показывая пальцем в гущу событий, – Смотри, смотри, что там!

Я проследил глазами за его рукой и наткнулся на увлекательную картину. Один из жителей, кто-то, с кем я лично

знаком не был, но кто точно отличался от гончара, выплевывал попавший в него яд и счастливо улыбался.

– Он же так не умел? – удивленно спросил я.

– Конечно же, нет, – покачал головой Отто, – но он научился!

По лицу этого счастливого обладателя жвачки безошибочно угадывалось то, как он рад этому факту. Война не только могла убивать, она умела делать подарки.

– Отлично! – искренне обрадовался я.

– Сила одного из нас – сила каждого! – ответил Отто и попробовал поднять купол выше. Я поддержал его, и к нам под купол поместился еще один житель: женщина, сестра которой погибла по моей вине. Помнится, в ее кратер я попал раньше, чем узнал, что многие жители спаслись. Я не рассчитывал, что она простила меня. Ей просто было страшно.

Толпы врагов шли на нас. Среди них были и Боссы, и ищейки, и киллеры... Их было много, и они, накидываясь на туристов, пропускали нас. Но туристы погибали, и защитники были вынуждены брать удар на себя. Кажется, кто-то из защитников погиб, поэтому Норб и несся к Дру, и после их короткого разговора Дру поспешила на работу, чтобы вычеркнуть имя погибшего с доски.

Но это – маленькая жертва. Такую жертву мы смогли принять.

У меня, как и у многих, не было слов, которыми можно было объяснить, насколько мы были рады Войне. Она все

еще раскрашивала розовую землю в желтые оттенки, но была страшна только для туристов. Потому что мы стали сильнее.

– Это кто? – спросил я, заметив странного сторбленного старикашку, который вроде и был похож на кого-то из наших, но будто бы переоделся. Его тело стало выглядеть иначе, и такой формы я точно еще не встречал.

– ЗдОрово! – ответил мне Отто, – Он изменил свой облик, чтобы Война до него не добралась. Редчайшая способность!

– Постой, Отто, – решил уточнить я. Подозрительно удачно все складывалось, – все наши получают новые способности?

Отто пожал плечами. Наверное, сразу у него не было четкого ответа, и он пытался его сформулировать.

– Можно сказать и так. Я такое уже видел однажды. Наверху, – пояснил он на мой удивленный взгляд, – Некоторые Войны дарят нам особые способности. Хотя, скорее всего, по теории Деда, дело не в самой Войне, а в ее длительности и периодичности.

– Если мало и часто, то мы станем сильнее? – уточнил я.

– Совершенно верно, – ответил Отто.

Это было отличной новостью, дающей надежду.

– Когда уже это прекратится? – на самом деле, мне уже стало лень держать купол. Потому что с нами ничего не происходило. Лишь защитники бегали по периметру, отвлекали врагов, но больше никто не погибал. Те четверо, которых мы

накрыли куполом, разлеглись и спокойно смотрели в небо. Как на курорте, честное слово. У них появилась способность спать, и даже дурачок смог ею воспользоваться. Их конечности торчали из-под защиты, но они не боялись этого. Стало окончательно понятно, что сегодняшняя Война нас не возьмет. Мы так боялись ее наступления и готовились к ней, а в итоге она стала самой полезной Войной на моем веку.

Туристов почти не осталось. Я даже пытался мысленно запомнить их круглые формы, их панамки и огромное самомнение. Так и хотелось крикнуть:

– Выкусите! Фиг вам – а не наш город!

Но я сдерживался, чтобы не обрадоваться раньше времени.

Когда туристов совсем не осталось, а враги начали отступать, слышались перешептывания.

– Уже все?

А сами-то как думаете? Разве можно оценить, есть ли Война, если на нас она на нас уже не влияет? А если она не влияет – значит, ее и нет.

Небо перестало быть слишком красным, а земля почти остыла.

– Похоже на то, – все же ответил я.

Все закричали победным криком, но «Ура» в их голосах не улавливалось. Это было похоже на крик взаимных поздравлений и, если честно, было не слишком понятно, с чем

именно они друг друга поздравляли: с новыми способностями, которые, кажется, возникли у всех, кто пережил несколько не убивших их Войн, или с тем, что ни одного туриста больше не было в поле зрения.

– Возможно, дело в том, что эти способности возникали постепенно, а проявились только сейчас из-за того, что все действительно испугались, – рассуждал вслух Отто, – или попробовали применить что-то новое, как это было с тобой.

Это уже было неважно.

Многие получили жвачку, и самую капельку я им завидовал. Многие изменили внешность, почти все создавали разрушитель, многие научились спать. У большинства стало по три, а то и по четыре способности. К сожалению, никто так и не научился поднимать купол, но казалось, что с таким запасом защиты он нам больше не пригодится.

Наверное, так выглядела победа.

Город окончательно вернулся к нам. Войн можно не бояться.

– Я к Дру, – не стал прощаться я с Отто, будучи уверенным в том, что мы с ним еще встретимся. Купол исчез, а я спокойно пошел к месту ее работы, думая о том, насколько же я счастлив.

Дру я обнаружил занятую делом. Она убирала из дома пустые банки, пересматривала пишущие камни и явно к чему-то готовилась. Кажется, к спокойной жизни.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я, наблюдая за ее перемещением. Она словно летала по дому и еле слышно напевала песенку себе под нос. Что со способностью, что без – Дру всегда оставалась Дру.

– Отлично, – сказала она, – Просто отлично.

Я был рад за нее и тут же вспомнил то, что долгое время было просто мечтой, а теперь стало возможно, как никогда раньше. Наш уход. С вновь приобретенными способностями жители не останутся без защиты. Даже те, кто сегодня прятался под куполом, справятся сами: с разрушителем Силенсии и с приобретенным сном. К тому же, город был почти отстроен, и наш с Дру уход стал лишь вопросом времени.

– Я хочу путешествовать, – сказал я, – хочу исследовать новые города, открывать территории. И я хочу это делать с тобой.

Дру замерла, держа в руках очередную большую банку.

– А как же остальные?.. – вновь попыталась она, но я был готов к ее вопросу.

– Они справятся, – уверенно кивнул я, – у всех появились новые способности. У кого-то несколько. Отто говорит, что дело в том, что они могли быть давно, но не применяться, или появиться от частых коротких Войн. Сам я больше склоняюсь ко второму варианту, – включил ученого я, – но эти теории не сильно важны. Самое главное то, что теперь все защищены. Даже без купола.

– А как же Отто? – проникновенно глядя на меня, спро-

сила Дру.

– О, Отто не пропадет. Он станет отличным руководителем тут.

Да, я уверен, что Отто должен управлять городом. И что вы мне сделаете?

– Я думаю, что он захочет уйти с нами, – сказала Дру.

Я не мог ответить на этот вопрос. Отто, кажется, простил мне мое играющее кое-где детство. Теперь он знал, что я действительно вырос. Он считал меня своим другом и вполне мог бы уйти со мной, к тому же, я помнил, что Отто всячески избегал роли управленца. Но с другой стороны, он доказал, что может быть отличным руководителем. Город без него осиротеет.

–Я спрошу у него. Предложу ему уйти тоже. Если согласится – уйдем все вместе. Собирайся! Нас ждет великий мир!

В моих жилах кипело возбуждение. Я был так рад самому факту того, что я скоро скину сковывающие меня оковы и пойду дальше. Туда, где новые лица, новая обстановка, новые возможности. И без груза на плечах, что я кого-то бросаю, уйти было гораздо легче. Я знал, что без меня справятся. Я знал, что меня отпустят. И я знал, что у меня есть, куда вернуться, если что-то пойдет не так.

Я был деревом, которое обрело корни.

Я должен был найти Отто. Я прошелся по всем местам, где

он мог быть. Но он не помогал ни чистильщикам, ни уборщикам, ни кухне. Его нигде не было. Я обежал строителей, заглянул к спасателем, по пути встретил Розанну и спросил у нее:

– А где Отто?

– Может, у себя дома, – предположила она.

Это было на него не похоже: отсиживаться в кратере в то время, когда другие работали. Я осознал, что даже не знаю, где дом Отто.

Розанна махнула рукой куда-то в сторону дома Деда, и я отправился на поиски.

– Отто! – кричал я, но никто не отзывался.

Хоть навещать в гости без приглашения и неприлично, но я искал друга, а потому я позволил себе эту вольность. Кратеры были пусты. Кроме одного: скромного, почти пустого. Там, в комнате, я увидел их: двух родившихся.

Я хотел, чтобы этот дом оказался не кратером Отто. Чтобы кто-то другой, а не Отто стал предком и дал потомков. Не он. Но подошедший Норб подтвердил, что это его дом, и потомки тоже его. Это значило, что Отто больше нет. Он превратился в этих двух только появившихся, малосоображающих существ. Норб засверкал пятками в сторону Дру, а я медленно вышел из кратера, обещая себе никогда сюда не возвращаться.

Мне было неважно, какое имя им даст Дру.

Я потерял друга – и это волновало меня больше всего. По-

терял. Он исчез, как исчез когда-то Фердинанд, давая жизнь мне. Вот пришло время и Отто обрести другую форму. Мы не грустили по этому поводу. Никогда не грустили. Но я делал это.

Почему сейчас? Почему не завтра, не через год, а именно сейчас, когда все наладилось, и городу был нужен Отто? Он был нужен и мне.

Жизнь – несправедливая штука. И из самого счастливого я в мгновение ока стал самым несчастным.

– У нас пополнение! – закричал кто-то.

Я не знал, куда деться.

– Мы никуда не уходим, – озвучила очевидное Дру. Я кивнул.

Ее тоже расстроило исчезновение Отто. Назвать случившееся смертью было нельзя. Потому что смерть не оставляла после себя ничего, а после Отто остались они. Все радовались, что способных поднимать купол стало больше.

– В глубине души ты понимаешь, что это было правильно.

Мы сидели у меня в кратере. В кратер Деда я больше не заходил и жить там больше не собирался. Поэтому мы с Дру ели лакомство перед портретом моего предка, чтобы хоть как-то унять пустоту, образовавшуюся после Отто.

Гибстон и Евзея – так Дру назвала его потомков.

Они действительно должны были поднимать купол, и пока ими занималась Розанна. Возможно, мы когда-то и позна-

комимся. Когда я смирюсь с неизбежностью этого.

– Почему? – переспросил я.

– Он прошел свой путь, – речь Дру была мудрой, – он исправил свои ошибки, и то, что он исчез – это естественное течение времени. Мы должны им гордиться и радоваться.

– Тогда я тоже должен исчезнуть, – ответил я.

– Настанет и твое время.

Пока оно не настало. Потому что, если Отто прошел свой путь, то я был на его середине.

– Мы обязательно отправимся в путешествие, – пообещал я, – сейчас эти... – замялся я, пробуя произнести злополучные имена, – Гибстон и Евзея, – получилось легче, чем я думал, – подрастут, они научатся поднимать купол не хуже нас с Отто, и тогда мы будем совершенно свободны.

Я бы хотел сказать, что хочу уйти сейчас. Тем более, когда отсутствие Отто очень сказалось на мне. Но то, чему меня научил уже пройденный путь, была ответственность. Я не мог бросить город. Но и управлять в нем я не собирался.

– В целом, мы победили, – выдохнула Дру, вставая со своего места и пристально разглядывая портрет. Она провела по нему пальцами, точно ища ответ у более мудрого существа, чем мы, – туристов больше нет, у меня есть способность, но...

– Но осталась одна неразрешенная проблема, – конечно, две. Но Отто было не вернуть. И я старался смириться с этим.

– Кто будет управлять городом, – озвучила мои мысли Дру.

Не то, чтобы это должен решить я, но мне казалось, что однажды мне зададут этот вопрос. Так или иначе во время Войны я и Отто стали негласными лидерами и, судя по результату, мы справились с этой ролью: город снова работал, как часы. К моему мнению прислушаются.

У меня для них пока не было готового ответа, но была идея.

Конечно, ее нужно обдумать, нужно посоветоваться, но мне показалось это правильным. Пока я буду тут, я смогу оценить верность этого решения. И, если потомки Отто, когда вырастут, хоть немного будут похожи на него, то роль главного достанется кому-то из них. А пока...

– У меня есть мысль на этот счет, – озвучил я.

Почему-то я был уверен, что мы не прогадаем.

Глава 16. Будущее.

– Дру, это тебе! Возьми мою!

– Нет, мою! У меня лишняя!

– Нет, она возьмет жвачку – и это не обсуждается!

Дру смущенно оглядывалась по сторонам и не знала, вежливо отказаться или, что было проще, согласиться. Когда жители узнали, что мы уходим путешествовать, ей безостановочно дарили новые способности. Они перестали быть в дефиците. После той Войны с туристами каждая повторяющаяся Война становилась еще короче, и каждая дарила нам новые способности. Настали времена, когда у каждого из нас их стало десятки. Мы обменивались ими и дарили в подарок. Вот и Дру провожали с почестями. Ее любили все, и хотели защитить от неприятностей, которые могли встретиться на нашем пути.

– Так! Разошлись! Дайте девочке спокойно уйти, – старик Уоррингтон подошел к нам своей старческой скребущей походкой и попытался всех разогнать. Конечно, это был рискованный шаг – сделать его главным, но к моей идее прислушались. Я знал, что он достаточно честный, чтобы править по совести и – если что-то пойдет не так – у него хватит сил признать, что он облажался. Что до его любви к принуждению... Я верил, что ему можно доказать, что есть более лояльные способы управления. В свое время то, как правил

Дед, его не убедило. Что ж. Теперь, после пережитой Войны с туристами, он признал свою неправоту и был готов к экспериментам.

– Экспедиция! Готовиться к спуску за Элли! – одновременно командовал он. – Скоро они как раз появятся.

Ах да, у нас появилась новая профессия: путешественники. Они, упакованные в специальные защитные костюмы (разумеется, в моей голове), спускались вниз по реке. Элли были достаточно гостеприимны и с удовольствием показывали нам их город: склизкий, полный кислот, но по-своему интересный. Планировалось объединить наши города.

Мы с Дру оставались в городе достаточно долго. До тех пор, пока все окончательно не наладилось. Звенья нашей общественной цепи работали хорошо и даже гораздо лучше, чем раньше. Нас становилось все больше. Город увеличился настолько, что теперь любой из нас мог спокойно идти к горам, не боясь дикарей, потому что дикари стали такими же жителями нашего города. Они сложили копья, как только услышали что за нас погибли их сородичи. Теперь дикари – наша первая линия защиты, не считая спасателей. Они охраняли нас от врагов и добывали пищу из снежных завалов.

Горных жителей я так и не простил за то, что они отказались нам помогать. Но и бороться с ними я не видел больше смысла. Они могли разрыть хоть все горы, потому что та Война, которая за этим следовала, не убивала больше ни нас, ни их. А к дикому шуму мы привыкли.

– А когда пойдём наверх? – подал голос Гибстон, стоя со своей сестрой. В их голове хранились знания, которые приобрел Отто за жизнь. Покопавшись в памяти, они сообщили, что наверху вполне можно поселиться. Однажды мы разрастемся настолько, что весь вверх будет принадлежать нам. Они очень ждали этого момента.

Город жил.

Розанна учила детей. В хороших условиях их рождалось гораздо больше. Игнатиус добывал пищу, спасатели спасали, защитники защищали, а уборщики и чистильщики достигли в своей работе таких вершин, что у ищеек не осталось ни единого шанса нас обнаружить.

Все было правильно.

Разрушенный мной механизм был собран вновь и улучшен.

Я считал это успехом.

Мне было хорошо в городе. Дру работала, а я поднимал купол вместе с Гибстоном и Евзеей. Купол почти не пригодился, и делали мы это скорее по инерции, нежели по необходимости. У нас никто больше не умирал. Только рождались.

Но пришло время двигаться дальше. Свое обещание я выполнил. И мне хотелось попробовать что-то новое. Вдохнуть полной грудью. Узнать, какая на вкус почва и вода. Я долго готовился к этому. Взвешивал все «за» и «против». Решиться покорять другой мир – та еще задачка.

Но Дру была на моей стороне.

Она говорила:

– Мы живем один раз. И разве можно не выполнить свое желание?

Конечно, она переживала за остальных. Потому что, не переживая, это была бы не Дру. Но она мыслила здраво и понимала, что город оставался под надежной защитой. Каждый сам мог за себя постоять. Самые тяжелые времена мы пережили и – Дед был прав (сколько раз я признал это?), – это Война закалила нас. Это она сделала нас теми, кем мы являлись сейчас.

Работа Дру осталась за ней. Мы решили, что повторяющиеся имена – не так уж и плохо. Потому что наше количество росло. И было глупо надеяться, что новых имен много в запасе. Мы понимали, что однажды они закончатся и надо будет либо придумывать новые, либо повторять старые. В таком случае – зачем тянуть?

Мы уходили, но место работы Дру никто не займет. Возможно, однажды мы вернемся, и она продолжит жить в своем доме и писать своими мелками. А пока все останется так, как было при нас. Никто не тронет портрет моего предка. Никто не поселится в моем кратере, потому что он принадлежит мне.

Мы не стали добрее и лучше и, честно говоря, я не считал своих соседей хорошими, но я в них верил.

Я верил, что однажды, мы или наши потомки, увеличив-

шись в сто крат и обладая всеми способами защиты в мире, окажутся везде: вверху, внизу, на свободе и в воздухе.

Я верил, что мы, как туристы, будем летать с ветром, будем строить свои города и страны. Везде, по всему миру будем жить мы. Закаленные, всесильные. Нам не будет страшно ни одна Война, потому что мы выжили в каждой. Каждую попробовали на вкус и научились от нее спастись.

Мы перестанем бояться, потому что не будет ничего, чему будет под силу напугать нас.

Дру взяла с собой несколько банок еды. Но вряд ли это было нужно – я уже умел добывать ее. Я умел почти все, что умели жители. Я, как хитрый Отто, учился всему, что попадалось мне под руку. Если мы собираемся завоевывать мир, то все знания нам пригодятся.

– Готов? – еще раз спросила Дру.

– Да идите уж, – сварливо поторопил Уоррингтон, делая вид, что занят делами, а сам тайком смахивая слезы со своего морщинистого лица, – уходите и возвращайтесь.

Я не знал, вернемся ли. Понятия не имел. Но от всей души пожал ему руку и поблагодарил за все. Странно было признавать, что тот, кто впервые обдал меня стыдом, в итоге стал тем, кому я верил больше всего.

Странная штука – жизнь.

– Ты уверен? – снова переспросила Дру, замечая, что я не смотрю на нее. Но мне не обязательно было смотреть, чтобы видеть ее развевающиеся рыжие волосы и яркое платье. Да-

же если я закрою глаза – Дру нарисована под моими веками.

Я взял ее за руку и спокойно выдохнул:

– Да.

Я был счастлив. Чувство правильности наполняло меня. Дру сжимала мою руку. Пройдя целый путь, я наконец-то обнаружил себя в том месте, в котором хотел быть.

Вот моя история. А ваша?

Эпилог.

В лаборатории было душно. Запах паров спирта, грязных склянок и человеческого отчаяния витал в воздухе.

– Я сдаюсь! – хватаясь за голову, изрек главный инженер и в сердцах кинул чашку Петри об стену. Она моментально разбилась, украсив пол своими осколками.

– Мы проиграли, – озвучил его мысли помощник.

Если уж лучшая лаборатория в мире терпела поражение, то у человечества не было шансов. Великие ученые много лет пытались придумать новое средство, которое смогло бы преодолеть все виды резистентности, но у них ничего не выходило.

– Они везде, – озвучил очевидное лаборант, – в воде, в земле, в воздухе. Они подчинили себе весь мир.

Ученый стянул с себя белую шапочку и протер ей лицо. Он, как никто другой, понимал причину этого феномена, и ему хотелось ее озвучить, несмотря на то, что уже каждый из пока что живых людей знал ее наизусть.

– А им говорили! – в последний раз возмутился он. – Говорили: ней пейте антибиотики по пустякам. А то повадились! У них болит зуб – они антибиотик, насморк – антибиотик, любая температура – антибиотик. И неважно, что не бактериальная инфекция! Но это еще что: ладно бы еще пили полный курс, а нет – им чуть станет лучше, и всё. Отме-

на! А бактериям только это и надо было! Теперь их ничего не возьмет.

Он устало опустился на пол.

Все было кончено.

Новых антибиотиков не было уже пятьдесят лет.